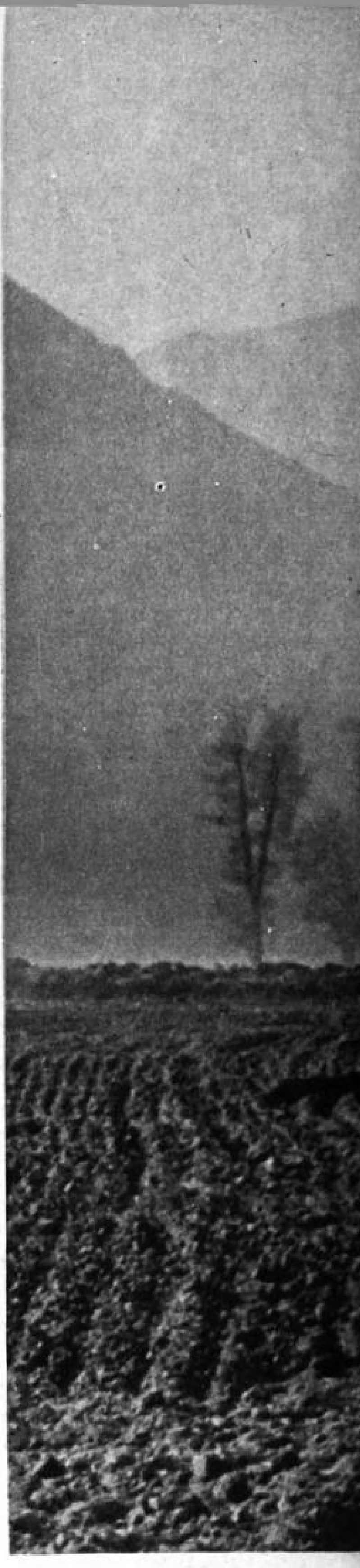

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ГОРИЗОНТЫ ЦЕЛИННОГО КРАЯ
Окончание повести Н. Асанова
«НЕ НАДО ТОПТАТЬ ЦВЕТЫ»
Когда пылал широкий Днепр
Читатели спрашивают:
—Вернется ли Будулай?

← Таджикистан, Курган-Тюбе. Тракторист колхоза имени Сталина Бобомурат Баратов на весенних работах.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 12 (1761)

19 МАРТА 1961

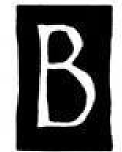
39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сев кукурузы в Гиссарской долине.

ШИРОКИЙ ШАГ ВЕСНЫ

О. КНОРРИНГ

Весна начала свое наступление. В Таджикистане зазеленели всходы озимых, на южных склонах гор показалась трава, в садах зацвел миндаль. С полей доносится непрерывный рокот моторов — это тракторы рыхлят, равняют землю, нарезают борозды для полива, это водонасосные станции качают воду для вновь освоенных земель.

В полном разгаре сев кукурузы, люцерны и семенных овощей. Вот-вот начнется массовый сев хлопка.

Первая трудовая весна после исторического январского Пленума ЦК КПСС! Таджикские колхозники хорошо подготовились к севу. Произведены весенние поливы, внесены удобрения.

Весна третьего года семилетки принесла много нового. Развернулись огромные работы по освоению новых, ранее непригодных земель. Здесь их еще много. Это или безводные склоны гор, или солончаковые низменности. Колхозникам помогает мощная техника. Особое внимание обращено на машинное орошение. Строятся крупные насосные станции, которые дадут воду, а следовательно, и жизнь целине.

Увеличились посевы риса, джугары и сахарной свеклы. Появились и новые отрасли хозяйства. Колхозники стали разводить свиней, кур, гусей и уток. В озера поймы реки Вахш пущены мальки зеркального карпа.

По пути в совхоз «Кантемировец» на станции Киялы Н. С. Хрущеву была преподнесена хлеб-соль.

И НОВЫЙ ВОЗЬМУТ РУБЕЖ

Лишь высокие травы шелестели на этих землях еще семь лет тому назад. Партия послала сюда энтузиастов. Они смело пошли в наступление на целину. И победили. Сорок один миллион гектаров поднятой плодородной земли дал стране миллиарды пудов дешевого хлеба!

Передовики сельского хозяйства Целинного края, собравшись на совещание в Акмолинске, вели серьезный разговор о том, как дальше развивать свое хозяйство. Целина дала дешевый хлеб, сейчас она должна дать дешевое мясо.

В конторе совхоза «Кантемировец» идет задушевная беседа между Никитой Сергеевичем Хрущевым и работниками совхоза.

Целинники сердечно приветствуют Н. С. Хрущева на станции Киялы.

Фото А. Новикова.

Люди Целинного края!

С большой речью выступил на совещании Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев. Речь его была выслушана с большим вниманием, не раз прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

Четко были сформулированы на совещании задачи, которые стоят ныне перед всеми тружениками сельского хозяйства Целинного края: резко повысить урожайность полей, открыть зеленую улицу кукурузе, немедленно начать наступление на вторую «целину» — животноводство.

В клубе совхоза «Кантемировец» целинники слушают выступление Н. С. Хрущева.

Молодых строителей приветствуют трудовые резервы.

Фото И. Тункеля и Д. Ухтомского.

КОММУНИЗМ ВОЗВОДИТЬ МОЛОДЫМ!

Они приехали со всех концов страны. Их больше двух тысяч. Молодежный авангард одной из самых благородных и человечных на земле армий — армии строителей.

Почти пять лет назад было первое Всесоюзное совещание молодых строителей. Сейчас второе. За это время в типографиях страны отпечатали больше миллиона комсомольских путевок. Больше миллиона юношей и девушек пришли на стройки, они принесли с собой молодой задор и энтузиазм.

И сюда, в Кремлевский дворец, они пришли с песней о фабриках, вырастающих в тайге, о новых городах, о величавой Ангаре... Так и началось это совещание — песней.

Двухтысячный хор монтажников, машинистов башенных кранов, каменщиков, строителей заводов, городов, дорог и нефтепроводов пел ее уверенно, словно за плечами у этих жизнерадостных ребят не один десяток репетиций и выступлений.

Они и 3 миллиона их друзей за три года построили 14 домен и 20 мартеновских печей, 27 прокатных станов и цехов, проложили и электрифицировали 9 тысяч километров железных дорог, протянули через степи, тайгу и болота больше 5 тысяч километров магистральных газопроводов. Они отчитывались перед Центральным Комитетом нашей партии, перед всей страной, перед молодостью мира — 2 тысячи от лица 3 миллионов!

Один за другим поднимались на трибуну ораторы, говорили о том, что сделано, и о том, что еще предстоит сделать, критиковали, предлагали, советовались. Без громких слов и красивых жестов рассказывали о своих исторических делах, о том, чем думают встретить XXII съезд КПСС, как ответить на приветствие ЦК КПСС в адрес совещания молодых строителей. И чем-то они были похожи друг на друга, эти юноши и девушки, живущие за сотни и тысячи километров друг от друга, словно и в самом деле были участниками одного могучего, трехмиллионного хора.

Приветствие, которое молодые строители направили Центральному Комитету КПСС, звучало как строки из новой волнующей песни:

«В новых домнах — огонь наших сердец, в светлых домах — наша любовь к людям, в ракетах, направленных к звездам,— наша дерзновенная мечта о будущем».

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Ливии, находящаяся в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР, посетила рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле.

Фото А. Конькова.

(Фотохроника ТАСС).

НЕДЕЛЯ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Творческие встречи сибирских литераторов с москвичами, читательские конференции, большой профессиональный разговор в Союзе писателей РСФСР о произведениях писателей Сибири — такова программа гостей Москвы, литераторов-сибиряков, побывавших в столице в первой половине марта. Своеобразная Неделя сибирской литературы в Москве стала полезной и для гостей и для москвичей: она еще раз показала, как много хороших книг создано писателями Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Читы и других сибирских городов. Очень запомнилась гостям встреча с Михаилом Александровичем Шолоховым, которая состоялась 10 марта.

На снимке: М. А. Шолохов среди участников Недели сибирской литературы в Москве.

Итак, борьба началась...

Гроссмейстер Сало ФЛОР

Шахматисты хорошо помнят день 7 мая 1960 года. В Театре имени Пушкина в Москве состоялась 21-я партия матча на первенство мира. Ровно в шесть часов вечера Михаил Ботвинник пожал руку Михаилу Талю. Это было весьма многозначительное рукопожатие: с этого момента у Ботвинника в его звании чемпиона появилась неприятная приставка «экс».

Сияющий от счастья Михаил Таль увез из Москвы лавровый венок чемпиона мира. В Риге ему устроили восторженную встречу.

Когда М. Ботвинник проиграл матч В. Смыслову в 1957 году, он месяцами думал о том, вызывать Смыслова на реванш или нет. У него были некоторые колебания: может быть, шахматному миру будет неинтересно следить в третий раз за их поединком. После поражения от М. Таля (счет 12,5 : 8,5) Ботвинник также не сразу стал рваться в бой. Только в августе он принял решение: вызов на матч-реванш был послан!

Возник вопрос: где должен играться матч-реванш? М. Таль и вместе с ним вся Рига, вся Латвия просили провести матч-реванш или хотя бы половину его в Риге. Но М. Ботвинник считал, что матч-реванш во всех отношениях (кроме результата!) должен быть копией их прошлогоднего матча. Так и решили. Москвичам приходится запомнить лишь новый адрес: Берсеневская набережная, Театр эстрады. Уж одно это название может легко навести на мысль, что матч-реванш будет протекать «весело»!

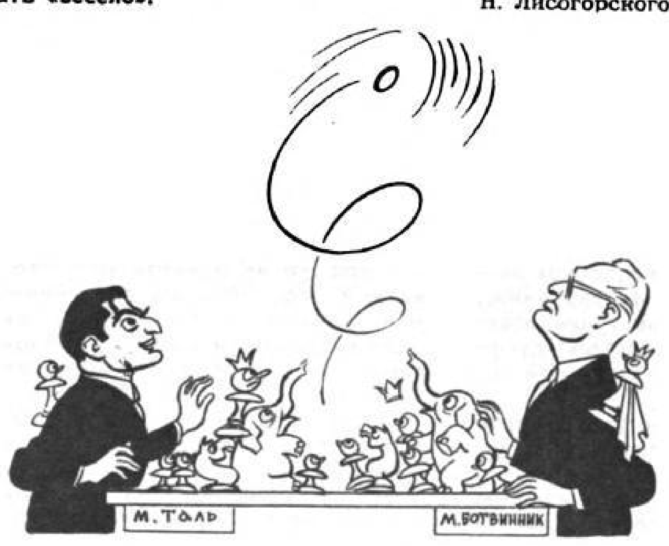
В какой форме мы увидим двух прославленных Михаилов? Михаил Таль после его победы выступал на олимпиаде в Лейпциге, на турнире в Стокгольме и в дружеском матче с командой ФРГ в Гамбурге,— как и полагается для чемпиона мира, всюду на «отлично».

М. Ботвинник в Лейпциге играл превосходно, и многие международные эксперты высказали мнение, что в игре Ботвинника есть еще достаточный огонек. Больше Ботвинник не выступал: он готовился в тишине домашнего кабинета и вместе с тренером, вероятно, прошел серьезный курс лечения от своей «цейтнотной болезни». Если Ботвинник не вылечился, тогда... Впрочем, посмотрим.

У кассы Театра эстрады появился аншлаг: «Все билеты на первую партию проданы!» В Москву прилетела опытная «судейская фирма» — Г. Штальберг из Стокгольма и Г. Голомбек из Лондона. Главный арбитр матча в гостинице «Националь» приступил к первым обязанностям: он взял в руки две пешки, белую и черную, и предложил М. Талю тянуть жребий. Чемпион мира вытянул черную пешку — значит, в первой партии белыми играет М. Ботвинник.

М. Ботвинник заявил, что он еще не решил вопрос с секундантом. Пока он ринется в бой без помощника, но оставляет за собой право, согласно правилам, в более поздний срок назначить секунданта.

Итак, шахматный спор двух Михаилов начался.

Дружеский шарж Н. Лисогорского.

КО ДНЮ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Теофиль Ферре — коммунар

28 ноября 1871 года в 7 часов утра площадь у подножия холма Сатори в Версале выглядела торжественно и зловеще. Около трех тысяч солдат построились в каре на площади. Казалось, что армия готовится к бою.

Но предстоял не бой. Предстояла казнь. Невдалеке отсюда, в тюрьме Сатори, томилось в заключении множество коммунаров. И в этот день должны были подвергнуться казни три члена Коммуны: двадцатишестилетний Теофиль Ферре и два его товарища — Россель и Буржуа.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма наряду с другими материалами о Парижской коммуне хранится пожелтевший от времени, наскоро и небрежно написанный «Акт о казни». Из этого акта явствует, что при казни, кроме войск, присутствовало только 7 или 8 журналистов. Были приняты все меры к тому, чтобы на площадь не проник народ...

Когда экипажи с осужденными приблизились к месту казни, коммунары твердым шагом подошли к столбам, против которых были расположены отряды солдат. Теофиль Ферре решительным жестом оттолкнул подошедшего к нему священника, сорвал повязку, которой ему пытались завязать глаза, и смело встретил смерть.

Теофиль Ферре был мужественным, непреклонным революционером. Мелкий служащий, он начал свою революционную деятельность двадцати трех лет. За резкие выступления против правительства Наполеона III он подвергался многочисленным преследованиям и на одном из процессов бросил в лицо судьям гневную фразу: «Я социалист, я атеист!.. Когда сила будет на моей стороне, берегитесь!» С первых же шагов Коммуны он стал деятельнейшим ее участником — руководителем Комиссии общественной безопасности, одним из заместителей прокурора Коммуны — и проводил решительные революционные меры, навлекшие на него бешеную ненависть буржуазии. В дни «Майской недели» Ферре активно участвовал в боях с версальцами. После разгрома Коммуны он скрывался и был арестован в июне 1871 года. Представ 7 августа перед судом, Теофиль Ферре отказался от защитника и огласил заявление, в котором мотивировал, почему он не хочет давать показания. Этот документ, исполненный спокойного достоинства, беспощадно разоблачающий классовый характер суда, творимого над коммунарами, также хранится в Центральном партийном архиве, и мы приводим его здесь целиком.

Н. НЕПОМНЯЩАЯ, И. СИНЕЛЬНИКОВА.

КОММУНАР.
Рисунок Н. Кривова.

«Господам членам 8-го военного суда в Версале

Принимая во внимание, что я имел честь быть избранным в члены Парижской Коммуны 13 700 избирателями 18-го округа, что я принял этот мандат и обязался честно выполнять свои полномочия.

Принимая во внимание, что после падения Парижской Коммуны ее защитники испытывают общую всем побежденным народным партиям судьбу и их личность, их учения, их поступки, даже их намерения, подвергаются умышленному искажению и истолковываются самым лживым и самым гнусным образом.

Принимая во внимание, что многие сторонники Парижской Коммуны убиты, другие в тюрьме, остальные вынуждены скрываться и поэтому не могут, по крайней мере в настоящее время, восстановить истину и заклеймить позором клеветников.

Принимая во внимание, что военные и гражданские судьи не могут оценить с должным беспристрастием дело, против которого они же выступали с оружием в руках.

Принимая во внимание, кроме того, что неслыханное обращение, которому подвергался я лично, и жестокие преследования членов моей семьи лишают меня всякой возможности защищаться.

Принимая во внимание, наконец, что указанные обстоятельства предписывают искреннему республиканцу, желающему сохранить свое достоинство и верность своим принципам, поведение, которому он должен следовать:

На основании всего этого я заявляю о своем категорическом отказе отвечать на какие бы то ни было вопросы, которые мне могут быть поставлены, кроме относящихся к моему гражданскому состоянию, и о своем намерении не принимать никакого активного участия в предстоящем судебном разбирательстве.

Т. ФЕРРЕ».

Понедельник, 7 августа 1871 года.

МУДРОСТЬ И ГОРЕНИЕ

Народный художник СССР Матвей Генрихович Манизер принадлежит к числу крупнейших представителей советских монументалистов.

Сады и парки Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова, Минска и Ташкента, Ульяновска и Петрозаводска, Мичуринска и Куйбышева и десятка других городов нашей Родины украшены памятниками выдающимся деятелям Советского государства, науки и культуры, изваянными неутомимыми руками замечательного мастера.

Кто не помнит созданный М. Г. Манизером памятник В. И. Ленину в Ульяновске, олицетворяющий неукротимую волю, мужество и решимость великого вождя трудящихся! Вариант этой скульптуры, экспонировавшийся на Всемирной выставке в Брюсселе, завоевал горячие симпатии далеко за пределами нашей Родины. В прошлом году эта монументальная статуя была установлена в Москве, на стадионе имени Ленина в Лужниках.

Все, кому дорога проникновенная муза Тараса Шевченко, с благодарностью вспоминают работу Манизера, запечатлевшего образ великого кобзаря в памятнике, установленном в городе Харькове.

А памятник в городе Куйбышеве легендарному герою гражданской войны Чапаеву, окруженному своими соратниками! А обаятельный, человечный образ Мичурина в городе Мичуринске и десятки других светлых имен, увековеченных М. Г. Манизером в бронзе, граните и мраморе!

17 марта М. Г. Манизеру исполнилось семьдесят лет. Пятьдесят лет неутомимого труда, творческого горения отданы на службу искусству. Поистине небывалой работоспособности маститого художника мог бы позавидовать любой юноша.

М. Г. Манизер умело сочетает свою огромную творческую деятельность с большой общественной и педагогической работой. Сотни молодых скульпторов, воспитанных им, успешно работают в различных городах Советского Союза. А беседы М. Г. Манизера с молодежью — сколько в них мудрости и опыта человека, прошедшего большой и славный творческий путь, как помогают они не только пониманию художественного мастерства, но и воспитанию мировоззрения молодых художников!

М. Г. Манизер полон творческой энергии, о чем свидетельствует только что открывшаяся выставка его произведений, где наряду с давно знакомыми образами немало новых работ, созданных в последние годы.

В дни славного юбилея хочется пожелать художнику долгих лет неутомимого творческого труда во славу своего народа, труда, в котором М. Г. Манизер, как подлинный патриот, всегда видел цель и смысл всей своей жизни.

Президент Академии художеств СССР Б. ИОГАНСОН.

М. Г. Манизер в своей мастерской.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ТОРГОВУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ **во главе с заместителем руководителя делегации Чжоу Хуа-минем принял заместитель министра внешней торговли СССР П. Н. Кумыкин.**

На снимке: П. Н. Кумыкин и Чжоу Хуа-минь обмениваются рукопожатием.

Фото Н. Ситникова. (Фотохроника ТАСС).

У слияния двух рек

Казимир **ЛИСОВСКИЙ**

Фото Б. Кузьмина.

Трехметровые толщи снега. Хребты, поросшие черной тайгой — елью, пихтой, кедром. Быстрые горные реки, полные хариусов и тайменей. Край темир-узов — кузнецов, как в древности именовали шорцев, коренных жителей этих мест. Край угля, руды и металлов...

Мне вспоминаются годы первых пятилеток, когда на карте страны стали появляться названия новых городов, возникавших в Сибири. Строился Кузнецкий металлургический комбинат, давший жизнь Сталинску, тому самому городу-саду, о котором мечтал Маяковский. Вслед за ним на карте возникали названия рудников — Темир-Тау, Тельбес, Таштагол. Их руда хлынула к домнам кузнецкого гиганта.

Тогда у слияния двух рек — зеленой Усы и голубой Томи — было еще безлюдно и трубный рев марала вспугивал нетронутую тишину этих гор, распадков, таежных чащоб.

Но с каждым годом все новые и новые отряды геологов уходили в тайгу. Пришли они и сюда, к слиянию двух рек, в местность, которую издавна называли Междуречьем...

Недавно нанесенный на карту

— Только не расхваливайте чересчур наш город, поменьше восторгов, побольше делового разговора...

Такими, или почти такими, словами встретил нас секретарь Междуреченского горкома партии Олег Сергеевич Семенов.

За окнами падал крупный сырой снег. Сквозь белую пелену были хорошо видны красивые пятиэтажные здания Коммунистического проспекта — главной улицы молодого Междуреченска.

Я не знаю, кто и когда придумал имя этому городу. Вначале хотели назвать его Томьусинском. Но кто бы он ни был, этот человек, я верю: в душе он был поэтом. И совсем недавно на картах появилось название города, которому от роду всего пять лет: Междуреченск. С двух сторон омывают его реки — Томь и Уса. За Усой — шахты, за Томью — угольные разрезы.

Да, город юн. А слава о нем шагнула далеко за пределы Кузбасса. И не удивительно: здесь колоссальные угольные запасы, составляющие около ста миллиардов тонн, половина из которых — коксующиеся. Уже сейчас шахта «Томьусинская 1—2» выдает на-гора́ восемь тысяч тонн угля ежедневно.

Невдалеке строится шахта «Томьусинская 5—6». В будущем году она вступит в строй. Вслед за нею возникнут два мощных гидрорудника — Распадский и Усинский. Каждый из них будет давать около пяти миллионов тонн угля в год. А там новые разрезы: Томьусинский 7—8, Сибиргинский... Все они вступят в строй уже в нынешней семилетке.

Огромный разворот работ, дыхание стремительной жизни молодого города мы особенно явственно ощутили, когда машина помчала нас к угольным разрезам — Красногорскому и Томьусинскому 3—4.

Чуть ли не каждую минуту на нашем пути вырастали встречные многотонные ЯАЗы, доверху нагруженные углем. На радиаторах машин поблескивала заводская марка — медведь. А настоящих медведей сейчас на десятки километров вокруг не сыщешь.

Перед нами высятся стены. Черные, поблескивающие на солнце стены каменного угля. Мощные экскаваторы вгрызаются в них, за один-два приема нагружая автомашину. Томьусинский разрез особенно богат. Пока что разрабатывается только его верхний слой. Через три-четыре года разрез будет давать открытым способом коксующиеся угли, залегающие глубже.

Рычание самосвалов, рокот экскаваторов... А там, далеко внизу, вторят им басовитые гудки электровозов, везущих составы думпкаров, наполненных отвальной породой.

На обратном пути, уже в черте города, путь нам преградила вода. Небольшой экскаватор черпал грунт под котлован. И с каждым ковшом все больше выступала на поверхность болотистая жижа.

— Вода... Зимой, да еще в Сибири? — спросят, быть может, удивленные читатели.

Да, вода!

Город стоит в пойме двух рек, на месте, где раньше были курьи — заливы. Он в буквальном смысле слова стоит на болотах. И поэтому каждый метр жилой площади здесь достается нелегкой ценой. За каждый метр люди вступают в бой с природой. Прежде чем заложить фундамент, нужно выбрать полтора-два метра грязи, затем — метровые слои илистого торфа. Освобожденный от торфа и грязи котлован тотчас же заливает вода. Вереницы машин подвозят сюда, на строительство, гравий и ссыпают его, пока слой не поднимется на несколько метров. В этом слое гравия выкапываются траншеи, а затем закладывается фундамент.

Неимоверны усилия строителей. Но трудностям наперекор междуреченцы возводят кварталы нового города. Уже построено больше 60 четырех- и пятиэтажных благоустроенных домов, а в этом году будет сдано еще тридцать. Город растет. Сегодня в нем свыше шестидесяти тысяч жителей. К концу семилетки население возрастет вдвое! В недалеком будущем город обзаведется еще двумя кинотеатрами, двумя клубами. И своим трамваем — он появится уже в нынешнем году.

Какое же надо иметь упорство, какими надо обладать терпением и выдержкой, чтобы упрямо, из года в год вести борьбу с болотами, отвоевывая у них метр за метром.

После появления в печати первых сообщений о стройке Междуреченска сюда, как это всегда бывает, устремились из разных уголков нашей страны люди. Одни ехали, чтобы найти себе работу по плечу, другие — за романтикой, третьи — в погоне за длинным рублем.

Да, разные люди приезжают сюда. И разные у них судьбы.

Судьбы

Когда мы поднимались по гудронированному шоссе к Томьусинскому разрезу, на одном из поворотов открылась широкая панорама изрезанных угольных холмов. На вершине одного из них мы увидели четырехкубовый экскаватор. Он снимал верхний слой земли, добираясь до угольного пласта,— работал на вскрыше.

— Это наш комсомольский экскаватор, один из лучших на разрезе,— пояснили мне.— Бригадир его Александр Терентьевич Иванов работает здесь на пару с сыном. Тоже машинистом.

С Александром Терентьевичем мы встретились несколько дней спустя. Он рассказывал историю своей жизни. Еще с юности по-

любил машины. Окончив в Прокопьевске горный техникум, Александр Терентьевич стал работать механиком участка на угольном разрезе. Потом два года был помощником главного механика.

Вернувшись после войны в родной Прокопьевск, Александр Терентьевич вступил в партию. Сам смонтировал экскаватор ЭШ-4/40, хотел работать на нем, но... получил назначение на должность механика. Тогда попросил перевода сюда, в Междуреченск. И вот он, наконец, бригадир экипажа комсомольского экскаватора ЭШ-4/40 № 282.

Во время нашей беседы в комнату зашел парень — косая сажень в плечах — с малышом на руках.

— А вот Анатолий, мой сын... Он, еще когда учился в десятом классе, окончил курсы машинистов. По твоим стопам, говорит, пойду. Так и работаем на пару.

Анатолий бережно ставит на пол своего маленького сына Андрюшку и подсаживается к нам.

— Женился он в прошлом году,— говорит Александр Терентьевич.— Неля, жена его, тоже машинистом работает, на мостовом кране. Хорошая девушка! Нашей, горняцкой закваски. Решили молодые жить своей семьей. Самостоятельно. Оно, может, и верно! Денег хватает. Анатолий каждый месяц приносит домой до двухсот с половиной... Новыми деньгами.

Александру Ильиничну, хозяйку дома, мы не смогли повидать. Она недавно вернулась с ночной смены — учетчица на разрезе. Зато познакомились с дочерью Лидой, крепкой, с румянцем во всю щеку девушкой. Настоящая сибирячка! Она тоже работает — токарь в механическом цехе. Недавно избрали ее членом комитета комсомола Красногорского разреза. Вечерами Лида учится в школе рабочей молодежи, заканчивает девятый класс, собирается поступать в техникум.

Впрочем, здесь все или учатся, или учат других. Анатолий готовится на заочное отделение машиностроительного института, отец — председатель постоянно действующего производственного совещания...

И глядя на этих людей, слушая их рассказы о своей работе, наблюдая за ними в быту, приходишь к радостному убеждению: вот она, настоящая рабочая семья. Советская семья!

— Приезжайте к нам летом,— говорит Александр Терентьевич.— Рыбы здесь много. Места такие красивые — глаз не оторвать! Сядем в мою «Победу» и покатим куда-нибудь подальше, в тайгу, к речке, к хариусам да тайменям...

У этих людей одна судьба. Прямая, чистая, светлая.

И совсем по-другому сложилась жизнь у Николая К.

Отец его погиб на фронте, в рядах Сибирской дивизии. На руках у матери осталось трое малышей, которые часто оказывались предоставленными самим себе. Пятый класс Николай не закончил. Связался с дурной компанией, со старшими по возрасту парнями, нигде не работавшими. Взломали как-то сарай, украли голубей. Продали. Часть вырученных денег досталась Коле. Это ему понравилось. Оказывается, можно не работать, а деньги иметь. И пошло, и пошло...

В Междуреченск К. приехал с двумя судимостями. Поступил на шахту «Томьусинская 1—2» учеником навалоотбойщика. Из первого же заработка перевел деньги матери. Первые честным трудом заработанные деньги...

Как-то смене, в которой трудился Николай, надо было получать зарплату. Идти всем — значит, работа остановится. Тогда послали Николая получить по доверенности у кассира на всю смену — тысяч десять — двенадцать на старые деньги.

Прошло несколько часов, а в забое он все не появлялся. Нашлись такие, что с ухмылкой говорили:

— Ищите-свищите теперь вашего Николая. Урка есть урка. Небось, уже к Новосибирску подъезжает с нашими денежками...

А через несколько минут в забое появился Николай, вспотевший, запыхавшийся от бега. Он бережно прижимал к груди пачки денег, спрятанных за пазухой.

— Задержался, ребята. Очередь была...

Если бы подробно рассказать о том, с какой теплотой отнеслись к нему шахтеры, как просили выдать ему внеочередной аванс, как заботливо учил его мастерству навалоотбойщика бригадир Иван Оникиенко,— право же, получилась бы маленькая, своеобразная «Педагогическая поэма».

— Вначале взгляды у некоторых были недовольственные. Видели во мне что-то недружеское: развязность, движения не те, слова не те. Потом прошло. Да я и сам увидел, что жизнь у меня начинается. Трудовая, шахтерская...

И все-таки сорвался. Надебоширил. И снова скамья подсудимых. Вот что писала об этом местная газета:

«В зал судебного заседания пришли все горняки, свободные от работы. В притихший зал падают тяжелые, как глыбы породы, слова судьи. К. не просит пощады, молчит, потупя взор, не смея смотреть в глаза товарищам, с которыми еще недавно работал в одном забое.

Основательно, будто взвешивая каждое слово, выступал на суде общественный защитник, горнорабочий 19-го участка шахты «Томьусинская 1—2» Василий Соловьев:

— Мы просим народный суд отдать К. на воспитание нашему коллективу».

Так боролись за судьбу Николая его истинные друзья — коммунисты, комсомольцы, такие же, как он, шахтеры.

И К. всем своим существом почувствовал поддержку, но понял: если и сейчас подведет, то не найдется ему места в шахтерской семье. С каким-то неистовством работал, бросал уголек на конвейер, подчищал забой. Ни одной минуты простоя, ни одного замечания. Вскоре его перевели из четвертого разряда в пятый. А высший разряд для навалоотбойщика — шестой.

И как-то само собой получилось, что в комитет комсомола поступило заявление с просьбой о приеме в ряды ВЛКСМ, подписанное Николаем К. И его приняли.

— В первый раз в жизни шел я, не оглядываясь назад,— вспоминает теперь Николай.

* * *

Уголь... Руда... Марганец... Все рядом! И невольно дух захватывает от волнения, когда пытаешься представить себе завтрашний день Междуреченска — молодого города горняков, раскинувшегося у слияния двух рек: зеленой Усы и голубой Томи.

Александр Терентьевич Иванов и его сын Анатолий — бригадир экипажа экскаватора и помощник машиниста.

Юван ШЕСТАЛОВ

Мы идем против стрел —
против острых ветров.
Мы идем против вьюг —
против белых костров.
Мы идем обживать
неразведанный край,
Неразведанный край,
где живет горностай,
Мимо кедров,
где белочка — огненный мех —
Для своих кладовых
собирает орех,
Мимо кедров,
где раньше лишь соболь скакал,
Обнажая
зубов своих мелких оскал.

Тут земля, как луна:
горы снега и льда,
Тут еще человек
не печатал следа.
Мы идем по земле,
где хозяин-мороз
Перед нами дерет
крючковатый свой нос.
По луне мы идем,
по земле мы идем.
Рядом с кедром таежным
поднимется дом!
Рядом с кедром таежным
поднимется сад!
А мороз свирепеет,
аж лыжи трещат!
Куропаткам
и тем высоко не взлететь:
На лету леденеют —
и камнем в снега,
Но от нас убегает мороз,
как медведь,
Как подбитый медведь,
что почуял врага.
Наших звездных голов
не опустим, не жди!
Ах, какой мы увидели
день впереди!
В ожерелье лучей,
в красных гроздьях гвоздик,
Он для нас
в неразведанных далях возник.

Перевела с манси
Н. Грудинина.

Из книги „ВОЗРАСТ"

Евгений ВИНОКУРОВ

Небо

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.
Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.
Мучительны его загадки,—
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно —
То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!
Потеря неба! В самом деле
Она страшней других утрат!
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!
Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет, и вот
Полоска узкая лазури
Как будто бритва полоснет.
Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.
И кажется, что скоро, скоро
Оно вдруг рухнет, но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.
Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.
...В отличье от всего на свете
Ему конца и вправду нет.

Обложка иностранного журнала

Обложка иностранного журнала:
Вот женщина. Она обнажена.
Она победно лавры пожинала
За красоту.
Мир потрясла она!
Она в чулках. А вот она на пляже.
У телефона. Как хохочет рот!
А это кто под душем?
О, она же!
Она в трико и вполуоборот.
Она в отеле. Вот она в постели.
Она пьет с другом...
Мир у женских ног.
Крадется в сердце ужас: неужели
Все это цель, конец, венец, итог?

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ ИСКУССТВА

Когда Игоря Эммануиловича Грабаря спрашивали, как он успевал делать все, что довелось ему сделать, он говорил в ответ о своей одержимости искусством, о воле и страсти к труду.

Прожил он большую жизнь — почти целое столетие. И все же кажется, что это была не одна, а несколько жизней.

Юность художника прошла нелегко. Самому приходилось заботиться о хлебе насущном. Ночами просиживал он над рисунками для юмористических журналов, работал чтецом, переводчиком.

Учился Грабарь в Академии художеств, в мастерской И. Е. Репина, потом некоторое время жил и работал за границей — в Мюнхене. Он с увлечением знакомился с творениями мастеров прошлого в картинных галереях Европы, изучал современное западное искусство.

В своих живописных работах Грабарь использовал колористические достижения европейских художников конца XIX века, однако это отнюдь не было подражательством. Страстная влюбленность в родную природу сопутствует его поискам новых живописных форм. Подлинный трепет жизни обретают его полотна: «Февральская лазурь», «Мартовский снег», «Сентябрьский снег» — изумительные симфонии солнца и снега.

И маленькие этюды и большие картины Грабарь неизменно рисовал на натуре. С мольбертом и зонтиком устраивался он где-нибудь за околицей села или в лесу, на поляне, сверкающей снежной белизной. Художник стремился увидеть и запечатлеть «праздник лазоревого неба, жемчужных берез, коралловых веток и сапфировых теней на сиреневом снегу».

Грабарь работал всегда очень увлеченно и всегда размеренно,— день за днем, не изменяя раз навсегда установленного режима. Он вставал в четыре часа утра, а ложился в девять вечера. Эта рабочая система даже определяла в какой-то мере его творческую программу: утро — любимый образ художника.

«Не люблю ночей, ни темных, ни лунных, не видя в них поэзии,— признавался Грабарь,— утро люблю больше вечера и обожаю солнце. Может быть, оттого мне всегда было органически противно всякое кривляние в искусстве, все противоестественное, деланное... люблю только радостное, радужное, ясное, светлое... не принимая и не понимая беспредметности, абстракций и всяких мудрствований»...

С 1909 года на протяжении нескольких лет новые картины Грабаря вдруг перестают появляться на периодических выставках. В его закрытой мастерской пылятся неоконченные полотна. Художник с головой уходит в затеянный им громадный труд — создание многотомной «Истории русского искусства». Он ведет кропотливую работу в архивах, тщательно исследует многочисленные частные собрания. В новом свете, с громадным количеством новых фактов предстает творчество Левицкого, Рокотова, Баженова, Казакова. Подлинной поэзией насыщены исследования о творениях безвестных мастеров русского народного зодчества. Многие из них были впервые открыты Грабарем в глухих уголках русской провинции.

После революции общественная деятельность Грабаря приобретает невиданный размах. Он директор Третьяковской галереи, руководитель Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, организатор Реставрационных мастерских.

Признанный эксперт в области техники живописи, Грабарь неоднократно приглашался специалистами Европы для определения авторства того или иного шедевра мирового искусства.

...В годы Советской власти расцвело творчество Грабаря-художника. Жанр портрета стал его излюбленным жанром. «Высшее искусство есть искусство портрета,— пишет художник,— задача пейзажного этюда, как бы она ни была пленительна, пустяшная задача по сравнению со сложным комплексом человеческого облика, с его мыслями, чувствами, переживаниями».

Работа Грабаря «Ленин у прямого провода» — одно из лучших произведений о Владимире Ильиче в истории советской живописи.

До последних дней жизни И. Э. Грабарь был полон кипучей энергии. Вся его жизнь — пример творческого горения, пример неустанного труда в искусстве, пример пытливости и дерзания.

Л. ОСИПОВА

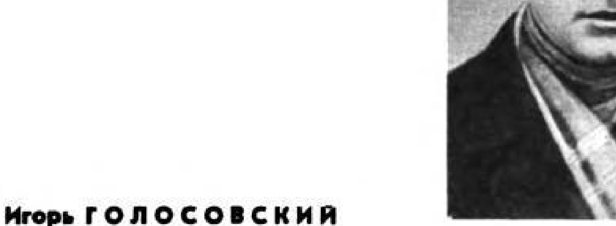
И. Грабарь. В. И. ЛЕНИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА.

И. Грабарь.
ФЕВРАЛЬСКАЯ
ЛАЗУРЬ.

КОГДА ПЫЛАЛ

«ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О НЕИЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

Я. А. Самарский.

И. Клюев.

Е. Кулакова.

Г. Савченко.

ШИРОКИЙ ДНЕПР

Давно заросли травой поля сражений. На месте развалин встали светлые дома. Там, где были воронки от бомб, теперь гладкий асфальт. В осиротевшие семьи пришел покой. Трудно он дался, этот покой. Да и применимо ли тут слово «покой»? Какая же мать позабудет погибшего сына? Вечно будет старая оплакивать его...

Жизнь движется вперед. Иные мысли, иные чувства волнуют сегодня людей. Все это так, но никогда не станут лишь музейным достоянием боевые простреленные знамена. Еще не сложена до конца песня о подвиге народном.

Отыскиваются дневники, написанные патриотами перед казнью, и мы узнаем о бессмертных подвигах неизвестных доселе героев. А то промелькнет где-нибудь в толпе на улице знакомое ненавистное лицо, и, схваченный за руку, подлый предатель дает следователю страшные свои показания. И тайное делается явным...

...Матерой сволочью был Густав Якобовский, переводчик шефа политической полиции «СД» в оккупированном Днепропетровске. Много лет скрывался, менял фамилии, документы, но все же попался и предстал перед судом.

Несколько недель он писал свои показания. Ему было о чем рассказать. Аккуратным, круглым почерком заполнял страницу за страницей.

Так стали известны новые факты о деятельности Днепропетровского подпольного горкома партии.

Я познакомился с показаниями Якобовского, со скупыми документами областного партийного архива, встретился с родственниками казненных коммунистов и с немногими оставшимися в живых подпольщиками.

О них, простых и скромных советских людях, не покорившихся врагу, написан этот очерк. Он не претендует на полноту. Девятнадцать лет минуло с тех пор. Какие-то неточности вполне возможны. Но я надеюсь, что еще отыщутся очевидцы, а возможно, и участники описанных мною событий, и тогда мы узнаем подробнее о подвиге коммунистов Днепропетровска.

Вот как это было...

1

Что за жизнь настала у Ксении Алексеевны Шепитько! Еще недавно не последним человеком слыла, люди ее уважали, советовались с нею о своих делах. А теперь стоит она на базаре с утра до сумерек и охрипшим голосом предлагает горячие пирожки собственного приготовления. Что же ей остается делать? Жить ведь какнибудь надо. Кто накормит старуху? Кому она нужна?

28 августа 1941 года Днепропетровск был оставлен советскими войсками. Двух недель не прошло, а кругом так все изменилось, точно оккупация длится не один год. Расхаживают по проспекту Карла Маркса немецкие офицеры. Как грибы после дождя, расплодились разные лавочки, комиссионные магазины и частные мастерские.

Во Дворце культуры имени Ильича фашисты устроили конюшню. В клубе шоферов открыли варьете и публичный дом для офицеров. В магазинах разместились представительства немецких торговых фирм. Только успевай читать: «Рейхсверке Герман Геринг», «Маннесман», «Братья Льенбек».

Каждый вечер выстрелы то там, то здесь. По базару ползут страшные слухи: одного расстреляли, другого повесили, третьего забрали в концлагерь.

...12 сентября 1941 года Ксения Алексеевна проснулась рано. Она с вечера замесила тесто, решила напечь пирожков с капустой. Растопила плиту в саду и принялась смазывать противень ваткой, слегка смоченной в подсолнечном масле. Тишина. Собственно, и шуметь-то некому. Почти все жильцы дома эвакуировались. В самом начале войны уехала сестра Катя, жившая со своим мужем, сыном и невесткой в подвале. Сын ее, Юра Савченко, еще до войны, в 1939 году, ушел в армию — стал там политруком. Жена Юры, молодая красивая Клава, хотела было остаться в Днепропетровске с дочкой Галей, но Юрины родители уговорили ее уехать... В доме живет теперь, кроме Ксении Алексеевны, только ее сестра Ольга.

Месит Ксения Алексеевна тесто, а сама продолжает мысленно старый-старый спор с племянником. Раньше они, бывало, частенько спорили. Оба горячие, вспыльчивые, никогда друг другу не уступали. И, несмотря на солидную разницу в возрасте, крепко, понастоящему дружили.

До армии Юрий работал электромонтером на заводе, там вступил в партию.

Спорили Ксения Алексеевна и Юрий о разном, но чаще всего об отношении к людям. Немало хлебнувшая горя на своем веку, тетка учила парня поменьше доверяться незнакомым, не раскрывать перед каждым сердце. Юрий не соглашался:

— Любого подозревать в плохом? Нет, тетя, не годится так...

У него было много друзей, и каждому он не задумался бы отдать последнюю рубашку.

Теперь, когда вся жизнь перевернулась, она снова поспорила бы с ним. Что, милый, по-прежнему с первым встречным будешь делиться самым сокровенным? Оглядись-ка. Поручишься ты вот за этого, с повязкой полицая на рукаве?

...Город постепенно просыпался. За тюремной стеной (а тюрьма как раз напротив дома Ксении Алексеевны) пробил колокол. У колонки загремели ведрами женщины. Ксения Алексеевна завернула груду горячих пирожков в клеенку, сверху закутала шерстяным платком и, положив в сумку, направилась к выходу. Вдруг за ее спиной в саду зашуршали кусты, раздался тихий голос:

— Тетя Ксена! — Из-за дерева вышел худой, оборванный мужчина с черным, словно опаленным лицом, в грязном немецком бушлате и деревянных башмаках. Всплеснув руками, она выронила кошелку и бросилась к нему на шею:

— Юрочка, родной!

— Тише, тетя Ксена, никто не должен меня видеть... Пойдем в комнату.

Голос у племянника был хриплый, простуженный. Ксения Алексеевна со страхом и болью оглядела его. Как исхудал! Кожа да кости. Глаза закрываются от усталости...

— Клава, родители здесь? — спросил он.

— Уехали давно...

Через несколько минут он уже спал.

Ксения Алексеевна заперла комнату на ключ и поспешила на базар. Только на следующее утро племянник проснулся и, умывшись, позавтракав, рассказал тетке о своих мытарствах.

В июле их часть попала в окружение. Вместе с тремя красноармейцами политрук Савченко попытался пробиться к своим, но был захвачен в плен — сонный, в скирде сена — и отправлен в концлагерь.

Выбрав ночь потемнее, Юрий пролез под колючей проволокой, ухитрился проскочить мимо часового и побежал в степь. Утром его поймали, зверски избили и вернули в лагерь. Через несколько дней он снова бежал. Ушел далеко, добрался почти до линии фронта, но опять его поймали и отправили как опасного преступника в Бобруйскую крепость. Там каждую ночь Савченко уводили на допрос. Били с тупой, садистской педантичностью, привязав ремнями к скамье. Но чем больше его

били, тем тщательнее готовился он к новому побегу.

Раздобыв клочок бумаги, политрук написал своим родным письмо. Верный человек из надзирателей переправил это письмо на волю. Каким-то чудом оно через несколько месяцев дошло до Днепропетровска.

Это письмо я видел в архиве Днепропетровского областного комитета партии.

«Дорогие родители, Клава, дочка Галя. Надеюсь, что письмо мое дойдет до вас, и хочу послать о себе весточку. Случилось так, что попал я в окружение, потом в плен. Два раза бежал из лагеря, но меня поймали и заключили в Бобруйскую крепость. Если доведется встретиться, расскажу обо всем подробно, но вы будьте за меня спокойны. Своей чести я не уронил. Хоть и били меня здесь палками, а раны солью присыпали, чтоб не попортился, я с фашистскими гадами сполна рассчитаюсь за все, и этот час недалек. Время настало такое, что каждый должен все отдать для Родины. Писать больше не могу, нельзя. Целую всех и обнимаю. Не тревожьтесь, я жив и здоров, надеюсь на скорую встречу».

...Однажды утром Юрия вызвали из камеры, приказав взять вещи. Во дворе он увидел грузовую машину, набитую людьми. Это были заключенные из других камер.

— Братцы,— зашептал Юрий, едва машина выехала со двора тюрьмы.— У нас есть последний шанс остаться в живых. Надо бежать!

Народ в машине подобрался отчаянный — у каждого на счету уже по два-три побега.

За городом заключенные бросились на конвоиров. Не всем удалось уйти. Немцы быстро опомнились — подняли стрельбу.

Для Юрия этот побег оказался удачным, и теперь он был осторожен. Шел только по ночам, а днем спал в лесу. Через две недели добрался до Днепропетровска. Надеялся застать здесь семью...

Смахивая платочком слезы, слушала его Ксения Алексеевна.

— Что думаешь делать? — спросила, когда племянник умолк.

— Убивать их, гадов! — ответил Юрий.— Я коммунист, тетя Ксена. Будем бороться.

— Можешь рассчитывать на меня...

В тот же вечер Савченко встретился с другом детства Игорем Клюевым, жившим на соседней улице. Поговорили, посоветовались. А часа через два у Клюева состоялось небольшое совещание. Дуся Кулакова, бывшая машинистка с завода имени Петровского, взяла на себя роль связной. Вместе с Дусей к Игорю Клюеву пришли Вера Хитько, Игорь Дементьев, Захар Демьяненко, Борис Сондак и Гафурова.

Игорь Дементьев, так же как Вера Хитько, до войны был студентом, учился в металлургическом институте, был призван в армию, попал в плен и недавно убежал из Днепропетровского лагеря, устроенного немцами на Мостовой улице. Борис Сондак также учился в металлургическом институте. Как и Дементьев, ушел на фронт, попал в плен. В лагере заболел сыпным тифом, и его отправили в инфекционную больницу. Оттуда удалось бежать.

Тридцатидвухлетний Захар Ефимович Демьяненко, самый старший среди собравшихся, работал сапожником в артели, перед войной вступил в партию.

Хозяина дома, Игоря Клюева, в армию не взяли: подвела близорукость. До войны он учился в медицинском институте.

— Ну, что ж, товарищи,—сказал Савченко, оглядев своих новых друзей.— Я думаю, протокола собрания мы вести не будем. Когда-нибудь, если придется докладывать о принятых сегодня решениях, нам поверят и без протокола. А теперь ближе к делу. Советские люди не думают покоряться фашистам. Наша задача — объединить их усилия. В городе должны знать, что Советская власть жива. Оружие мы достанем. И пусть немцы забудут, что здесь глубокий тыл...

После Савченко слово взял Демьяненко. Речь пошла уже о практических делах.

— Надо распределить обязанности. Предлагаю Юру, как политрука Красной Армии, в военном отношении человека грамотного, утвердить командиром. Возражений нет? Игорю Дементьеву поручим вербовку новых людей в организацию. Он же отвечает за конспирацию. Я думаю, расширять состав штаба не следует. Вновь привлеченные товарищи будут знать только того, кто их принял, и еще двух-трех человек, с которыми им придется действовать... Борис Сондак — хороший художник. Он займется изготовлением и подделкой документов. Фальшивые документы нам всем понадобятся очень скоро. Дусю Кулакову мы попросим наладить печатание и распространение листовок.

— Кстати, у меня есть приемник,— вставил Савченко.— Я сам его сделал еще до войны. Он спрятан в подвале. Можно перепечатывать на машинке сводки Совинформбюро.

— Я попытаюсь как можно быстрее достать оружие,— закончил Захар Ефимович.

Собрались расходиться.

— Подождите,— сказала Вера Хитько.— Должен прийти еще один человек.

— Что за человек? — удивленно спросил Юрий.

— Пока не могу сказать,— засмялась Вера.— Человек, безусловно, свой, очень для нас нужный... Без него мы просто не можем начинать нашу работу... Он обязательно придет.

Ребята переглянулись, но не стали возражать. Прошло полчаса. В окошко постучали три раза, коротко и резко. Вера вышла за дверь и через минуту вернулась в сопровождении хорошо одетой, красивой девушки лет двадцати двух.

Слегка ошеломленные, ребята и девушки молчали.

— Здравствуйте,— сказала незнакомка, остановившись на пороге и, видимо, не собираясь входить в комнату.— Я знаю, зачем вы собрались, Вера мне рассказала. Ну, что же, действуйте, а позже, если будет нужно, я свяжу вас с секретарем подпольного обкома партии...

— С секретарем обкома? — обрадованно воскликнул Савченко.— Значит, мы не одни, товарищи, вы слышите!

— А теперь до свидания. Мне задерживаться нельзя. Я доложу о вас кому следует. Желаю удачи. Провожать не нужно.— Она с улыбкой кивнула и вышла.

— Кто это, как ее зовут? — спросил Борис Сондак.

— Не могу сказать,— смущенно ответила Вера.— Сам понимаешь, не имею права... В общем, это связная подпольного обкома.

Все разошлись. Юрий с Игорем остались вдвоем.

— Интересная девушка эта связная, правда? — задумчиво сказал Игорь.— Мне кажется, я ее узнал. Это Давыдовская. Она работала секретарем в областном суде...

— Узнал? Ну и молчи, держи язык за зубами, — отчеканил Юрий.— Может, она не хочет, чтоб ее узнавали... Я сейчас о другом думаю... С чего начинать? Для диверсий, для настоящих, больших дел у нас пока силенок маловато. Нужно собирать людей, создавать организацию.

2

В начале декабря 1941 года организация насчитывала уже около 180 человек. Среди них были коммунисты, оставленные в городе для подпольной работы, бывшие военнопленные, бежавшие из концлагерей, недавние школьники и студенты. Они готовы были выполнить любое задание.

В День Конституции, 5 декабря 1941 года, штаб решил приступить к активным боевым действиям.

...Темны бывают декабрьские ночи на Днепропетровщине. В двух шагах ничего не видно. Холодом отдает от заледеневшей асфальтированной ленты Запорожского шоссе.

— Демьяненко говорил, возле мельницы... Где-то здесь,— прошептал Юрий Савченко и осторожно вылез из кювета на дорогу. Вслед за ним выбрался Игорь Дементьев.

— Может, уже забрали эту машину?

— Вряд ли. Захар Ефимович видел ее час тому назад... Постой, кажется, она... Осторожнее, вдруг немцы в кабине!

Прямо перед ребятами чернел широкий кузов грузовика, круто накренившийся в кювет. Левое заднее колесо было снято и лежало рядом. Машина вровень с бортами была нагружена длинными ящиками.

— В кабине никого. Дверцы заперты,— прошептал Игорь.

— Немцы, наверное, на мельницу пошли.— И Савченко кивнул на светившиеся метрах в двухстах желтые огоньки.— Надо спешить. Полезай наверх.

Дементьев забрался в кузов и подтащил к краю тяжелый ящик. Юрий взвалил его на плечо и, пригнувшись, побежал к оврагу. Там оставил груз и бегом вернулся к машине.

Игорь тем временем снял еще несколько ящиков и хотел было уже взяться за следующий, как вдруг скрипнула дверь мельницы и в освещенном прямоугольнике появился силуэт немецкого солдата. Савченко вытащил из-за пояса штык.

Не дойдя до машины, немец остановился и включил висевший на груди электрический фонарь. Белый луч выхватил из мрака откинутый борт грузовика и ящики, брошенные на асфальте... Солдат схватился за автомат, но в этот миг черная тень свалилась ему на плечи.

— Быстрей! — шепнул Савченко, вернувшись к Игорю.— Здесь рядом их автобаза...

Взвалив на плечи по ящику, Юрий и Игорь быстро скрылись в темноте.

Друзья достали из кустов принесенные с собой маленькие саперные лопатки и, выкопав яму, осторожно опустили туда ящики. Один открыли. Взяли по пистолету, набили карманы патронами.

А тем временем уже рассвело. До города шли, не проронив ни слова. Лишь свернув в свой Краснофлотский переулок, Юрий облегченно вздохнул:

— Фу!.. Кажется, благополучно... Теперь мы с оружием. Демьяненко будет доволен. Давно он собирается взорвать склад с боеприпасами. Без оружия туда соваться нет смысла. А сейчас...

Склад артиллерийских снарядов немцы устроили в Нагорном районе. Он помещался в длинном дощатом бараке, огороженном высоким забором из колючей проволоки. У ворот — двое часовых.

Руководил операцией Демьяненко Захар Ефимович. Взял с собой недавних военнопленных, бежав-

ПЕРВЕНЕЦ ТРЕТЬЕГО ГОДА СЕМИЛЕТКИ. В городе Асбесте, Свердловской области, недавно вступила в строй вторая очередь асбообогатительной фабрики № 4.

На снимке: дробильное отделение асбообогатительной фабрики.

Фото М. Арутюновой.

щих из концлагеря: Николая Токмакова, Махмета Калинкина, свободно владевшего немецким языком, и еще несколько человек, чьи фамилии установить не удалось.

К операции готовились несколько дней. Демьяненко и Калинкин трижды наблюдали, как происходит смена караула. Солдаты менялись в три часа ночи.

Захар Ефимович предложил дерзкий план. Ребята должны были переодеться в форму немецких солдат, подойти к складу и бесшумно снять часовых.

Достать немецкую форму было не так уж трудно. Гитлеровцы на Озерном базаре торговали всем, чем угодно, в том числе и краденым обмундированием. Дуся Кулакова и Вера Хитько отправились на базар и вернулись с пятью комплектами солдатской одежды.

Диверсия была назначена на первую субботу января 1942 года.

Ночь, как назло, выдалась светлая. Освещенные колеблющимся лунным светом, здания были словно не настоящими, а нарисованными. Длинные черные, густые тени перечеркнули мостовую.

Демьяненко и его небольшой отряд маршировали по улицам и переулкам. Калинкин, одетый в форму ефрейтора, шагал сбоку.

Демьяненко взглянул на часы: без четверти два.

— Действуем, как договорились,— шепнул он.

Захар Демьяненко и Махмет Калинкин вышли из-за угла и направились к часовым.

— Стой! Кто идет? — тревожно окликнули их немцы.

— Партизаны! — смеясь, громко ответил Калинкин и пошатнулся, притворяясь пьяным. Демьяненко поддерживал его за локоть.

— Иди отсюда! — огрызнулся часовой.

Воспользовавшись тем, что внимание немцев отвлечено, остальные незаметно перебежали улицу. Захар Ефимович обронил в снег сигарету. Это было сигналом. Подпольщики бросились на часовых. Те были так ошеломлены, что почти не сопротивлялись.

— Тол, живо! — вполголоса командовал Демьяненко.

...Жители Днепропетровска в эту ночь проснулись от оглушительного грохота. Выглядывая из окон, они видели красное зарево, разлившееся по небу... К утру в каждом доме знали, что партизаны взорвали склад со снарядами. Так была проведена первая серьезная боевая операция.

3

В начале февраля 1942 года Савченко предложил обсудить один вопрос: чем можно помочь военнопленным? После долгой паузы Токмаков неуверенно ответил:

— Напасть на концлагерь? Силенок маловато.

— Авантюра! — отрезал Дементьев.

— Не об этом речь, правда, Юра? — сказал рослый, атлетически сложенный Борис Сондак.— Как я понимаю, есть другие способы. Вот я, например, убежал из больницы...

— Ну, ты известно... голыми руками телеграфные столбы ломаешь,— ворчливо перебил Дементьев.— По тебе все равняться не могут.

Раздался смешок.

— Я же серьезно,— обиделся Сондак.— Бежать-то мне помогли... Докторша одна из инфекционной больницы. Молодая, собой видная. Приметила, что я тайком с кровати встаю, на улицу поглядываю, наутро вдруг переводит меня в коридор, за ширму, где умирающие лежат. Туда немцы не заходят. А я уже почти здоровый был. Перевела она меня и на обходе говорит со значением: «Здесь вам будет удобнее». Сосед мне шепнул: «Не сомневайся, браток. Беги, пока ноги держат. Она многих уже так выручила». Ну, я ночью шасть в уборную, фортку выломал и во двор... А фамилия этой врачихи Попкова. Евгения Георгиевна Попкова.

— А что? Он дело говорит,— сказал Юрий, внимательно слушавший Сондака.— Если бы можно было наладить крепкую связь с врачами инфекционной больницы... Мы должны попытаться. И сделаешь это ты, Борис.

— Я?

— Да, ты. Завтра же отправляйся к Попковой. Всего ей не говори, но дай понять, что пришел по поручению товарищей. Через больницу можно освободить многих.

...Последнее время Евгения Георгиевна ночевала прямо в ординаторской на жесткой кушетке. Каждую минуту ее могли вызвать к больным.

— Вас какой-то человек спрашивает,— заглянула в ординаторскую сестра.

...С удивлением и с недоверием смотрела Попкова на сидевшего перед нею смущенного юношу с добрым загорелым лицом и большими руками. Она не сразу узнала его, а узнав, обрадовалась. Это был тот, кого она спасла, он не мог ее подвести!

Попкова попросила сестру сбегать за главным врачом. Пришел всегда сдержанный и немногословный Александр Федорович Хохуля.

— Люди, которых вы спасли, никогда вас не забудут! — говорил Сондак.— Но, по-моему, можно сделать больше. Два раза в неделю немцы вызывают больных на комиссию. Кто уже без пяти минут мертвец, того они выгоняют, чтоб зря не кормить. Тут бы и придумать что-нибудь.

— Придумать можно,— ответила Евгения Георгиевна.— Но во что мы оденем людей? Где достанем для них документы?

— Это уже наша забота! — не задумываясь, ответил Борис и, спохватившись, умолк.

Оба врача, конечно, догадались, что говорят с членом подпольной организации.

После этой беседы медкомиссия, в которой участвовали немецкие врачи, стала работать так, как нужно было Попковой: выздоровевшие оказывались не в концлагере, а на свободе.

Часто, прежде чем вести больных на медкомиссию, Попкова делала им уколы кофеина, чтобы вызвать усиленное сердцебиение, капала в глаза атропин, который временно ослеплял их.

Подпольщики тоже не теряли времени. Собирали среди населения одежду, теплые вещи для военнопленных, прятали убежавших на конспиративных квартирах, а затем переправляли их через Днепр. Кроме того, Сондаку удалось связаться непосредственно с концлагерем. С тех пор пленные командиры часто «заболевали». Их отправляли в госпиталь, и... через некоторое время они оказывались на свободе.

Более девятисот военнопленных спасли Попкова и Хохуля, более девятисот красноармейцев, командиров и политработников были одеты, обуты и переправлены через Днепр, под самым носом у оккупантов!

Трудно было добывать одежду. Но еще труднее оказалась операция, связанная с «липовыми» документами. Одно дело — достать паспорт или два-три паспорта, и совсем другое — всегда иметь столько фальшивых документов, сколько может понадобиться. А нужно было очень и очень много, и не только военнопленным, но и самим подпольщикам. И не одни паспорта. Юрию Савченко и его друзьям трудно было бы обойтись без ночных пропусков, справок о болезни, справок об освобождении от трудовой повинности.

И все это было в их распоряжении. Откуда?

4

Валентину Арсентьевну Самарскую уже не первый день грызли сомнения. Вдруг в сентябре 1941 года нежданно-негаданно вернулся муж Яков Андреевич. Пришел под утро оборванный, обросший черной щетиной, с котомкой за плечами. Позади остался трудный путь из Румынии в родной город на Днепре. Что же с ним произошло? Все очень просто: окружение, плен, концлагерь в Румынии, побег... А что теперь?

Через несколько дней Валентина Арсентьевна уже не знала, радоваться ли возвращению мужа или горевать. То, что он сделал, ужаснуло ее. Коммунист, командир Красной Армии, он сам, добровольно, на второй же день после возвращения отправился в немецкую комендатуру и изъявил желание сотрудничать с гитлеровцами. Его назначили на высокую и по тогдашним временам прибыльную должность заведующего общим отделом городской управы. Раздобыл где-то великолепный касторовый костюм, трость, пенсне, портфель из желтой кожи. Разъезжал по городу на немецкой машине, рядом с немецким офицером. Приносил со службы свертки: мясо, сливочное масло, сахар, консервы.

Валентина Арсентьевна плакала по ночам. Муж хмуро смотрел на нее, молчал.

Прошел год. Как-то Валентина Арсентьевна, выглянув в окно, увидела, что муж во дворе разговаривает с соседской девушкой Дусей Кулаковой. Передал ей какой-то сверток. Дуся спрятала сверток за пазуху и убежала.

Однажды, открыв портфель мужа, Валентина Арсентьевна увидела толстую пачку новеньких немецких паспортов с печатями, подписями, только без фотокарточек. А после того как Яков Андреевич вечером снова встретился с Дусей, паспорта из портфеля исчезли. Ясно...

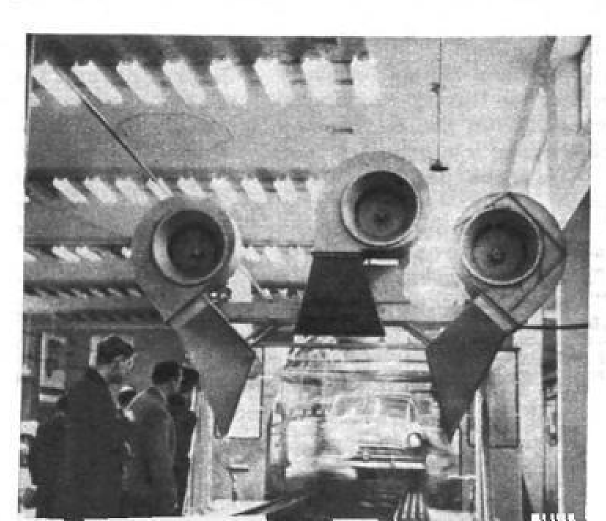
Когда муж вошел в комнату, Валентина Арсентьевна обняла его и поцеловала, впервые за долгое время...

К сожалению, Валентина Арсентьевна не смогла рассказать мне подробно о работе своего мужа: даже ее он не посвящал во все свои дела. Лишь из архивных документов узнал я, какие неоценимые услуги оказал подпольной организации Яков Андреевич Самарский. У него было много помощников. Они работали на бирже труда, в адресном столе, в полиции. Уничтожали карточки коммунистов и комсомольцев, спасали от отправки в Германию многих юношей и девушек, снабжая их фальшивыми справками о болезни. Наконец, Самарский лично сам ездил несколько раз в тюрьму и концлагерь и, пользуясь своими связями с Соколовским — городским головой — и шефом «СД» Мульде, освобождал заключенных.

Яков Андреевич Самарский взял на себя самое трудное: он работал на виду у всех в городской управе, был для родных и знакомых фашистским холуем, терпел презрительные взгляды друзей и снисходительное одобрение врагов. Он мужественно нес свою тяжкую ношу, потому что этого требовала Родина.

Окончание следует.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА открылась при кинотеатре «Родина» в Молодечно. Раньше некоторым жителям города было трудно выбраться вечером в кино: не с кем оставить ребят. Сейчас родители могут спокойно смотреть новые фильмы. В детской комнате малышам весело, интересно. Присматривает за ребятами пенсионерка, член КПСС Ф. А. Митрофанова. Те, кто побывал здесь, теперь сами просятся в гости «к тете Фаине».
← Фото Л. Бижика.

МНОГО ИНТЕРЕСНОГО УВИДЯТ ЛЮБИТЕЛИ АВТОМОБИЛИЗМА на выставке, открывшейся в Москве. Выставка посвящена механизации технического обслуживания, ремонта автомобилей.
На снимке: автоматическая линия мойки и сушки легковых автомобилей.
Фото И. Тункеля.

КТО ИЗ МЕТАЛЛИСТОВ НЕ ЗНАЕТ ИВАНА ЛЕОНОВА! Призывая ленинградских рабочих начать соревнование в честь XXII съезда КПСС, изобретатель-фрезеровщик Кировского завода И. Д. Леонов обязался выполнить свой семилетний план за два с половиной года и выполнил раньше обещанного им срока.
Фото А. Бродского.

На запани

Вадим ЕМЕЛЬЯНОВ

Рассказ

Рисунки П. ЧЕРНЫШОВА.

Жара взвинтила нервы. Все ходили злые, точно ожидая неприятности. И под вечер, когда подошло к концу дежурство Птенца, беда разразилась.

Бревна прорвали узенькую запань и, качаясь и переваливаясь, сплошняком пошли по реке. Слышно было, как бревна трутся друг о друга. Над ними висела жаркая дымка.

Отчаянно ругаясь, Петр Соколов напал на виноватого:

— Проспал, сачок проклятый?! Или, может, медовухи набрался?

Птенец опустил голову и, выронив окурок, хрустнул косточками дрожащих пальцев. Пористый нос его блестел. На кончике носа, когда-то в шутку побритом, росли черные волоски. Темная кожа на шее была нарезана квадратами.

— Уж этого я тебе не прощу! Хватит! — подняв кулак, похожий на боксерскую перчатку, орал Соколов.— На черта мне здесь такие рожи?! Мне работу выдавай! Думаешь, богадельню нашел? — Он яростно затопал ногами.

Услышав крик, рабочие бросили ужин и, расхватав багры, молча, не глядя на Соколова, кинулись к запани.

Птенец смотрел на землю. Хвойный ветер шевелил его мягкие волосы.

— Чтобы через час твоего духу не было! Гадь в других местах!

Соколов готов был избить низенького, некрасивого человека. Видеть это лицо, покрытое мелкими, неглубокими морщинками, и волосы, в которых блестели сединки, он больше не мог.

— Лес-то уходит! — крикнула Настя, единственная на запани, кроме Соколовой, женщина, такая лихая, острая на язык, грубая, веселая и сильная, что никто к ней не решался и подступиться.

Цыгана Яшку, бойкого, жилистого парня, она так однажды встретила, что он три дня ходил с опухшим лицом, жалуясь на флюс. Яшку предупреждали, что она пугала еще и не таких смелых, удачливых и здоровых мужиков, говорили, что рассчитывать на что-нибудь бесполезно, но он не послушался...

Работали в полную силу. Мотор на лодке не умолкал. В лодке сидел Яшка. Соколов отпихнул от нее Птенца, хотя Птенец кое-как управлялся с мотором. Когда-то он работал мотористом, и это явилось доводом в его пользу. Иначе, пожалуй, Соколов не взял бы такое «перекати-поле» на запань.

Профессий Птенец переменил множество — от проводника в тайге до рабочего на нефтепромыслах. Нигде он не засиживался и, конечно, ничего по-настоящему не умел. Живописное прошлое, наверное, и помяло его лицо и приучило почти не разговаривать. Соколов, во всяком случае, больше десятка корявых слов от него не слышал...

Ожесточенно втыкая багор в бревна, Соколов старался не смотреть на Птенца, который жалко метался по запани. Один раз Петр все-таки не выдержал, обернулся и крикнул в запале, стараясь передать все презрение к никудышнику:

— Качай отсюда!

Птенец, дрогнув веками, посмотрел на него и проглотил слюну. Рабочие тоже молчали.

— Еще немножко — и все! Нажмем, мужики! — закричала Настя.

Она ловко прыгала с бревна на бревно, новые резиновые сапоги ее блестели. На желтоватых висках и под серыми глазами высыпал пот. Сильные белые колени охлестывала цветастая юбка.

— Премию зарабатываешь? — восхищенно закричал Соколов, хлопнув женщину по жесткой спине.

— Будет тебе! — недобро, угрожающе отозвалась Настя, подцепляя багром черную лиственницу.

Остановив лес, рабочие молча ушли в барак.

Соколову позвонили из сельсовета, зверски ругали за сорванные бревнами невода, грозили чистенькое личное дело запятнать выговором за халатность и пренебрежение к общественной собственности.

— Завтра утром уйду. Медведь ты окаянный! — неумело огрызнулся Птенец, встретив взгляд побелевших глаз Соколова, посмотрел вокруг и подтянул рыжие голенища подбитых подковками разляпанных сапожонок.

Темнота разлилась между берегами. Из леса тянуло пороховой сухостью. На душе у Соколова было нехорошо. День выдался трудный, неудачливый. Много лет уже не случалось такого. Он отвык от неприятностей. В районе сложилось о запани неплохое мнение, и Соколов все чаще подумывал о том, чтобы перебраться на более видное место. Здесь становилось тесно. Хотелось попробовать силы на масштабной работе: опыт накопился немалый.

Теперь из-за одного случая все шло прахом. Председатель рыболовецкого колхоза ничего не скроет: не такой мужик, чтобы мягчить. Себя не щадит, но и других не жалеет.

Все из-за Лаптева, кем-то метко прозванного Птенцом.

— Козявка, мозгляк, понимаешь? — сказал Соколов жене, скинул жесткую от пота одежду и, оставшись в трусах, тяжело дыша, сел к

столу.— Вот такая,— добавил он, сильно надавливая твердым широким ногтем на клеенку.— В шею его, в шею! Ну, чего смотришь? Чего ты на меня уставилась, спрашиваю? Нацеди чаю!

С Катериной он жил давно и особенных чувств к ней уже не испытывал. Иногда обижал ее, уезжая в Энск. Оставался он там дольше, чем требовало дело, а возвращаясь, ни в чем не отчитывался. Катерина в присутствии мужа делалась незаметной и, казалось, становилась ниже ростом.

Он улегся на сенник, натянул на грудь одеяло. Оно ему было коротко. Ступни с блестящими красными пальцами торчали наружу.

Катерина, постучав посудой, погасила лампу, разделась и прилегла сбоку.

Слышно было, как плещется теплая вода в реке. Сладко пахло мокрыми бревнами и рыбой. Звенели комары.

Не спалось.

Соколов припоминал события тяжелого дня, слушал дыхание жены. Оно раздражало его. Резко повернувшись, он наговорил женщине обидных, несправедливых слов. Она промолчала, ему стало от этого еще хуже.

— Главное, кто же встал на пути? — сказал он сквозь зубы, представив лицо Птенца.— Зачем такие живут на земле?

Людей с нетвердыми глазами Петр встречал редко. Все существо бунтовало, если приходилось видеть неумелые, робкие руки и чуть виноватую улыбку. Не смог устроить жизнь — кого же в том винить? Не до седых же волос помогать!

Вспомнилось, как месяц назад Птенец приехал.

Положив тощий «сидор» на пень, спросил, доставая документы, перетянутые резинкой:

— Примете? Характеристики в порядке.

Соколову было ясно, что принимать не следует. Настя звонко засмеялась, показав подковку крепких зубов, и хлопнула по бедрам олубеневшими ладонями. Смех был грубый, прокуренный. Она тоже не любила жалких и неустроенных людей. Свободная была женщина. Такая охомутать себя не даст. «Может, что и было в жизни тяжелое — оторвала»,— думал Соколов.

Внимания на новичка он не обращал. На мелкие провинности смотрел сквозь пальцы. Пустой номер. Зачем принял, непонятно. Уж скорее бы уходил... А теперь вот — ну надо же! — пути сошлись. Рушится созданная годами добрая слава. Главное, из-за кого! Кто встал на дороге! И еще рабочие молчат...

Он отбросил одеяло, закурил.

Возле домика бушевал больной, неопрятный, опутанный мохом ельник, скрипел под горячим ветром, свистящим в ветвях.

Катерина молчала. Снова все возмутилось в душе. «Вот камни-то на шее! Потонешь. Трудно идти вперед с гирями на ногах!»

— Травка моя,— послышался голос за окном.— Особенная. Все понимаешь. И волосы вон солнцем пахнут. Искал, думал, уж и не найти. Ясная вся...

Катерина замерла. Соколов глубоко затянулся дымом, задержал его в легких. Голос был незнакомый, тихий, просветленный. «Кому тут так говорить? Точно сказка. Прохожие какие-нибудь бродят, счастье свое носят»,—подумал Петр.

— Ладно стало. Добрая, застенчивая. Руки какие нежные... А голос, как колокольчик. Заблудится человек — на звон его выйдет...

Соколов осторожно погасил о пол папиросу. Сердце, точно со ступеней, покатилось гулко, часто. Звук, казалось, напомнил бревенчатую низенькую комнатенку. «Чудится? — подумал он.— Снится? Морок какой-то».

Не стало закопченного потолка, комаров, липнувших к телу, месяцев труда, от которого садился голос, а ладони покрывались мозолями, нечувствительными к огню.

— Раз в жизни человеку выпадает такое,— слышался голос.— Полюбила. Спасибо. Простор ты мой удивительный. Слово самое главное...

Звень реки висела в воздухе. Горячий воздух душил. Катерина растревоженно дышала. Петр заметил, что увядающие губы ее дрожат. «Я и слов-то таких отродясь не знал,— подумал он.— Всю жизнь в лесу, как дерево».

За окном все звучали неслыханные слова, входящие прямо в душу. Незнакомый человек точно торопился, говорил часто, запинаясь, подбирая слова с самого глубокого дна. Женщина, сидящая там, возле окна, в переполненной жаром темноте, молчала.

«Как же повезло бабе! — подумал Петр.— Большой, красочной души, видно, мужик попался. Не всякой так скажут. Это ж должна быть самая хорошая, каких никто из нас не видал ни во сне, ни в мыслях, ни в угаре».

Он сунул папиросу в рот, закурил, прокусив мундштук.

— Вот в таком бы чудесном месте жить. Приволье. Работать бы и работать. Освоил бы я дело. Слава богу, не обсевок какой-нибудь. Разве есть где работа душевней? Не встречал. И слепили бы мы счастье...

Катерина беззвучно затряслась. Зазвенел стакан на столике. Петр провел ладонью по своим бритым большим щекам, покрытым жесткой кожей, дотронулся до лица жены. Пальцы стали мокрые.

— Ты чего? — глухо спросил он.

Женщина не ответила. Стакан зазвенел сильнее.

— Ну, чего? — снова спросил Петр, не зная, что делать.— Не надо.

— Ты-то мне... ни разочку... сорок пять уже...

Он решился выйти из домика, когда в реке задрожал кошачий язычок зари. Трава сильно шелестела под ногами. Забитый ветровалом, неухоженный ельник пах пылью.

Возле бревна под окном валялись окурки. На песке отпечаталась елочка подошв больших новых резиновых сапог. Рядом виднелись следы со сбитыми дольками подковок.

Трудно соображая, Петр долго стоял на месте, потом пошел к реке. Прежде чем умыться, он, опустившись на колени, смотрелся в воду, чесал обросшие волосами виски. Качнув головой, сильно шлепнул по отражению ладонью...

Дышать было тяжело уже с утра. Горизонт завалили густые тучи. Они медленно плыли тремя накатами.

Настя ловко отпихивала лезущие на запань бревна. Фиолетовая майка ее в мутном свете казалась серой. Голову женщины укрывала повязанная по глаза белая косынка. Загорелые полные руки со следами оспенной прививки вздрагивали при ударах багра.

Соколов серьезно взглянул на нее. Настя, как обычно, спокойно и презрительно отвернулась. Яшка смотрел на Петра неодобрительно. Рабочие молчали. Петр, привыкший к популярности, нахмурился...

Снова позвонили из сельсовета, кричали, обещая послать телефонограмму в Энск, потому что упущенный лес еще плыл, срывая план и расчеты.

— Это хвост проходит. Подожди несколько часов,— попросил Соколов.— Что?! Ну валяй, посылай, кому хочешь. У Соколова шея крепка: выдержит! Так и сообщи: черт с тобой. Кто виноват? — Он зашелся кашлем и, заметив в окно Птенца, который упирался животом в багор, стараясь отвести бревно, заорал так, что надулась жила на лбу, а рабочие подняли головы:

— Сам все просмотрел! Ясно тебе? Душа-то у тебя есть, медведь ты окаянный?..

РУССКАЯ ПЕВИЦА

Надежде Андреевне Обуховой исполнилось семьдесят пять лет. Но по радио и теперь звучит ее голос — всегда молодой, полный чарующей прелести. И мне кажется, нет ему равного по способности доставлять слушателю радость!

Исключительный по красоте тембр голоса, огромное мастерство, высокий артистизм, эмоциональная насыщенность ставят Н. А. Обухову на одно из первых мест в большой плеяде выдающихся представителей русской вокальной школы.

Более четверти века украшала Обухова нашу оперную сцену. Словно чистой воды алмаз, сверкал удивительный ее талант. Сидишь на спектакле, с нетерпением ждешь каждого ее выхода и воспринимаешь его, бывало, как драгоценный подарок. В памяти возникают пленительные образы, созданные замечательной певицей на сцене Государственного академического Большого театра СССР. Я будто снова вижу и слышу фанатичную, страстную Марфу в «Хованщине», трогательную в своей непосредственности и чистоте Кончаковну в «Князе Игоре», Весну в «Снегурочке», Любашу в «Царской невесте», гордую и властную Амнерис в «Аиде», несравненную, темпераментную Кармен... Да разве перечислишь всех женщин — любящих, страдающих, кротких, коварных — самых разных, которым на оперной сцене дала полнокровную жизнь Обухова!

Необычайно широко и многогранно дарование замечательной артистки. Много душевных сил и самоотверженного труда отдала она оперному искусству, столь сложному, что, кажется, всего себя посвяти ему, и того не хватит. Но достало все же у Обуховой глубины таланта и широты артистической души, чтобы наряду с оперой занять выдающееся место и на концертной эстраде.

На протяжении десятилетий публика до отказа заполняла концертные залы, когда пела ее любимая камерная певица Надежда Андреевна Обухова.

Голосу певицы доступны все жанры концертного репертуара.

Пленительно звучит в ее исполнении и раздольная русская песня, и современная советская, и итальянская канцонетта — то задорная, то лирическая, и изящный французский романс. А классическая «Элегия» Массне! Едва ли композитор мог мечтать о лучшем, более вдохновенном исполнении своего шедевра!

Не имеет себе равных Надежда Андреевна и в исполнении произведений композиторов XIX века.

Когда певица поет романсы Гурилева, Булахова, Варламова, поражаешься удивительной ее способности с покоряющим обаянием и задушевностью передавать особенности каждого из композиторов, стиль самой эпохи.

Я испытываю несказанную радость оттого, что имею возможность приветствовать большую артистку в дни ее славного юбилея и пожелать Надежде Андреевне Обуховой от глубины души долгих лет счастливой творческой жизни.

Ю. А. ШАПОРИН,
народный артист СССР

Судьба Корнея Яранцева

Корней Яранцев, одним из первых вступивший в колхоз, пригнавший когда-то в родную Черемшанку первый трактор, стоит осенью 1953 года у своей заколоченной избы.

Корней ушел из колхоза в город вскоре после войны, потому что отдавал родному колхозу все силы, но «все как в бочку без дна».

Исторический сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года признал положение в сельском хозяйстве неблагополучным, отметил грубые нарушения ленинского принципа материальной заинтересованности колхозников.

И вот стоит Корней Яранцев в горьком раздумье у своей заколоченной избы... Он еще не понимает, что партия объявила решительную борьбу всему, что заставило его бежать из колхоза; Корней поворачивается и уходит назад, в город...

Так начинается первая книга романа Елизара Мальцева «Войди в каждый дом». Оканчивается она возвращением Корнея Яранцева в родную избу, в родной колхоз. «Он был невольным первым вестником доброй погоды, которую все давно ждали!..»

Драматическую историю этого возвращения, историю крутых перемен в колхозной деревне зимой 1953/54 года темпераментно, ярко, интересно рассказывает Елизар Мальцев. Ему удается художественный анализ важных общественных процессов, так как он раскрывает психологию своих героев, рассматривает скрытые пружины их поведения. Елизар Мальцев не спокойный, беспристрастный наблюдатель жизни, но горячий, взволнованный соучастник той борьбы, в которую вовлечены его герои: председатель колхоза Лузгин, секретарь райкома партии Коробин, с одной стороны, и колхозник Дымшаков, секретарь обкома партии Пробатов — с другой.

Председатель колхоза Аникей Лузгин, бесчестный человек, окруживший себя хапугами, в чести у Коробина, потому что он ловко умеет «потрафлять» начальству: он берет любые обязательства, не задумываясь о их выполнении, он делает свою карьеру, нарушая кровные интересы колхоза...

Лузгин выписан конкретно, зримо, со всеми повадками и уловками этого человека. Сильно обрисован его главный противник в колхозе Егор Дымшаков. Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС воодушевили этого задиристого, упорного, острого на язык человека, и он ведет яростную борьбу против Лузгина и лузгинщины.

Гнев колхозников неудержимо прорывается на отчетно-выборном собрании... Оно изображено Е. Мальцевым превосходно. Кипят страсти, обнажается боль души человеческой, раскрываются характеры в действии. Агаша Пономарева, рядовая колхозница по прозвищу Отрава, говорит: «Молчать больше невмоготу. Да и кого нам бояться в своем родном доме?» И заговор молчания прорван: доярка Авдотья Гневышева, председатель сельсовета Черкашина, сам Егор наносят удар за ударом по Лузгину, по его «методам».

Второй секретарь райкома партии Коробин ввиду тяжелой болезни первого секретаря Бахолдина руководит районом. Определяющая его черта — властность, соединенная с подозрительностью (глаза его полны недоверчивой пристальности).

Коробин называет про себя «старым гуманистом» Бахолдина, который всей душой воспринял решения Пленума ЦК партии как восстановление ленинских принципов руководства. Бахолдин говорит Пробатову: «Нельзя жить бездумным исполнителем, если хочешь быть настоящим коммунистом».

Коробин этого не понимает. Своей задачей он считает во что бы то ни стало протащить Лузгина...

Елизар Мальцев противопоставляет Коробину Ивана Фомича Пробатова. В прошлом неграмотный мужик из этих же мест, участник гражданской войны, бесстрашный борец с кулачьем, создатель колхозов, он теперь возглавляет партийную организацию области. В родном Приреченском районе он всматривается в партийных работников, проверяет, насколько они понимают свои новые задачи, говорит им: «Если мы решения партии будем выполнять старыми методами — мы далеко не двинемся».

Изучая положение на месте, он не может не видеть, что такое Лузгин, в чем несостоятельность Коробина. В первой книге романа Пробатов не столько действует, сколько присматривается к обстановке. Но уже и так ясно: безвозбранному хозяйничанью Лузгина, командованию Коробина приходит конец.

Читатели с нетерпением ждут продолжения этого талантливого, по-настоящему злободневного произведения о нашей современности.

М. ГУС

Елизар Мальцев. Войди в каждый дом. «Москва» 1960, №№ 10—12.

Мужественный голос

Подлинное мужество всегда отличается скромностью. Так и мужественные стихи — они избавлены от шумной фразеологии, восклицательных знаков и прочих заменителей поэзии.

Марк Шехтер отобрал для своей книги лучшие, скромные и человечные стихи.

Горячая влюбленность в свое нелегкое и звонкое дело отличает стихи лирика. В груди его героя поет та чудесная птица, «что не петь не может».

Запоет она лишь — и пепел
Красным сделается огнем,
Плодородными станут степи,
Камень — синеньким васильком...

Силой и страстью наполнена поэма «Наш друг Юлиус».

Двух слов при жизни не сказав ему,
О нем я вспоминаю, как о друге.

Образ национального героя Чехословакии, «газетчика яростного и доброго», останется в нашей памяти.

Очень просто, пожалуй, несколько скуповато рассказывает М. Шехтер о русских солдатах, об их нелегком и долгом пути («Песенка о сапогах», «В землянке», «В Брянском лесу»). Но эта скупость, умение в немногих словах сказать о многом дороже десятка трескучих фраз. Солдаты жили, воевали «в царстве ветра ледяного, на обугленной земле».

Выйдешь, станешь: ветры злые.
Так и был бы одинок,
Если б это не Россия,
Здесь бы дня прожить не смог!

В стихах М. Шехтера уживаются чувства радости и грусти:

Веселым быть, печальным быть,
Бесстрашным быть всегда...

Это честное бесстрашие не покидает поэта, учит его откликаться людям, чувствовать сердце современника.

Творчество поэта проверено временем. Не внешней простотой, не заманчивым перезвоном строк, а многолетним сердечным раздумьем о жизни, о своих друзьях богаты стихи М. Шехтера. Вдумчивый читатель книги «Век мой» увидит в ней и солнечный свет и легкие дождевые капли:

И маленькая капля дождевая
Сияньем наполняет города.

Федор ФОЛОМИН

Марк Шехтер. Век мой. Стихи. Издательство «Советский писатель». 1960. 220 стр.

«ЛИК ПРЕКРАСНЫЙ ИНДОСТАНА»

Сердечная дружба связывает туркменского поэта Кара Сейтлиева с Индией: там у него много друзей. И самый большой друг поэта — народ, простой, великий, трудолюбивый индийский народ, создавший и беломраморный Тадж-Махал и металлургический завод Бхилаи... В своей новой книге «Цветы Индии», выпущенной издательством «Советский писатель», Сейтлиев восхищается «ликом прекрасным Индостана», но он чувствует боль многих безыменных «мастеров красоты», и белый храм иногда видится ему черным, «а может быть, красным — от крови».

Всю книгу можно назвать братским приветствием посланца Советской страны трудовому люду Индии. Поэт обращается к своему другу:

Так оказались мы с тобою схожи —
Меня «индийцем» называли тоже.
Причиною тому — не смуглость кожи,
А свет сердец
И общие мечты.

В. АННЕНКОВ

ВЕРНЕТСЯ ЛИ БУДУЛАЙ?

Читатели о повести А. Калинина «Цыган»

Четыре девушки из Комсомольска-на-Амуре — Екатерина Маслова, Маргарита и Виктория Слободнюк и Нина Жилина — прислали в редакцию письмо. Они работают штукатурами на стройке, никогда в жизни не писали отзывы на прочитанные книги и вот написали. Повесть Анатолия Калинина «Цыган», опубликованная в конце прошлого года в «Огоньке», заставила их сделать это.

«Нас захватила повесть,— пишут другие читатели, из Кемеровской области,— понравилась она тем, что вопрос, затронутый в ней, касается каждого из нас».

Повесть А. Калинина действительно всколыхнула читателей. Они начали спорить о жизни, о любви, спорить дома, на работе, в библиотеке. Молодые строители Славгрэс Сталинской области провели диспут по повести А. Калинина.

В Хасанской районной библиотеке Приморского края читатели горячо обсуждали «Цыгана» и прислали письмо, подписанное заведующей библиотекой В. Соколовой, а также Чунихиным, Чевгулом и Гордой.

Коллективные письма получены из Астрахани и Азербайджана, из Челябинской и Кемеровской областей.

Интересное письмо пришло из Астрахани. Е. Рыжина, Т. Чубанова, В. Коваленко, М. Долина волнуются, где смогут станичники найти еще такого кузнеца, как Будулай, «ведь Ваня не сможет вести самостоятельную работу, да ему нужно и учиться, ему же семнадцать лет». Читательницы спрашивают, отдала ли бабка Лущилиха деньги Клавдии Пухляковой. В письме говорится: «Правда, красиво писать мы не умеем, но мысли, эти мысли перерыли весь мозг и, наверно, не только нам, а всем читателям «Огонька».

Близко к сердцу приняли читатели судьбы главных героев нового произведения А. Калинина, и первый вопрос, с которого начинаются многие отклики: «Что дальше?»

Читателей меньше волнует жанр повести «Цыган»: документальная она или нет, была в жизни такая история или не была. Об этом хорошо говорится в одном письме: «Что это: выдуманная история или правда? Пусть будет выдуманная история». И далее большой разговор о Будулае, о Клавдии, о Ване и просьба к писателю: продлить жизнь героев.

Теперь давайте вместе, читатель, подумаем, нужно ли продолжение повести «Цыган».

Узнав всю правду, Будулай уходит с хутора. Умный, опытный человек, он понимает, что не сможет нарушить горькое счастье Клавдии Пухляковой, которой обязан тем, что у него, у Будулая, вырос на земле большой, хороший сын, уже совсем самостоятельный. Другой на месте Будулая пошел бы к Клавдии и попросил вернуть ему сына. Будулай с его характером не смог так сделать: он понимал, что сын принадлежит тому, кто его вырастил и воспитал. Другой на месте Будулая пошел бы к Клавдии и, чувствуя взаимную симпатию (об этом пишут многие читатели), предложил жить вместе. Будулай с его характером не может так поступить: он верит в настоящее, цельное чувство, он не может оскорбить памяти своей погибшей жены Гали. Будулай не способен ни на какие душевные компромиссы, получувства, полулюбовь, полусимпатии. И читатели, которые требуют счастливого конца, не учитывают самого главного: характеров Будулая и Клавдии, чистых, принципиальных людей с богатой душой. Один неосторожный шаг со стороны Будулая — и вся история превратилась бы в большую человеческую трагедию. Трагедию семьи Клавдии Пухляковой. Трагедию только-только появляющегося, но еще не созревшего чувства Клавдии. Но в то утро Будулай должен был уйти с хутора, узнав всю правду о сыне. Будулай уходит успокоенный и счастливый. Да, да, счастливый, потому что те крупные мужские слезы, которые появились ночью, в хате бабки Лущилихи, — это слезы отцовского счастья. И благодарности к Клавдии.

Другого конца истории, происшедшей между такими людьми, как Будулай и Клавдия, быть не могло.

Иначе Анатолию Калинину пришлось бы нарушить правду созданных им характеров и повесть не волновала бы читателей так, как волнует сейчас. Талант писателя лучше всего выразился в том, что он отказался от надуманного, искусственного конца повести и не захотел восхищаться скороспелым счастьем своих героев.

А писателю очень хотелось, как и многим читателям, чтобы герои его были счастливы. Вспомните, с какой пронзительной горечью и надеждой написаны последние сцены повести: «А эту оградку покрасит без него Ваня». Эта последняя деталь — последняя капля, переполняющая чашу читательского волнения. Эта фраза и заставляет обсудить с кем-то повесть, толкает к столу, чтобы написать письмо в редакцию, автору, кому угодно.

И последнее. Тот, кто читал другие произведения Анатолия Калинина — роман «Суровое поле», повести «Лунные ночи», «Товарищи»,— наверное, заметил, что писатель любит не один раз возвращаться к дорогим ему героям. В повести «Цыган» тоже есть такие герои: Дарья Сошникова, секретарь райкома Еремин... Они встречались в других произведениях А. Калинина. Кто знает, не захочет ли писатель через некоторое время вновь вернуться к сильным, красивым людям, к Будулаю, Клавдии, Ване... Вернуться и рассказать еще о чем-то интересном в их нелегкой, но такой прекрасной жизни.

В. ВОРОНОВ

Над нами небо высокое

Ю. А. Завадский.

Юрий Александрович задерживался на репетиции. В ожидании я сидела в его кабинете в Театре имени Моссовета и разглядывала все вокруг.

Письменный стол, рояль, кресла. На стене портреты — К. С. Станиславский и Е. Б. Вахтангов.

Многое связано с этими людьми в жизни и творчестве Ю. А. Завадского. Блестящие актерские успехи: Калаф в «Принцессе Турандот» — первом спектакле Театра Вахтангова, Чацкий, граф Альмавива на сцене МХАТа. Да разве только актерские победы...

Всем творчеством стремится следовать Ю. А. Завадский заветам своих прославленных учителей: говорить со сцены театра о том, что сегодня волнует зрителя, утверждать гуманизм, право человека на счастье, веру в светлое будущее...

Вот почему на сцене Театра имени Моссовета столько спектаклей, посвященных большим, жгучим проблемам; вот почему последняя работа Завадского — «Летом небо высокое» Н. Вирты — рассказ о завоевателях космоса.

С этого спектакля и началась наша беседа с главным режиссером Театра имени Моссовета Юрием Александровичем Завадским.

«В прошлом году мне пришлось побывать в Швеции,— сказал он.— Там мне показали произведение, которое считается последним словом современного западного искусства: оперу «Аниара» — о человеке в космосе. Я не буду сейчас говорить о музыке. Но вот в нескольких словах ее содержание.

Космический корабль направляется с одной планеты на другую, сбивается с пути, и ему предстоит вращаться в космосе без надежды на возвращение... Глубокая безнадежность — это и есть идея спектакля.

В пьесе нет судеб, характеров, индивидуальностей — безликая группа. С тяжелым, протестующим чувством я покинул театр. Как чужда нам эта философия обреченности, отрицание смысла жизни, неверие в Человека, в победу его разума!..

Я считал себя просто обязанным ответить на то, что видел, и показать наш советский спектакль, посвященный завоевателям космоса — тем, кто сегодня отправляет корабли на Венеру, а завтра сам поднимется в небо высокое.

Но овладение космосом — это не просто достижение науки. Вместе с борьбой за космос наступает и новый этап в развитии человечества.

Коммунизм — это общество, в которое войдет только Человек с большой буквы. Поэтому эгоизм, мелкое чувство собственности, противопоставление себя коллективу неуместны в нашей действительности. Об этом и рассказывает спектакль. В центре фигура крупного ученого академика Беркутова, которого играет Ростислав Плятт. Мне кажется, что играет он очень хорошо».

Да, Плятт играет превосходно! Все запоминается: взгляд, внимательный, пытливый; манера смотреть чуть исподлобья; сутуловатая спина и энергичная, уверенная походка человека, которому 70 лет, но держится он молодцом; крутой, быстро закипающий нрав, юношеская способность быть бесконечно счастливым и негодовать во весь голос.

Сложную жизнь человеческого духа показал Плятт. И потому, несмотря на заблуждения Беркутова, зритель симпатизирует ему.

В спектакле есть эпизод, который идет, вероятно, две-три минуты, не более, и у Плятта в нем нет ни одного слова, но сколько же говорит артист!

После нескольких дней безвыходного пребывания в лаборатории Беркутов занемог. За дальнейшим ходом опыта, который ведут сейчас его ученики, он следит из дому по телефону. Победа! О ней сообщили ему. Радостный, сияющий, принимает он поздравления, он весь излучает счастье. И вдруг — гром с ясного неба — опыт проведен не по его схеме!

Сколько мыслей (именно мыслей, а не слов), противоречивых, разных, обуревает Беркутова! Тут и злость на учеников,— как смели ослушаться! — и мучительное сознание своей неправоты, и боль поражения в 70 лет, и, может быть, впервые так ясно осознанная мысль: «Твои ученики сделали это — значит, ты это сделал...»

«Я считаю лучшим из всего, что создал,— продолжает после некоторой паузы Юрий Александрович,— и что приносит мне сейчас наибольшее удовлетворение,— это мои ученики. Прежде всего народные артисты В. П. Марецкая, Р. Я. Плятт, Н. Д. Мордвинов — они начинали у меня когда-то в студии на Сретенке; и вот мы вместе более 30 лет. Б. Новиков и А. Баранцев (они ведут сейчас основные роли в репертуаре) пришли к нам буквально ребятами во время войны. Молодые режиссеры, с которыми я занимался в ГИТИСе, сейчас работают во многих театрах в нашей стране и за рубежом. Недавно у нас прошла премьера «Третье желание» чешского драматурга Блажека; ставила спектакль моя воспитанница чешка И. Мартинкова».

Мы вспоминали других учеников Завадского, их спектакли, роли... Завадский сосредоточенно перебирал карандаши; различного цвета и величины, они в огромном количестве лежали на столе. Он то перекладывал их с места на место в поисках новых цветовых сочетаний, то рисовал что-то на листке бумаги. Известно пристрастие Завадского к карандашам. Сейчас Юрий Александрович принес их с репетиции, на которой говорил актерам о «Василии Теркине». Режиссер А. Шапс ставит спектакль по этой поэме Твардовского. Карандаши сопровождали Завадского осенью в США, где он работал с американскими актерами над «Вишневым садом» А. П. Чехова.

— Что сейчас репетируют в театре?

— Пьесу Сергея Михалкова «Осторожно, листопад» ставит режиссер О. Ремез. Это не комедия, а серьезное раздумье писателя об ответственности родителей за судьбы детей. Этическим вопросам посвящена драма «Самое дорогое», автор ее — молодой драматург Татьяна Сытина, режиссер—И. Анисимова-Вульф.

Мы очень много думаем о пьесе к XXII съезду партии; предъявляем к ней большие требования, поэтому окончательного выбора еще нет. Скорее всего это будет «Антей» украинского драматурга Миколы Зарудного — о людях советской украинской деревни, о тех жизненных вопросах и проблемах, которые обсуждались на январском Пленуме ЦК КПСС. Мы знакомимся с новыми пьесами и других советских драматургов.

К форуму молодежи я хотел бы подготовить «Бунт женщин» датского драматурга С. Сандербю; над сценической редакцией пьесы работают Назым Хикмет и Виктор Комиссаржевский.

В ближайших планах драма «Орфей спускается в ад». Ее автор Тенесси Вильямс рассказывает о судьбе простого человека в США. Главные роли играют Вера Петровна Марецкая и новый наш актер Г. Некрасов. Ставить будет И. Анисимова-Вульф.

Антиколониальной теме посвящена пьеса «В сердце Африки» — инсценировка романа английского писателя Б. Дэвидсона «Речные пороги». Кроме того, мы будем, конечно, ставить русскую и западную классику.

В этих спектаклях будет занята вся наша труппа. А для участия в отдельных ролях мы пригласили народных артистов Андрея Попова и В. Тхапсаева; для осуществления постановок — народного артиста А. Д. Попова и румынского режиссера М. Александреску...

Зазвонил телефон. Студенты МГУ приглашали Юрия Александровича к себе на спектакль.

— Непременно! Обязательно буду!..

И. ВЕРШИНИНА

На снимках: Р. Я. Плятт в роли Беркутова. Спектакль «Летом небо высокое».

Фото Е. Умнова.

В. ПОЛЫНИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ГОРИЗОНТЫ ЦЕЛИННОГО КРАЯ

Акмолинское панно

Скуп зимний целинный пейзаж. Изобразить его можно так: взять чистый лист бумаги, перечеркнуть его посредине, и картина готова. Все, что под чертой,— заснеженная земля. Все, что над чертой,— небо. Важно лишь подобрать нужный цвет и тон бумаги. Для пасмурного дня бумагу надо брать белую: в такие дни на целине небо белое, как снег, а земля белая, как небо. Для ясной погоды нужна голубая бумага: под синим небом и снег такой, будто его подсинили. Для зорь бумага подойдет розовая: отглазурованный ветром и морозом наст, как зеркало, отражает небесный багрянец.

То тут, то там целинный пейзаж разнообразят отары сборнощитовых, камышитовых, саманных домиков. Пока домики еще не выглядят так поэтично, как если бы стояли где-нибудь на опушке могучего леса или над покоем заливных лугов. Но уже понатыканы около домиков в голую землю ветвистые палки и прутики, на которые целинники возлагают большие надежды. И, может, в них даже больше поэзии, чем в дремучих дубравах: кому какая поэзия ближе...

В Акмолинске, столице Целинного края, в столовой загораживает всю стену огромное панно. По мастерству оно уступает даже копиям с шишкинских мишек, перовских охотников и васнецовской Аленушки, а по метражу готово тягаться даже с ивановским «Явлением Христа...»

Что только не наворочено в грандиозной композиции: тут и терраса с мраморными колоннадами, тут и вазы с пирамидами муляжеподобных фруктов, тут и шезлонги, нагруженные отдыхающими, одетыми во все белое — рубашки, брюки и даже ботинки,— тут и озеро, синее, как Черное море, тут и острокрылые яхты и белоснежные моторки, тут и дремучественный лес. И даже орлы в небе.

Но здесь, на целине, не возмущает эта аляповатость. Когда вдоволь наглядишься на чистый лист бумаги, перечеркнутый горизонтальной линией надвое, обрадуешься даже неуклюжим и ненужным нагромождениям мрамора.

Край

В конце прошлого года, седьмого года целинного летосчисления, пять северных областей Казахстана: Акмолинская, Кустанайская, Кокчетавская, Павлодарская и Северо-Казахстанская — были слиты в административно единый Целинный край. Причем Акмолинская область вообще ликвидирована, а ее районы подчиняются теперь прямо краю. Сам Акмолинск из областной столицы превратился в краевую.

В новой многоэтажной акмолинской гостинице «Ишим» стало трудно получить номер. «Что же вы хотите, товарищи, — возмущается притязаниями командированных дежурный администратор. — Мы теперь не область, а край! Пульс, пульс у нас другой появился!»

Вот и на затерянной в степи дороге слышишь от шофера вездехода: «Живем не хуже, чем в Москве, да вот только телевизоров в рабкоопе ни грамма. Теперь, наверное, начнут присылать: край!» И в газете читаешь: «Хватит строиться вширь, пора начинать строиться ввысь, краевому центру грозит чрезмерное растяжение коммуникаций...»

И такие «краевые» разговоры слышатся теперь на всем пространстве от Южного Урала до Алтая: именно это пространство занимает огромный Целинный край. Свыше 600 тысяч квадратных километров! Негеографы обычно не воспринимают смысл этого шестизначного числа, поэтому приходится — хочешь не хочешь — прибегать к истертому, банальному, но оттого не потерявшему своей силы сравнению: 600 тысяч квадратных километров — это примерно Франция, Голландия и Бельгия, вместе взятые. Конечно, в Целинном крае нет таких городов, как Париж, но семь лет назад здесь не было и тех 300 совхозов, которые отлично помогли выровнять хлебный баланс страны. 17 миллионов гектаров новых пашен — большое подспорье в хозяйстве! За семь «предцелинных» лет эта земля принесла стране 376 миллионов пудов хлеба. За семь последующих — почти 3 миллиарда. Одна Северо-Казахстанская область в 1960 году дала пшеницы столько, сколько шесть лет назад собрала вся Казахская республика!

Но не одними пашнями богат Целинный край. Его железорудные запасы богатейшие в мире. Соколовско-Сарбайский, Лисаковский и Качарский комбинаты станут давать в год 83 миллиона тонн руды. Лисаковский комбинат попутно будет производить фосфорные удобрения. Скоро вступит в строй первая очередь асбестового комбината, Павлодарского алюминиевого завода. Экибастузский угольный бассейн доведет добычу угля до 10—12 миллионов тонн в год. Начинается строительство крупной Ермаковской тепловой электростанции на дешевых экибастузских углях. Петропавловский, Акмолинский и Павлодарский промышленные районы станут крупными центрами машиностроения. К 300 «старым» целинным совхозам прибавится 300 новых.

Снегозадержание в совхозе «Ленинский».

Настанет срок, и край настолько изменит свое лицо, что от слова «целина» будет шибко отдавать архаизмом. Но пока это будущее лежит где-то за горизонтом. А в настоящем главное на целине — поля.

Урок арифметики

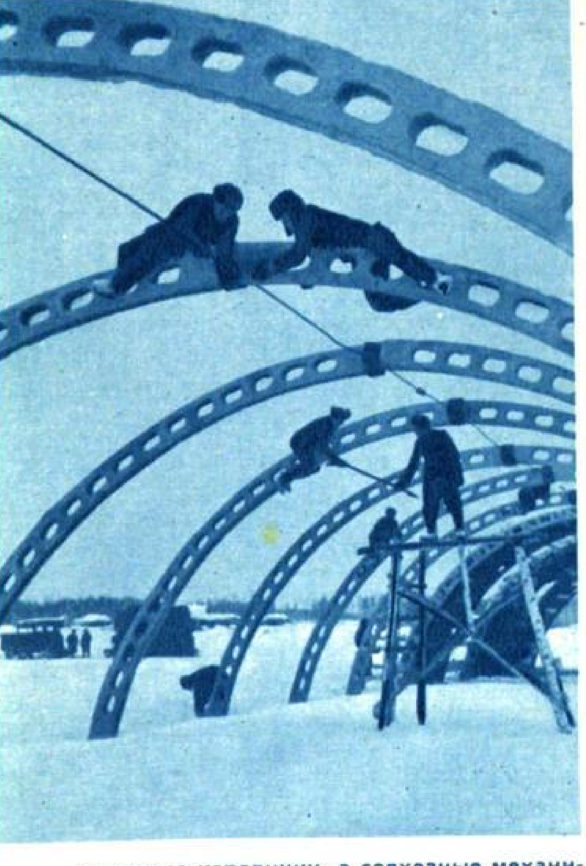
Сейчас зима, и на полях снег. Люди выезжают туда лишь промерить снежную толщу и поставить поперек ветра снежные баррикады.

Вспоминается разговор с главным агрономом совхоза «Коминтерн», на восточном краю нынешнего Целинного края.

— Какая у нас агротехника? Ха!

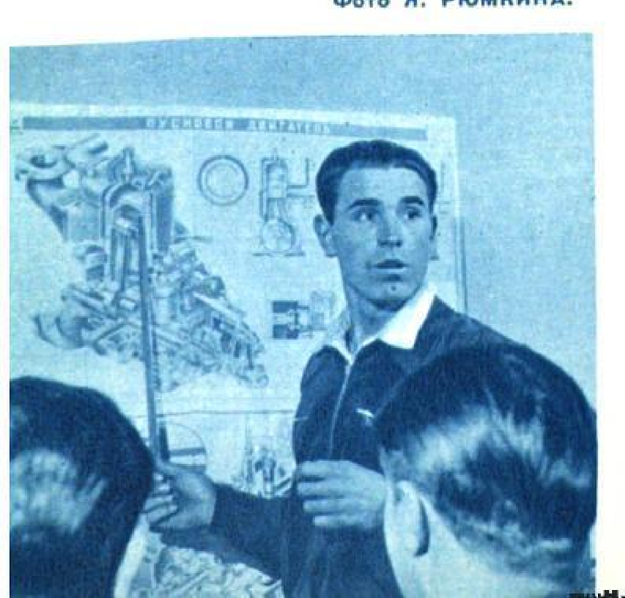

Наш фотокорреспондент побывал в северном уголке Целинного края, в совхозе «Ленинский», когда в Москве шел январский Пленум ЦК КПСС. Газеты с отчетами о Пленуме были у «ленинцев» нарасхват. Из газет узнавали, по каким маякам держать равнение. У «ленинцев» есть, конечно, и свои передовики. Свинарка Мария Рогачева получает от каждой матки по 15 поросят; совхозные строители научились строить дешевые

арочные коровники, а совхозные механизаторы осваивают новые специальности, чтобы стать универсалами (фото внизу слева). Поэтому накануне XXII съезда КПСС и стало возможным соревноваться за скорейшее взятие новых высот, какие наметили, например, для себя коммунисты М. М. Ушаков и М. Д. Корольков (фото внизу справа).

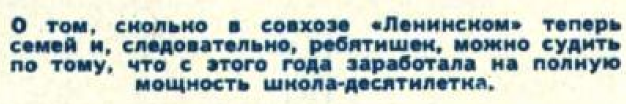
Фото Я. РЮМКИНА.

Зимняя пора в деревне — время свадеб. В эти дни поженились шофер Владимир Трушко и доярка Галина Правда.

О том, сколько в совхозе «Ленинском» теперь семей и, следовательно, ребятишек, можно судить по тому, что с этого года заработала на полную мощность школа-десятилетка.

Ирочка Хорева родилась на целине. В ее свидетельстве о рождении проставлено: «Родилась в совхозе «Ленинском», Северо-Казахстанской области».

По дороге в школу.

побольше вспахать да побольше засеять. Жать на всю железку! Ведь только в нашем совхозе сорок тысяч гектаров пашни. Океан-море! Тут и думать некогда о какой-то агротехнике. Масштабы!

За последние семь лет в стране поднят 41 миллион плодороднейших гектаров. Даже если бы каждый из них дал самый мизерный доход, при умножении его на 41 миллион выходило: игра стоит свеч.

На январском Пленуме секретарь Целинного крайкома партии Т. И. Соколов сетовал на неурожайный, неблагоприятный 1960 год: в среднем с гектара зерновых на площади в 15 миллионов гектаров удалось собрать только по 8,4 центнера зерна. И тут из президиума Н. С. Хрущев бросил реплику: «Хочу напомнить вам, товарищи, что когда разрабатывались предложения об освоении целины, то планом предусматривалась урожайность на этих землях по 8 центнеров с гектара».

Итак, прибавка к плану всего 0,4. Сорок килограммов — это неполный мешок. Но помножьте сорок килограммов на 41 миллион, и дело запахнет эшелонами зерна и миллионами прибыли.

Закон больших чисел — характерная черта экономики целины. Здесь, как нигде, выгодно быть до крайности мелочным и считать каждый колос, каждую каплю влаги, каждую копейку. Потому что всякая мелочь, помноженная на миллионы, дает миллионы.

И только нуль, сколько его ни множь, останется нулем...

Года четыре назад на первой сессии Академии сельскохозяйственных наук Казахстана выступал республиканский министр сельского хозяйства. Говорил он примерно так: «Мы должны дать как можно больший вал зерна. Из чего складывается вал? Во-первых, из площади посева и, во-вторых, из урожайности. Помножьте урожайность на площадь посева, вот вам и вал. Урожайность во многом зависит от неба, а вот площадь целиком в наших руках. Вывод? Ни одного зерна не высеянного, ни одного гектара не засеянного. Простая арифметика».

Ошеломляющие урожайные результаты первых лет освоения целины, когда земля была девственной, чистой от сорняков, богатой питательными веществами и влагой, притупили бдительность некоторых руководителей на целине. Конечно, все помнили предостережения науки: нельзя из земли только брать, ничего ей не давая взамен. Но ведь земля давала и, казалось, приговаривала: «Дают — бери, дают — бери...»

И только на шестом-седьмом году прозвучали сигналы тревоги: нулевую урожайность в некоторых совхозах пришлось множить на четырехзначное количество гектаров. Истощенная земля стала прибежищем сорняков. На посевах пшеницы вырастали овсюг, осот, «березка» и полчища всяких паразитов-нахлебников. Об урожаях пшеницы и думать не приходилось. Зеленую пшеницу косили на сено, чтобы приостановить хотя бы расселение сорняков.

Наука и жизнь

— Где была в это время наука? — переспрашивает Сергей Сергеевич Сдобников.

Сергей Сергеевич — кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий отделом земледелия Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства, созданного несколько лет назад в самом сердце Целинного края. (Недавно этот институт преобразован во всесоюзный).

— На задворках, — отвечает он.— Нас в жизнь с нашими рекомендациями дальше сеней не пускают. Мы не первый год ратуем за то, чтобы пятую часть земель оставлять под чистые пары: в наших условиях это единственный правильный путь предотвратить истощение земель и засорение их. «Пятую часть?! — возмущались нашими предложениями практики.— В условиях целины пятая часть — это восемь миллионов гектаров! Кто же это позволит, чтобы столько земли ежегодно не давало урожая?! Стране нужен хлеб!» Будто мы, ученые-агрономы, не хотим, чтобы в стране было больше хлеба! Но ведь хлеб нам нужен не только сегодня. Завтра его понадобится еще больше. А послезавтра? Ведь если заглянуть даже в недалекое будущее, то станет ясно: расширению площади посевов рано или поздно настанет конец. На Урале у крестьян есть такое выражение: «полетай». Полетаем там зовется овсюг,— самый коварный и злостный хлебный сорняк. Полетаем его прозвали потому, что при неумелой агротехнике он так сильно засорял поля, что выживал крестьян из обжитых мест, заставлял бросать не только наделы, но селения, волости, уезды. Конечно, после того, как Н. С. Хрущев написал в своей записке к Пленуму жирным шрифтом, что он — за чистые пары на целине, нас, ученых, перестанут здесь обвинять в экономической близорукости. Но ведь проблема паров — это не первая и не последняя проблема научного ведения хозяйства на целине.

К кому адресоваться с гневной филиппикой? Разве кто высказывался против науки на целине? Но наука и жизнь здесь не всегда ладят. На целине единственный институт. Все признают, как он нужен. Обещали ассигновать на его строительство 140 миллионов рублей, а перечислили в десять раз меньше. Ругают институт за то, что он не дает хозяйствам элитных семян, но не дают средств на строительство оборудования, с помощью которого только и можно элиту, полученную на полях, превратить в элитный семенной материал. И элита — какое же тут уважение к науке? — идет в бункера элеватора, чтобы хоть «золотыми зернами», но смог район «натянуть» план хлебопродажи. Известно, что применение только сортовых семян дает прибавку урожайности в 3 центнера. Помножьте-ка их на 18 миллионов гектаров одного только Целинного края (17 новых и 1 старый). 324 миллиона пудов! Больше половины всего краевого плана хлебозаготовок. Разве после этого можно экономить за счет ученых-селекционеров на целине? А ведь их в расчете на единицу площади приходится в 25 раз меньше, чем в Ставрополье, где семенное хозяйство налаживалось долгие годы.

Наука на целине отстает от жизни. Это верно. Но не потому ли, что практики относятся к ней не как к родной дочери, а как к падчерице?

Дмитрий Хасенович

Зима на селе — пора учения. Вот и здесь, в институте зернового хозяйства, вся свободная и несвободная, жилая и нежилая площадь занята теперь учащимися. 72 председателя колхозов проходят тут экономическую школу по подготовке директоров совхозов.

Среди учеников — председатель колхоза имени XVIII лет Казахстана Кан Де Хан. По национальности он кореец. Его знает весь край, весь Казахстан. О колхозе, где он председательствует около двух десятков лет, рассказывают легенды. В Москве, например, мне говорили, что Кан Де Хан собирается построить на центральной усадьбе даже зимний плавательный бассейн. А что колхозный клуб у Кан Де Хана лучший среди всех сельских клубов Казахстана — это уже не легенда. Кан Де Хан и Герой Социалистического Труда, и депутат, и член крайкома партии, и, как сказал С. С. Сдобников, не проформы ради избран членом ученого совета института: ведь Кан Де Хан на своих полях получает урожаи выше, чем институтские ученые. Разумеется, в таком колхозе и трудодень был всегда весомым и на денежную оплату перешли тут раньше, чем в других целинных колхозах.

Случилось так, что на ночлег меня определили в одну комнату с Кан Де Ханом. Еще здесь жил бывший рабочий из Кривого Рога, председатель-тридцатитысячник, огромный мужчина, добродушный, как все великаны, Василий Васильевич Слюсаренко. И еще два совсем уже постоянных жильца, два молодых человека, младшие научные сотрудники: лакец из Дагестана Виктор и русский из Удмуртии Евгений Иванович. Возраст Евгения Ивановича вполне допускает, чтобы звали его просто Женей. Но уж так он сам представляется при знакомстве: по имени и отчеству.

Но больше всего меня интересовал, конечно, Кан Де Хан. Единственное, что удалось узнать от посторонних о нем как о человеке,— что к нему лучше не приставать с расспросами.

Пока мы коротали вечер в разговорах, Кан Де Хан, сняв белые бурки и аккуратно составив их у ножки кровати, лежал и неторопливо, колонку за колонкой изучал только что полученные газеты с отчетом о заседаниях январского Пленума ЦК КПСС. Когда он доходил до реплик Н. С. Хрущева, то оборачивался к нам, зачитывал их вслух и, не дожидаясь нашей реакции, снова застывал в прежней позе.

Говорят: чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. С Кан Де Ханом, тем более за одиндва вечера, не съешь и щепотки.

Разговор зашел о том, как бороться с людскими пороками.

— А я говорю вам, — настаивал в это время Евгений Иванович, — если бы моя власть, я бы не только водку запретил, но и табак и папиросы. Если бы люди не курили, не пили, а больше занимались спортом, род человеческий из поколения в поколение все улучшался бы.

Никто в комнате не поддерживал предложения Евгения Ивановича, потому что, кроме него, все курили.

— Мы удивляемся, откуда у нас стиляги. И это легко объяснить, — развивал свою мысль Евгений Иванович. — Вот мой отец, например, мог бы мне купить мотоцикл с коляской, а не купил. В кино и то давал деньги не всегда. Будь моя власть, я бы запретил делать детям дорогие подарки. И право наследования тоже отменил бы. Каждый, кто достиг совершеннолетия, должен сам себе зарабатывать на хлеб.

— Дмитрий Хасенович, — обернулся к Кан Де Хану Виктор, — а как вы воспитание понимаете?

Кан Де Хан не пошевельнулся.

— Ну, что ж ты молчишь, Дмитрий Хасенович, — пристал к нему огромный Слюсаренко.

Слюсаренко и Кан Де Хан спали на соседних койках — голова к голове. Сидели за одним учебным столом. Варили на двоих ужин и завтрак из общих продуктов. И ходили всегда вместе в кино.

— Ну скажи: даешь своим детям деньги на кино или не даешь? Поделись опытом.

Вдруг Кан Де Хан спустил ноги в носках на коврик и заговорил. И мы его не перебивали.

— Меня зовет учительница и предупреждает: не давать денег на кино. Мой старший сын, Саша, учится в десятом классе и в колхозе тоже работает. Другой, Костя, в седьмом. Ребята пристают, конечно: давай деньги! А учительница: категорически!.. Я делал так: один раз даю, другой раз не даю.

Василий Васильевич захохотал, как герой из его любимой оперы «Запорожец за Дунаем». Отрывки из этой оперы он иногда воспроизводил специально для Кан Де Хана.

— А вот я вам скажу, — вдруг загорячился Кан Де Хан. Он почему-то решил, что мы его неправильно поняли. — Приходит к нам в колхоз парень. Такой грязный, такой рваный, смотреть нехорошо. Стыдно смотреть. Как можно прогнать такого? Быстрей его в баню. Быстрей аванс: одеться чисто надо. Посылаю в бригаду. Парень работает полтора дня и дальше не работает. Только поет, а не работает. Но пел хорошо. Очень хорошо! Но петь все время нельзя. И что мы ему ни говорили, не работает. Весь сезон живет как в Сочи. Жилье бесплатно, питание бесплатно. А у нас в бригаде не так, как у них.— Кивок в сторону Слюсаренко. — Чистые простыни, койки с пружинами, занавески на окнах. Я ему говорю: нельзя так. Ушел парень. Скоро снова приходит. Грязный, рваный. И письмо приходит из Белоруссии, от родителей. Смотрите за нашим, пишут родители, он у нас очень плохой парень. Значит, к родителям его послать нельзя: такое письмо про своего сына пишут. Нигде его тоже не примут. «Даю обещание, — говорит парень, — буду честно, честно трудиться». Тут бухгалтер говорит мне: «В шею, в шею! Он и так в кассу много должен. Хватит дармоеда кормить». Ну?

Мы молчим. Мы предугадываем конец этой истории. Очевидно, Кан Де Хан уломал бухгалтера, взял парня обратно, парень исправился, и все кончилось благополучно. И все-таки все мы молчим, потому что знаем: никто из нас на месте Кан Де Хана не поступил бы так, как поступил он.

— Парень работает — лучше не может быть! — отрезал Кан Де Хан. — Приезжал к нам секретарь ЦК комсомола Павлов. Мы его с делегацией — в клуб. В клубе концерт. Артисты все свои. И самый

Идет операция...
Фото Д. Ухтомского.

ВМЕСТО КОСТИ—КАПРОН

— Если в кости выдалбливается большая полость, то ее закрываем капроном...

Кандидат медицинских наук Ф. Ф. Маломуж произносит эти слова медленно, с запинкой и тяжело садится в кресло. Теперь каждому врачу, который его слушает, видно, как он устал. И как, вероятно, устали его руки с сильными, мускулистыми пальцами!..

Только что была тяжелая двухчасовая операция и только что эти руки с желтоватыми, еще не отмытыми от йода ногтями делали свое трудное и благородное дело, спасая жизнь малыша.

...После кори Петя Н. получил осложнение: воспаление среднего уха — отит. Три года наблюдали его врачи, пытаясь всякими способами приостановить процесс. Болезнь то отступала, то наступала, но уверенности в излечении не было. И тогда родители дали согласие на сложную черепную операцию.

Вот уже обезболена оттороченная зажимами область операции. Хирург быстрым и точным движением вскрывает ушную полость.

— Да тут же огромнейшая холестеатома! — восклицает он. И врачи, приехавшие из других городов страны на семинар, еще теснее обступают его. Тут есть и дальний гость — педиатр из далекой Камбоджи. Всем понятно, что собой представляет эта холестеатома. Опухоль такого рода способна расти и расти, разрушить черепную кость, и тогда она может вызвать менингит или абсцесс мозга. Она и так произвела здесь опустошение: нет барабанной перепонки, задней стенки слухового прохода,— захватила даже кость.

— Готовьте микроскоп! — коротко распоряжается Ф. Ф. Маломуж.

Начинается тончайшая, ответственнейшая часть операции. Ее можно делать только под бинокулярным микроскопом на специальной подставке. Бормашина внедряется в кость.

Потом из слухового прохода берется «лоскут». Из него должна быть сооружена новая барабанная перепонка. Американский отоларинголог Вульштейн пользовался для этого лоскутом инородным, взятым из другого места. И он, этот кусочек ткани, точно заплатка из иного материала, чаще всего не приживался, плохо себя чувствовал на новом месте. В результате тяжелая операция не достигала своей цели.

Филипп Фадеевич Маломуж одним из первых советских хирургов применил в молодой области хирургии — детской отоларингологической — лоскут на ножке. Он берет его из слухового прохода и отделяет не совсем — оставляет ножку. По этой тоненькой ниточке жизни лоскут получает питание и кровь. Он уже не чувствует себя инородным телом, и приживаемость такой искусственной перепонки очень высока — 60—70 процентов. Чаще всего такая перепонка начинает работать, вибрировать, восстанавливая слух. А когда, как и сейчас, лоскута не хватает, на помощь приходит капрон...

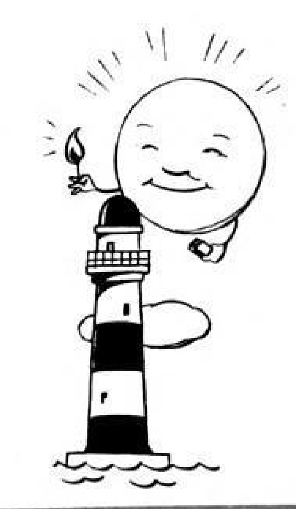
— Капрон! — отрывисто бросает Маломуж.

Через две-три недели лепесток из тонкой капроновой сетки должен срастись в единое целое с костью и лоскутом, зажить одной с ними жизнью.

Новый метод ушных операций у детей находит все более широкое применение в практике. Со всех сторон в Москву, на 1-ю Красногвардейскую улицу, где находится детская клиника Государственного научно-исследовательского института уха, горла и носа, едут врачи-отоларингологи.

— Дерзать, надо больше дерзать! — говорит молодым специалистам этот пожилой человек.— Шире надо применять то, что дает нам современная наука и техника. Пять лет назад мы еще не знали капрона. А сегодня я мечтаю о том, когда сможем применить синтетику для исправления дефектов гортани. Это, конечно, мечта. Но за мечту надо бороться!

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Солнце зажигает маяки

В Японии успешно функционирует маяк на солнечной энергии. 648 кремниевых элементов в течение дня преобразуют солнечный свет в электрическую энергию и заряжают специальную никель-кадмиевую батарею, которая ночью питает током лампу. Она вспыхивает дважды каждые семь секунд. Свет ее виден на расстоянии до 17 километров. Маяк работает безотказно. Управление морской спасательной службы Японии приняло решение построить еще 6 таких маяков.

Л. ГИЛЬБЕРГ

главный — этот парень. Очень понравился Павлову. Пришлось мне про парня рассказать. А Павлов рассказывал о нем в Акмолинске, на слете целинников. Жениться скоро будет парень. Зовут Николай, фамилия Мазухин.

После того, что рассказал Кан Де Хан, мне показалось, что я съел с ним за полчаса больше, чем пуд соли.

Не удивительно, что русские и казахские колхозники удлинили слишком коротко звучащие для нашего слуха корейские имя и отчество: Де — до русского имени Дмитрий, Хан — до казахского отчества Хасенович. В этом — особенное уважение к председателю.

Кан Де Хан.
Фото В. Полынина.

Четыре процента

Агроном из-под Павлодара, прогремевший на целине в позапрошлом году благодаря кукурузе, рассказывал:

— Приглашают меня на конференции, совещания: расскажи о своей агротехнике. А какая моя агротехника? Ношусь день-деньской за трактористами с посевной до уборочной, чтобы в погоне за выработкой не нарушили качества. Об этой «агротехнике» я на совещаниях ни слова, а ведь только ею и набрал я свои рекорды. Так что агротехника моя похожа меньше на науку, а больше на дубинушку. Вот если бы кто-нибудь такую агротехнику придумал, чтобы каждый рабочий совхоза — не только передовик, а каждый! — работал на общественном огороде, как на своем собственном, такой агротехнике я бы с радостью и сам поучился. Ведь не бывает же, чтобы на личном огороде у рабочего совхоза или колхозника хоть картофелина в земле осталась, а на нашем совхозном поле после уборки всегда свиньи пасутся и хорошие привесы дают...

От многих случалось слышать примерно то же самое. Высказывали тут же и предложения, как повысить материальную заинтересованность рабочего совхоза. Но вот говорят: в одном целинном совхозе уже применяют такую «агротехнику», о которой давно мечтает павлодарский агроном.

...Совхоз «Дальний», Есильского района. От Акмолинска в сторону почти полтысячи километров. Типичное целинное хозяйство. Земли много, людей мало. На счету каждый рабочий. Лодыри и те на учете. С уборкой в «Дальнем» своими силами никогда раньше не справлялись. И вдруг этой осенью, когда, как всегда, подоспело подкрепление с запада, приезжих не пустили в бригады. Руководство района, руководство совхоза были в недоумении: в чем дело?

Григорий Скаженников, бригадир второй бригады, человек в районе уважаемый, целинный гагановец, так ответил за всех:

— Сами справимся, потому что заинтересованы своими силами урожай убрать.

Вот это «агротехника»!

— Людей как подменили, — рассказывает главный агроном совхоза Карл Карлович Финк. — Еще с весны было заметно. Бывало, никак не найдешь охотников навоз вывозить на поля, а тут сразу весь расхватали. Раньше в этой работе интереса было мало: неквалифицированная работа, расценки невысокие. Бывало, агроном зорко следит за глубиной вспашки, за заделкой семян, нормой высева: трактористу лишь бы посеять, расчет был тут же, за гектары. А ведь каждую бороздку не просмотришь, не перекопаешь. Теперь к агроному бегали не за приказом, а за советом.

Интересная «агротехника»!

— Лодыря лекцией о сознательности не прошибешь, — вторит агроному секретарь партбюро Александр Александрович Козлов. — А тут разом все стали сознательные. Ни колоска на стерне не оставят. Везут зерно на ссыпку, каждую щелочку в кузове законопатят, воробьям никакой поживы.

— Я хорошо помню, — говорит Николай Тимофеевич Колесников, совхозный инженер, — в каждой бригаде с уборкой обычно не меньше 100—120 рабочих управлялись. Я и Данила Иванович Нечитайло, наш директор, оттого и подали в район запрос на подмогу к уборочной. Ведь у нас бригады едва по 50—60 человек насчитывают...

— Даже вот до чего дошло, — перебивает Карл Карлович, — обычно так: кончила бригада уборку на своем поле — помогает соседям. Теперь ни-ни! Никто помощи не принимает. Своих жен, домохозяек, в поле позвали, а со стороны ни одного человека. Был бы здесь Данила Иванович, наш директор, и он подтвердил бы: каждый на уборке за двоих работал. А причиной всему — четыре процента!

Что же это за волшебные четыре процента? Московские экономисты предложили совхозу ввести новую систему оплаты труда рабочих. Вся сложная система прогрессивки и премий отменяется. А те деньги, которые распределялись в виде премий за урожайность, экономию горючего, за качество работ, сохранность техники и так далее, будут выплачиваться как прибавка к тарифной зарплате в размерах, равных четырем процентам стоимости полученного, убранного, сданного готового продукта. Пока продукция живет «на корню», рабочий получает тарифную ставку. Когда же он привезет на склад урожай, он получит как премию 4 процента его стоимости. Сдал центнер хлеба — получай четыре процента его стоимости — 1 рубль 88 копеек (в старых деньгах, конечно), сдал тысячу центнеров — получай 1 880 рублей. А сдать ты можешь только то, что посеял, вырастил, убрал со своего поля. И каждый старался взять со своего поля как можно больше.

— Вот и не было смысла пускать посторонних на свое поле, чтобы четыре процента не уплыли в чужой карман.

Ну, а государство? Выиграло оно на этом или проиграло? Ведь каж-

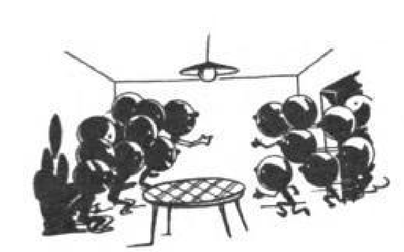
Молекулы меняют характер

Пожалуй, не только человека, мало знакомого с химией, но и специалиста в этой области восхитят и поразят своей простотой те чудесные превращения, которые происходят в одной из лабораторий Института химической физики Академии наук СССР.

На наших глазах деревянный круглый стержень обматывается стеклотканью, пропитанной вязкой жидкостью, а буквально через несколько минут этот стержень вынимают, и перед нами уже готовая нержавеющая, очень прочная труба из стеклопластика.

Как образовалась она?

Известно, что создание больших молекул, из которых состоят пластмассы, волокна, каучук и другие синтетические материалы,— процесс очень капризный, многостадийный, как правило, протекающий в сложных агрегатах, при высоких температурах и давлениях. Причем, чем больше требований предъявляется к пластмассовым изделиям, тем сложней их получение.

А как добиться, чтобы большие молекулы появлялись на свет проще, без роскоши и дороговизны, к которым они привыкли?

Вот такую задачу и поставила перед собой группа химиков под руководством доктора технических наук профессора А. А. Берлина. А что, если «сшивать» привередливые большие молекулы не из отдельных молекул, как это делается обычно, а из целых групп?

Такие группы оказались очень общительными. Они охотно присоединяют к своим концам «хороводы» других молекул.

То увеличивая их в размерах, то, наоборот, обрывая в нужный момент их рост, профессор Берлин вместе со своими коллегами придают получаемым изделиям из пластмассы те качества, какие потребуются: высокую прочность, термостойкость, полное равнодушие к кислотам, щелочам и другим агрессивным растворителям.

— Вот таким методом и получена эта трубка,— поясняет Альфред Анисимович Берлин.— Вязкое вещество, которым мы пропитываем стеклоткань, — полученная нами полиэфиракрилатная смола. Группы ее молекул так активны и послушны, что прямо на воздухе, при комнатной температуре вырастают до нужных размеров и, принимая форму трубы, затвердевают.

Пропитывая стеклоткань полиэфиракрилатами и затем формуя на той или иной оснастке, можно получать из стеклопластиков самые разнообразные предметы, необходимые в народном хозяйстве.

И что самое главное, при этом не потребуются ни сложное оборудование, ни высокие температуры и давления.

Полиэфиракрилаты применяются не только для изготовления изделий из стеклопластиков, их деятельность гораздо шире: из них создаются клеи удивительной прочности, которыми можно склеивать металлы со стеклом, керамикой, резиной, графитом.

Новые клеи — отличные помощники машиностроителей.

М. АНГАРСКАЯ

«АНТАРКТИДА» В ЛАБОРАТОРИИ

Капризная нынче выдалась зима в Ленинграде, с оттепелями. Но в камерах лаборатории льда и методов его разрушения стоит настоящая «арктическая» зима. В матовую ледяную броню закована вода опытных бассейнов. За тяжелой, как у банковского сейфа, дверью находится «Антарктида». В этой камере 45 градусов мороза считаются обычными, но в случае необходимости температуру можно довести и до 100 градусов ниже нуля.

В камерах, у бассейнов, наверху, в теплых кабинетах — всюду трудятся сотрудники лаборатории Арктического и Антарктического научно-исследовательского института.

Главная проблема, которой занимаются сотрудники лаборатории,— продление навигации в северных портах.

Ведь часто бывает, на побережье весна, по морю давно можно плавать, а в бухту кораблю не зайти: на десятки километров протянулась неприступная белая пустыня. Не всякий ледокол возьмет эту крепость. Взрывать? И дорого и долго. А если, скажем, растопить во льдах канал, соединяющий причалы с чистой водой? Раньше такое предложение показалось бы нелепостью: ведь для того, чтобы растопить лед на канале в 50 километров длиной, надо около ста тысяч кубометров дров или двадцать тысяч тонн угля! Но тут ленинградские ученые, возглавляемые заведующим ледоисследовательской лабораторией профессором И. С. Песчанским, предложили смелое решение: растопить лед... песком.

Весь секрет в том, что снег и лед отражают почти 90 процентов лучистой энергии, стойко сопротивляются солнцу. Песок же легко нагревается, лед вокруг него тает, вода еще более увеличивает таяние. Благодаря этому способу, называемому радиационным, удается начинать навигацию на месяц раньше обычного.

М. ВАСИН

Рисунки М. Ушаца

Кандидат физико-математических наук Ю. П. Доронин проводит очередной опыт в бассейне лаборатории.

Фото Н. Карасева.

дый рабочий совхоза при новой системе заработал гораздо больше против обычного. Вот бухгалтерские выводы. Фонд зарплаты впервые дал большую экономию. Совхоз принес свыше 4 миллионов рублей прибыли. Планы по снижению себестоимости хлеба и силоса перевыполнены.

А какой бухгалтер учтет при этом, что совхоз избавился от нужды привлекать из западных районов дорогостоящую командировочную рабочую силу? А какой цифрой выразить невиданную сплоченность работников в одной бригаде? А излечение от обычной болезни целинных хозяйств — текучки рабочей силы? А повышение культуры полеводства? А заинтересованное отношение к работе? Все это для целинного хозяйства дороже денег.

Одно плохо. В новом, 1961 году чудесные четыре процента отменили. Сказали: это был всего лишь эксперимент. Удачный, правда, весьма удачный, но эксперимент.

Ищем художника!

Самолет пересекает Целинный край с юга на север. Слегка изменился пейзаж. Горизонт, отчеркнувший от земли небо, кое-где покрылся прерывистыми светло-серыми мазками. Это березовые колки, или рощи, как сказали бы в России. Они предвещают, что где-то дальше, на севере, степь постепенно перельется в сплошные леса.

Но вряд ли одной лишь сменой широт отличается южная целина от северной.

Два года назад в «Огоньке» было рассказано о последней новинке сельского домостроения, о каркасных комфортабельных домах, спроектированных инженерами братьями Леонтьевыми. Для иллюстрации пришлось сделать снимки с опытных образцов. У североказахстанцев сегодня можно увидеть улицы и поселки леонтьевских домиков.

Кажется, совсем недавно на Алтае строители предложили собирать скотные дворы, хранилища из арочных каркасов. Приезжайте в Петропавловск, столицу Северо-Казахстанской области, и вам дадут немало адресов, где полным ходом, даже зимой, идет арочное строительство. Даже покажут свои, североказахстанские арки, которые и легче и дешевле алтайских.

На всю страну прогремела слава птичницы из-под Харькова Веры Сидоры, которая одна справляется с несколькими тысячами несушек. В совхозах Северо-Казахстанской области вас познакомят с местными Сидорами и покажут фермы и даже строящуюся птицефабрику, которые не хуже украинских.

А где на целине появились первые энтузиасты кукурузы? А где больше сторонников беспривязного содержания коров? Где сделаны первые попытки выращивания сахарной свеклы на корм? Где впервые перестали жечь на полях обмолоченную солому, пустив ее на корм скоту? А разве на юге вы найдете хозяйства, где было бы столько коров на 100 гектаров? А производственное скрещивание крупного рогатого скота? А применение биомицина?

Нет, не географическое положение, не разбавленный березовыми колками пейзаж делают четче и ярче северные целинные горизонты.

Вот Иван Лаврентьевич Малькин. Главный инженер совхоза «Ленинский». Совсем еще молодой человек, молодой специалист. Целина — первое поле, где он приложил свои силы. Посмотрите его гидролизный завод по переработке соломы на питательный корм, посмотрите, как остроумно простые грузовики переоборудованы в грузовики-самосвалы, посмотрите, как необычно, просто и — да простят такое выражение — изящно решена задача механизации откорма свиней! А механическая дойка...

— Я вам так объясню, почему у других это не получается, — говорит Иван Лаврентьевич. — Из любого хорошего дела можно натворить пародию.

«Натворить пародию» — любимое изречение Малькина. В этом легко убедиться даже после короткого разговора с Малькиным. И в его речи это не выражение-паразит. Оно, пожалуй, раскрывает секрет многих удач совхозных механизаторов. Если что-то не получается на первых порах,—это не сигнал к отступлению. Не получилось — значит, «натворили пародию», сделали не так, как надо было.

Александр Филиппович Кержнер, директор Бишкульского совхоза, рассказав об устройстве подведенной под крышу птицефабрики, заметил:

— Думаем с телевидением связаться.

— Рановато, пожалуй.

— Не для рекламы. Для производственных нужд. Птицы будет почти полмиллиона, а обслуживающего персонала — 25 человек. С телекамерами проще за всем уследить. Я уже и проекты видел. С работниками одного телецентра разговаривал. Так что вполне реальная вещь.

И снова невольно вспомнилось наивно-мечтательное акмолинское панно, когда мы с Александром Филипповичем стояли в только что отстроенном, оштукатуренном клубе. Клуб сделан из камышита, но не верится этому, когда видишь его высокие своды, светлые окна. Внутренняя светло-серая ровная поверхность оштукатуренных стен, слегка шероховатых и девственно-чистых, напоминала загрунтованную поверхность натянутого на подрамник холста, ждущего первого прикосновения кисти. И стало жалко, что придет вот какой-нибудь безразличный ко всему, кроме заработка, мазила и залепит стены базарным, аляповатым узором. Ведь этот клуб — надежда и давняя мечта всей совхозной молодежи. И вывели они его на славу, не жалея ни времени, ни средств, ни труда. В клубе, еще не законченном, но уже обогреваемом батареями центрального отопления, репетирует драматический кружок. Может быть, здесь возникнет первый на целине народный театр. Может быть, по образцу бишкульцев, «не ожидая милостей от природы», такие клубы отгрохают и другие целинники: ведь построен он из камыша!

— Мы уже думали, — вздыхает Александр Филиппович, — что́ должно изобразить на этих стенах. И не придумали. Стандарта не хочется. Тут уже ходят хвостом за мной «живописцы». Предлагают отрафаретить под шелк-бархат. А своих художников нет. Боюсь, что вот-вот капитулируем перед халтурщиками. Вот если бы согласились приехать к нам в порядке культурного шефства молодые архитекторы, художники из Ленинграда, или из Москвы, или из любого другого города, где есть художественные институты, академии... Мы бы им и дорогу оплатили и жизнь тут, и для них наш клуб стал бы вроде дипломной работы. Жаль, не печатают таких объявлений, а то бы кинули мы призыв: **«Ищем художника!»** Авось, кто-нибудь да откликнется. А ведь и тема есть неплохая для росписи: «Горизонты Целинного края».

Не надо топт

Повесть

Николай АСАНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

9. Бригада и внешние силы

Вечером по расписанию Культурной Жизни бригада должна была в полном составе посетить очередную лекцию народного университета. Лекция предполагалась занимательная: астроном Пухов должен был рассказать о новейших исследованиях Марса.

Прошлая лекция для Шурочки оказалась очень привлекательной. Она сидела рядом с Александром в третьем ряду, все время чувствуя доброе прикосновение мужской руки. Лекция была о музыке, и хотя Шурочка плохо разбиралась в том, как слушать и понимать музыку, но само присутствие Александра отдавалось в сердце сладкой мелодией. В таких условиях узнавать новое о музыке было не только легко, но и приятно. Шурочка не удивилась бы, если бы после нескольких таких лекций в обществе любимого человека вдруг оказалось, что она не только понимает музыку, но и сама может быть дирижером. В сущности, не является ли она уже дирижером? Ведь это от нее зависит согласное звучание десятка станков в цехе!

Крамольную эту мысль Шурочке высказывал Александр. Но она, поразмыслив, согласилась с ним. Да, Согласие и Гармония — это те главнейшие качества, которые украшают жизнь. И по их бригаде видно, что гармоническая согласованность надежд, устремлений и поступков приведет их к тому кругу знаний, которые обязательны для человека будущего общества...

И вот все это разрушилось! Без Александра нет Гармонии в ее сердце, а поступок Александра нарушил и Согласие в бригаде.

Шурочка вздохнула, входя в украшенное зеркалами и хрустальными люстрами здание районного Дома культуры, в котором проходили занятия университета.

Она не стала ожидать остальных членов бригады, как бывало раньше, когда ей хотелось, чтобы ее с Александром видели все. За сбор бригады отвечал Женя Ястребов, а глаза у него острые, он всех разглядит, сколько бы народу ни пришло на лекцию знаменитого астронома. Шурочка устало пробиралась через ряды, отмечая все же женским взглядом, что рядом со слесарями и токарями сидят известные актеры, которых она знала по кино и театру. Отмечала она мимоходом и новый покрой платья дамы в третьем ряду и удивительную прическу типа «воронье гнездо» у девушки в четвертом. Но несколько дней назад все эти мелочи интересовали ее больше. Тогда она, может, пыталась бы зарисовать под прикрытием сумочки в своей записной книжке причудливые линии портновского искусства, создавшие из отличного шелка подобие мешка для картофеля, собранного снизу в узел под оборку, а сверху имевшего три прореза: для головы и для рук.

Но сегодня ничто ее не занимало.

Однако лекция оказалась на удивление интересной.

Впрочем, с того дня, как ребята решили бороться за звание бригады коммунистического труда и поставили обязательным условием завоевание высокой культуры, выяснилось, что почти все в мире интересно. И они с одинаковым удовлетворением посещали выставки картин и промышленные выставки, лекции по музыке и собеседования по эстетике. Раньше они и не подозревали, что смотреть картины — это тоже своего рода искусство, а теперь постоянно экзаменовали друг друга: а что ты видел и ощущал, когда смотрел картину Левитана «Над вечным покоем»? А как ты воспринимаешь памятник Горькому у Белорусского вокзала?

Не следует думать, что эти молодые люди были всеядны в своем стремлении к знаниям. Нет, иной художник долго морщился, читая оставленные ими от имени всей бригады записи в книге отзывов. Такой записи обычно предшествовали долгие споры, потому что члены бригады желали сохранить общность взглядов, вполне уместную и достижимую при рассмотрении нового заказа в цехе, но трудно завоевываемую в области искусства, где, как известно, больше всего простора для субъективного понимания. И если, скажем, после посещения выставки американского художника Рокуэлла Кента относительно легко было договориться, что «он представляет реализм, пробивающийся из-под тисков, которыми давит художника монополистический капитал...», то уже на выставке Герасимова достичь взаимопонимания было трудновато. Однако само стремление к общности выводов уже поднимало их в собственных глазах, а поиски объединяющей точки зрения сопровождались такими спорами, которые, несомненно, поднимали ребят и в глазах окружающих.

Вот и сейчас Шурочка с удивлением выслушала догадки астронома о том, что Марс в известное время года покрывается растительностью, что растительность эта зеленовато-голубоватого цвета, что последние фотоснимки Марса показывают не столько наличие каналов на нем, сколько свидетельствуют о распространении растительных зон... Что касается жизни на Марсе, то астроном оставлял решение этой загадки на будущее.

Шурочка с удивлением отмечала странное раздвоение чувств. Она слышала астронома — что было вполне естественно, так как он существовал реально в отличие от недоказанного существования марсиан,— и в то же время чувствовала рядом со своей рукой и даже — о грех желания! — на своем колене руку Александра! А между тем если он в это время и касался своей рукой кого-нибудь, так только разве Аллочки...

Это ощущение двойственности чувствования было столь непереносимо, что Шурочка с трудом дождалась перерыва. После перерыва всегда начиналось самое интересное — вопросы лектору. Но Шурочке не хотелось больше испытывать ненужные волнения. По своей наивности она думала, что стоит ей уйти из того зала, в котором она была так счастлива с любимым человеком, как наваждение рассеется.

Но едва она вышла из зала, как к ней подошел вездесущий Ястребов. Волосы его сбились на лоб и застлали глаза дымным туманом, движения решительны.

— Пойдем поговорим с Власьевым! — прокричал он Шурочке и, ухватив за руку, стремительно потащил за собой.

— Не пойду! — решительно воспротивилась Шурочка, выдирая свою руку из его могучей длани.

— Как это не пойдешь? — удивился Женя, воззрясь на нее с недоверием.— Тут не личное дело! Тут дело коллективное!

— Оставь меня в покое! — обидчиво закричала Шурочка.

Кто знает, чем бы кончилась их перепалка, но к ним уже подходил сам Власьев, человек-громада, затянутый в узкий темно-синий костюм, из-под которого виднелся отложной воротничок снежно-белой рубашки. Впрочем, на Власьеве любой костюм казался узким, такой это был крупномасштабный человек.

— Куда это ты уводишь Шурочку? — осведомился Власьев.— Имей в виду, Стожаров тебе не простит похищения сабинянки!

«Как стыдно-то, господи! — в отчаянии призналась себе Шурочка.— Ведь Власьев, оказывается, ничего не знает!»

— А я ее хотел как раз подвести к вам, Сергей Александрович! — угрюмо вымолвил Женя.— Стожаров от нас откололся, мы об этом и хотели поговорить.

— Да ну! — удивился Власьев, внимательно разглядывая Шурочку.— То-то она одна сегодня сидит! Чем же занят этот превосходный инженер? Остался еще на одну смену? Испытывает новое приспособление?

— Не шутите, Сергей Александрович, дело хуже! — пробормотал Женя, не желая замечать щипков, которыми награждала его Шурочка.

Шурочка со злостью подумала: «Шкура у него, как у бегемота, ничего не чувствует!»

— Шурочка, перестань его щипать! — вдруг сказал Власьев.— Он как меднокожий гурон. За тебя он даст добровольно содрать с себя кожу, но, чур, не твоими руками! Ну, а теперь, когда порядок восстановлен и справедливость торжествует, пойдемте на улицу, там хоть покурить можно. Насчет Марса мы все узнали, перейдем к земным делам...

Пошучивая, он шел впереди, и окружающие растекались в стороны, как перед ледоколом. И хотя Шурочке было по-прежнему стыдно, она покорно двигалась в кильватере. Ей-то было известно, что, если Власьеву захочется что-нибудь выспросить, никто не сумеет умолчать. За это его и любили. Иному человеку всего труднее рассказать о себе, а Сергей Александрович подойдет так, что и не заметишь, как все уже сказано.

А Женя тем более не нуждался в понуканиях. В одну минуту он рассказал все, что было ему известно о появлении Аллочки Славиной, об изъятии проекта из совнархоза и о том, что теперь «их проект», которым они все так гордятся, служит для просвещения светлого Аллочкиного ума.

— Куда же это годится, Сергей Александрович! — возмущенно закончил он.

— Никуда не годится,— спокойно подтвердил Власьев.

— Так как же вы можете оставаться таким спокойным?! — закричал Женя.

— Понимаешь, Ястребов, тут милиционера не покличешь! — усмехнулся Власьев.— А, впрочем, почему бы и не покликать? — спросил он сам себя. И вдруг, возвысив голос, обратился к кому-то через головы Шурочки и Жени: — Федор Михайлович! Федор Михайлович!

Меж Шурочкой и Женей протиснулся толстый человек с грубым лицом, большеголовый, в усах и в бороде. Полы его распахнутого пиджака болтались где-то на спине, а округлое брюшко, обтянутое сиреневой рубашкой, он нес впереди, как турецкий барабан.

— А, Серега! — воскликнул он и ударил толстой ладонью Власьева по плечу, отчего тот

Окончание. См. «Огонек» №№ 9, 10, 11.

ать цветы

покачнулся. Два огромных этих человека заняли весь тротуар, а прохожие почтительно обходили их.

— Вот, знакомься, Федор Михайлович! — сказал Власьев, представляя Женю и Шуру.— Члены нашей передовой бригады. А ты чуть не помял их в толпе, Слон Бегемотович!

— Извините великодушно! — пророкотал Федор Михайлович.— Значит, просвещаетесь, молодые люди? Очень приятно! Я вот тоже тряхнул стариной, записался в этот университет! Когда институт кончал, нам таких лекций не читали! Подумать только, на Марсе есть растительность! До чего наука дошла!

— Ты над ними не очень-то посмеивайся! — перебил его Власьев.— Эти молодые люди еще и тебя удивят! Ты слышал о проекте автоматизации нашего токарного цеха?

— Как же, наслышан!

— Так вот, полюбуйся: двое из соавторов проекта!

— Как из соавторов? Проект подписан Стожаровым! И Стожаров взял его на доработку!

— А это уж тайны мадридского двора! Впрочем, давай-ка ко мне. У меня, кстати, завалялась где-то бутылочка коньяка.

— Позвольте, разве коммунисты пьют?

— Так ты-то ведь беспартийный! Впрочем, рюмочку и я выпью, только этим молокососам не налью!

Они стояли на тротуаре, большие, шумные, и Женя с Шурочкой выглядели перед ними подростками. Откуда-то вынырнула огромная машина и затормозила возле них. Открылась дверца, шофер сказал:

— А я вас ищу, Федор Михайлович!

— Не ври! Меня со всех сторон видно! — пошутил Федор Михайлович и принялся усаживать Шурочку, успев цыкнуть на Женю: — Ухаживать не умеете, молодой человек! Все на преимущества возраста надеетесь! А вот я возьму да и отобью вашу Шурочку...

— У него уже отбили,— сердитым почему-то голосом сказал Власьев, усаживаясь. Шурочка сразу съежилась, а Женя так и застыл с обиженным лицом.

Теперь-то Шурочка поняла, что Федор Михайлович не кто иной, как известный ученый-металлург, занимавший в Управлении металлургической промышленности какую-то ответственную должность. А Власьев, видно, знал его еще в молодости. Оба вдруг заговорили на каком-то студенческом жаргоне древности; то ли оба взрослых человека шумели, шутили, разговаривали, чтобы дать ей и Жене успокоиться, то ли им было просто приятно встретиться и они перестали их замечать. Во всяком случае, им с Женей стало легче и проще.

И на квартире у Власьева, где все свидетельствовало о поспешном бегстве от жары на дачу и Шурочке пришлось исполнять роль хозяйки, а Жене — открывать консервы при помощи топора и столового ножа, было весело. До сих пор Шурочка и не подозревала, что можно веселиться без Саши. И однако веселилась от всей души, особенно когда Федор Михайлович принялся произносить грузинские тосты. В конце концов Власьев был вынужден угомонить высокого гостя:

— Потише, Федор, а то влюбишь в себя молодежь! А ведь мне с ней работать! Имей в виду, я тосты произносить не умею, я человек на производстве строгий.

— Тогда валяй о производстве! — смилостивился Федор Михайлович.— А то я вижу, что у нашей Шурочки глаза слипаются...

Это была ложь! Никогда Шурочка не видела яснее, чем сегодня. Даже будущее выглядело не таким уж мрачным, каким казалось несколько часов назад.

Сергей Александрович предоставил слово Жене, Шурочку он, видно, щадил. И Женя с лихостью радиорепортера отбарабанил снова все обстоятельства дела, как он это назвал.

— Значит, Баклагин и Славин стараются вместе для девочки Аллочки?—задумчиво заметил Федор Михайлович, рассеянно тыча окурок в горшок с цветами.

— Должно быть, так,— согласился Женя.

— И что же вы предлагаете? — спросил Федор Михайлович, с неожиданной легкостью поворачиваясь сначала к Жене, потом к Шурочке.

— Написать письмо в институт, в котором эта Аллочка учится! — с готовностью изложил Женя план мести.

— А вы, Шурочка?

И тут Шурочка не выдержала.

— Пусть их! — сказала она и, заплакав, выбежала на кухню.

— Да, положение сложное! — сказал Федор Михайлович, барабаня пальцами по столу.— Ну, молодой человек, идите утешьте пока свою будущую невесту, а мы, взрослые, тут подумаем...

— Федор Михайлович! — с отчаянием в голосе прокричал Женя, но ученый-металлург только рукой махнул в сторону кухни.

— Идите, идите, все будет так, как вам захочется!

Женя выскочил, обуянный тревогой. Шурочка сидела среди кухни на табуретке, не поднимая головы.

— Что они говорят? — спросила она.

— Выставили! — мрачно сообщил Женя.

Нет, он не мог утешать Шурочку.

Так, в полном молчании просидели они полчаса.

Женя, конечно, и не подозревал, что иногда молчание сближает людей больше, чем слова. Но лучшего способа завоевать доверие Шурочки он не выдумал бы, думай хоть вечность. Он только удивился тому, что, когда из столовой долетел мощный зов Федора Михайловича: «Молодой человек, идите сюда!»,— Шурочка робко положила свою руку на его ладонь. Правда, она сказала: «Ох, боюсь!»,— но доверие ее было очень приятно.

Федор Михайлович встретил их вопросом:

— Какое время по проекту требуется на переоборудование цеха?

Женя воспринял этот вопрос как экзаменационный: а на самом ли деле они думали над проектом? Он обиженно ответил:

— Теперь, когда вся документация уже подготовлена, хватит и двадцати дней. Осталось только станки расставить.

— А вы, молодой человек, раньше срока не обижайтесь! Ну, а если вы поднатужитесь?

— Это мы тоже соображали. Тогда дней пятнадцать.

— Тут уже есть резон! — Федор Михайлович покосился на Власьева, невозмутимо покуривавшего в стороне.— Тогда объявляю вам решение: завтра я затребую проект, погляжу его, и если в нем все правильно,— а я в этом почти не сомневаюсь, вон у вас какой мощный ходатай! — кивнул он на Власьева,— тогда даю приказ: приступить к переоборудованию цеха. Но ставлю жесткое условие: производительность цеха за это время не снижать!

— Так мы же это предусмотрели! — снова обиделся Женя.

— Тем лучше для вас! — отрезал Федор Михайлович.— А вот когда вы свою автоматическую линию запустите, тогда мы и посмотрим, как поступить с вашими противниками. Идет?

И Ястребов бодро крикнул и за Шуру и за себя:

— Есть пустить линию!

10. Баклагин и обстоятельства

Баклагин сидел в своем кабинете один и повторял про себя слова великого сказочника Андерсена:

«Но вот сказка была готова, и настала суббота».

С ним только что разговаривал Борис Матвеевич Славин.

Благодушный басок Славина изрекал одни приятные слова.

— А ничего дипломчик получился! — говорил Славин.— Сам просмотрел! Далеко девочка пойдет!

Тут Баклагин с усмешкой добавил про себя: «Если милиция не остановит!» — но вслух только поддакнул: — Да, да, Борис Матвеевич!

— Конечно, надо и Стожарова за помощь поблагодарить! — продолжал Борис Матвеевич.— Вы, кажется, обещали его премировать? Самое, по-моему, время... Тем более, что Аллочка собирается на юг, а он, возможно, захочет ее сопровождать... Путевки я тут обеспечил. Так что дайте ему отпуск, пусть немного развлечется! Да и вам пора переменить место деятельности: начальник отдела новой технологии уходит на пенсию, вот если бы вы согласились! А уж на ваше место я человечка подыщу!

Конечно, Баклагин согласился.

Милости сегодня сыпались дождем. И Баклагин с удовольствием подумал о своей дальновидности. Ну кто, кроме него, мог подозревать, что прибытие Аллы Борисовны на завод станет источником таких милостей!

Он вывел привычный росчерк на приказе о премировании Стожарова, подписал и следующий по нумерации приказ, которым Стожаров увольнялся в очередной отпуск. Передав приказы секретарше для объявления и выполнения, оделся и вышел в управление. Он не любил сентиментальных сцен: Стожаров придет благодарить, надо сказать какие-то напутственные слова,— стоит ли все это легкого телефонного разговора, которым его порадовал сегодня товарищ Славин?

На следующий день Тимофей Павлович с удовольствием услышал, что Стожаров уже уехал. Видно, молодому инженеру тоже не терпелось воспользоваться милостями, сыпавшимися с высокого неба...

Теперь следовало захоронить подальше проект, принесший Баклагину такие надежды. Будет лучше, если возиться с ним станет новый директор...

Баклагин позвонил технологу.

Технолог, обиженный недавним, пусть и недолгим выселением из своего кабинета, ответил мрачным голосом. Баклагин усмехнулся: разговаривая по телефону, он видел технолога словно на экране телевизора. Спутанные волосы, перекошенный рот, опущенное правое плечо. Трубку зажал меж ухом и плечом, а руками все ворошит чертежи на столе. Не умеет человек ни работать, ни отдыхать.

— Принесите мне, пожалуйста, проект Стожарова...— утонченно вежливо сказал Тимофей Павлович.

Он недолюбливал технолога, но в то же время опасался его. Технолог вечно придумывал всякие планы переустройства завода, а, как известно, исполнение таких планов всегда ложится на плечи директора. План переустройства вводится, а план производства не выполняется...

— Какой проект? — недоуменно сказал технолог.— Мы же его еще вчера вечером отправили в совнархоз. Приезжал этот, как его...

Но Баклагин уже не слушал. В его голове молнией пронеслись одна за другой различные комбинации, в результате которых могла возникнуть в совнархозе идея познакомиться с проектом. Стожаров? Но ему сейчас не до проекта. Славин? Избави бог! Этот будет обходить проект молчанием еще года два-три.

Бригада? Руки нет у них в совнархозе. Да и что они могут без Стожарова? Но сколько комбинаций ни обдумывал Тимофей Павлович, ни одна из них, казалось, не подходила к месту.

Технолог замолчал, не слыша голоса Баклагина. Тимофей Павлович спохватился, спросил:

— Как же это вы без меня, а? — и вдруг осекся.

Технолог объяснял:

— Я же говорю, приказ самого председателя совнархоза!

Баклагин, не слушая дальше, положил трубку. Да и что, в сущности, он мог еще услышать?

Но, как говорится, беда за бедой идут чередой... Не успел он еще отдышаться от этого удара, как из совнархоза позвонил Федор Михайлович.

— Тимофей Павлович! — зарокотал в трубке его могучий голос.

«Тебе бы в церковном хоре петь! — неприязненно подумал Баклагин,— а ты тут нормальным людям внутренности выворачиваешь своим басом!»

— Что же ты не хвастаешь своими рационализаторами?

«А чтоб тебе провалиться!» — комментировал про себя Баклагин, выжидая, к чему сведется этот разговор.

— Люди придумали большое дело, а мы узнаем последними!

— Век тебе бы не знать! — пробормотал Баклагин.

— Что? Что? — переспросил Федор Михайлович.— Мне послышалось, что ты что-то сказал. Так вот, мы одобрили предложение Стожарова и решили помочь тебе с внедрением новой техники. А чтобы поднять интерес, направляем к тебе группу студентов. Сам знаешь, требования к высшей школе теперь другие, выпускать станем инженеров, а не новоявленных барчуков. Значит, завтра они появятся, человек, кажется, тридцать. Сами будут и механизмы налаживать, и датчики ставить, и режимы высчитывать. Ассигнования сегодня спускаем. Да пусть авторы проекта примут участие в осуществлении. Мне говорили, что там целая бригада участвовала... Стожаров в цехе или в управлении?

— Ушел в отпуск,— пробормотал наконец подавленный рокотом мощного баса Тимофей Павлович.

— Ах, как жаль, как жаль! — проговорил Федор Михайлович, но Баклагин ясно услышал в голосе усмешку.— Ну, ничего, я думаю, бригада и без него справится... Да я и сам стану навещать вас...

Баклагин долго сидел в полном оцепенении, глядя на умолкнувший телефон. Потом он попытался было позвонить Славину и узнал, что тот уже уехал. Баклагин швырнул трубку, со злостью подумал: «Так тебе и надо! Небось, другой бы еще десять дней билетов ждал, на телефоне два дня висел, чтобы заказать, а тебе их сразу на стол выложили! Сколько угодно? Один? Ах нет, два? Ах нет, три? Значит, для вас, для дочки и для женишка? Пожалуйста!»

Легче от этой яростной вспышки не стало. А тут еще ввалился человек, которого меньше всего желал бы видеть Баклагин. Пришел Власьев.

В кабинете сразу стало тесно. Парторг даже не присел. Стоял над столом, как мраморная глыба, курил и ронял тяжелые, будто из камня высеченные слова:

— Что же мы всегда опаздываем, Тимофей Павлович? Вот только что из совнархоза звонили, проект бригады одобрили, а мы его целый месяц держали да так и отправили! И почему это мы Стожарова в отпуск уволили? Он же понадобится! И никак бригаду не отметили! Вон Стожарову все и приписали, премию огромную выписали, а как же остальные новаторы? Я думаю, надо Коробовой дать ордер на квартиру... Я слышал, Стожаров женится, что ли, у тестя, говорят, пять комнат, вот его ордер и передать... Так завтра начнем

перестройку цеха, благословляй, Тимофей Павлович!

«Очень вам нужно мое благословение!» — думал Тимофей Павлович, но старался улыбаться умильно, чтобы парторг не заметил ничего лишнего. И соглашался с каждым словом, только все ниже пригибался к столу, словно заваленный этими глыбами-словами. Вспомнил на мгновение Стожарова, пожалел его: квартирка-то понадобится, поскольку свадьбы наверняка не будет,— но тут же рассердился: «Ничего, этот устроится!»,— забыв начисто, что сам же научил парня «устраиваться».

Власьев ушел удовлетворенный, а Тимофей Павлович все сидел, сгорбившись над столом, и будущее уже не казалось ему таким милым, каким было еще вчера. Наконец вздохнул, пробормотал: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе...» — и поехал домой.

11. Александр и Шурочка

Александр давно уже заметил, что Аллочка всегда и везде опаздывала. Сначала ему, пожалуй, нравилось томительное нетерпение, с которым он ожидал встречи или совместного выхода куда-нибудь, но постепенно такое ожидание стало изматывать. Как будто явственно проступало пренебрежение, высокомерие, безразличие.

Он попытался жаловаться Борису Матвеевичу.

— А что,— весело хохотнув, сказал Борис Матвеевич,— такая стоит того, чтобы подождать! Помните, у Луговского: «М-м! Как долго моются в ванной!» — И пояснил: — «Волчий вой» называется...

Это странное отношение к дочери, разговор о ней как о посторонней женщине да еще с этаким ерническим подчеркиванием ее прелести тоже возмущали Александра. Но поделать он ничего не мог. Он любил!

Весь месяц они отдыхали втроем. И, странное дело, Аллочка все время настаивала, чтобы отец сопровождал их. Во всяком случае, оставаться с нею наедине удавалось все реже и реже.

Кроме того, у Аллочки оказались сумасшедшие запросы. Александр взял с собой почти всю премию. Взял просто так, чтобы не лежала дома. Он рассчитывал потратить какую-то часть этих денег в путешествии, но бо́льшую собирался приберечь на устройство новой квартиры. Но Аллочка каждый вечер желала зайти в ресторан. И притом вместе с папашей. Танцуя с Аллочкой, Александр был как бы наедине с нею, если не считать восхищенных взглядов, которые бросали на Аллочку разные балбесы от восемнадцати до восьмидесяти лет. Аллочка умела нравиться всем! Ее папаша потягивал коньяк, Александр танцевал с Аллочкой, а под конец напивался и сам, торопясь урвать хоть малую долю того, за что все равно придется платить...

Кончилось тем, что конец путешествия финансировал уже Борис Матвеевич, причем, надо сознаться, без большого удовольствия и уж, во всяком случае, без того шика и блеска, которого требовал от Александра.

Но хуже всего было постоянное ожидание. Ожидание выхода, ожидание милости, ожидание ласки... На последние Аллочка становилась все скупее и скупее.

Теперь Александр порой задумывался, откуда у этой девушки такая безграничная самоуверенность, будто все обязаны ее ждать, будто всем она приносит милость одним своим появлением. И начинал понимать: от семейного культа. В семье был с детства культ Аллочки. Все, что сделает Аллочка, прелестно, пусть это будет хулиганский поступок, разбитое зеркало, оскорбление, нанесенное подруге. Аллочка превыше всего! Государство — это Аллочка! Постепенно Александр проникался все большей яростью к этому культу. Правда, у него еще не хватало иконоборческого рвения, он не мог разбить благословенный образ ударом о придорожный камень, но и поклоняться ему становилось все труднее и труднее.

Но теперь, слава богу, все кончилось.

Он уже выяснил, что Аллочка не собирается стать его женой. И был этим даже доволен. В самом деле, на что бы они жили при ее аппетитах? Нет, Аллочке нужен какой-нибудь делец, не брезгающий запустить руку в государственный карман. На инженерское жалованье, даже при возможности получать такие премии, как та, что выдал Баклагин, она может сшить только одно платье в месяц. А вдруг ей понадобятся два или три? Ведь повезла же она в месячную поездку пятнадцать (!) платьев! Шесть пар обуви! Два пальто! Ну и вези, черт с тобой, но ведь три ее чемодана волочить-то пришлось Александру! И Александр, пыхтя, таскал их от вагона до такси, от гостиницы до санатория и все чаще убеждался, что предыдущие его поездки с Шурочкой на дачу да и их проект о туристском походе были сказкой!

Потом Александр приказывал себе не позволять таких сравнений. Все равно они только испепеляли душу. У него есть Аллочка и никакой Шурочки! Аллочка великолепна, обаятельна, греховна, ветрена, остроумна, нежна... Он нанизывал сравнения, как шашлык на шампур,— Борис Матвеевич научил его искусству жарить шашлык на воздухе,— нанизывал и сам поражался: половина этих определений никак не подходила для жены! А ведь он еще думал об Алле как о будущей жене. Это ведь не он отверг ее, а она заскучала и принялась небрежно отмахиваться от слишком нежных слов.

И слава богу, что все это кончилось. Осталось последнее маленькое одолжение, но от него не сбежишь: Борис Матвеевич все-таки начальник! А Борис Матвеевич сам соизволил сказать:

— Вы уж проводите Аллочку на эту дипломную комиссию, Девочке нужна поддержка!

И Александр понял: он бы и сам пошел, но неудобно. Сочтут за протекцию дочке.

Аллочка всегда опаздывала. Это у нее вошло в систему. Из-за нелепого ее желания посмотреть восход солнца на Ай-Петри они вернулись в Москву в тот самый день, когда рассматривалась ее дипломная работа. А посмотреть на восход она тоже опоздала: проспала в пансионате и вышла после всех, когда солнце было уже высоко над морем. Вот и сейчас, едва ввалившись в квартиру Славиных, в последний раз перетащив три чемодана Аллы да еще и свой в придачу, Александр должен был тянуть ее на дипломную комиссию, а меж тем она спокойно принимала ванну...

Борис Матвеевич, уже переодевшийся в пижаму, бродил из комнаты в комнату, вздыхал, хмыкал, бормотал довольным голосом:

— И дым отечества нам сладок и приятен! Так, кажется, написал Константин Симонов в своей какой-то повести? Вы не помните, Александр Александрович?

— Это немного раньше Симонова написал Грибоедов,— язвительно ответил Александр.

— Да, да, что-то в этом роде я слыхал,— благодушно бормотал толстяк.— А вы пейте кофе, Александр Александрович, и не торопитесь! Ни восход луны, ни выход женщины от человеческого желания не зависят.

— Да ведь Алла опаздывает! — ожесточенно крикнул Александр.

— А вы не беспокойтесь! В конце концов все получается так, как пожелает красивая женщина. А ведь Аллочка красива, не правда ли?

Честное слово, он спрашивал, как торговец! Александру вдруг захотелось надерзить. Он вспомнил портрет тучной, расплывшейся, похожей на квашню женщины, висевший в столовой. «Моя мама!» — довольно небрежно сказала Аллочка, когда Александр первый раз обедал в этом доме. «Покойная жена!» — столь же равнодушно поведал Борис Матвеевич. А ведь отец когда-то говорил Александру: «Задумаешь жениться, посмотри на мамашу своей красавицы и подумай: твоя невеста будет такой же через десять лет». Как же он до сего часа не вспомнил отцовского предупреждения! А ведь Аллочка станет расплывшейся коровой не через десять даже, а через пять лет! И тут никакие ухищрения не помогут. Она же обжора!

Воспитанный с детства в строгости и в бедности, Александр был чуть ли не аскетом. Это из уважения к Борису Матвеевичу и из любви к Аллочке он научился поварскому искусству и принялся жарить шашлыки на свежем воздухе. Но ведь сам-то Борис Матвеевич да и Аллочка возвели еду в культ! Он чуть не брякнул папаше, что его Аллочка в очень недалеком будущем станет рекордсменкой среди москвичек по живому весу и объему, но вовремя удержался. Аллочка как раз вышла из своей комнаты такая стройная, такая свежая и сияющая, что мысль эта самому Александру показалась святотатством.

— Может быть, сначала покушаем? — обратилась она.

Александр терпеть не мог это словечко, и довольно грубо остановил Аллу:

— Комиссия работает до двенадцати. Задерживаться ради тебя она не станет.

— Господи, как скучны эти нотации! — протянула Аллочка, но все-таки пошла собираться.

Когда они уходили, в ванной сопел, фыркал и насвистывал Борис Матвеевич.

— Ни пуха вам ни пера, молодые люди! — напутствовал он их через закрытую дверь.

Его непоколебимое спокойствие воодушевило приунывшего было Александра.

Впрочем, спокойствие Аллочки было еще более твердокаменным. Она-то была уверена, что защитит диплом. Особо отличная отметка ей не требовалась. Это Александр хотел, чтобы дипломная работа была оценена как можно выше. Ведь оценивались не способности Аллочки, а мечтания и труды целой бригады передовиков!

Это странное желание высокой оценки в конце концов рассердило Александра. Вдруг подумалось: скажи комиссия, что диплом плох, он не выдержит и брякнет: «Куда вы смотрите? Это же работа талантливых и знающих людей! Вы проверьте-ка ее на станках токарного цеха! Вот где зарыта собака!».

Аллочка о чем-то болтала с безразличным видом. Ехать на автобусе она не пожелала, а когда Александр запротестовал было, капризно надула губки: «Сам же говорил — опоздаем!» И Александру пришлось отдать за такси последние рубли. Подумалось горько: «А у кого занять?» — и весь мир Аллочки и ее родителей стал куда-то удаляться, становясь все призрачней и прозрачней. Занимать-то придется у своих ребят!

Дверь в зал была закрыта и на их стук лишь чуть приотворилась.

Они еле протиснулись в щель и уселись на

первые попавшиеся места. Дверь тотчас же закрылась, и возле нее замер служитель, чтобы не допускать никакого стука, пока комиссия разбирается в дипломных работах.

Александр оглянулся назад и вдруг замер с открытым ртом. По всему амфитеатру среди студентов замешались ребята из его цеха — токари, фрезеровщики и даже несколько инженеров. На последней скамье он увидел Шурочку. Рядом с нею сидели Женька Ястребов, Петька Корольков и Власьев.

Александр попытался было спрятаться, пригнувшись к скамье, но его ведь видели входящим. Со всех сторон поднимались для приветствия руки, и Александр понимал, что это была насмешка. Только Алла ничего не понимала, хотя какие-то проблески мысли и начали бороздить ее красивый холодный лоб.

— А эта почему здесь? — злым шепотом спросила она, тоже успев разглядеть Шурочку, и Александр подивился: когда Алла успела оглядеться, она и головы не поворачивала!

— Посмотри получше! Тут весь наш цех да и инженеров немало,— глухо прошептал Александр, воровато поглядывая на дверь.

Но дверь была закрыта плотно, и суровый взор служителя был ничуть не мягче взора святого Петра, каким его рисуют у врат рая. На этот раз рай находился снаружи, на улице, а вот ад — здесь.

И в это самое время, как глас судии, прозвучал голос председательствующего:

— Рассматривается дипломный проект студентки Аллы Славиной «Организация поточных линий на приборостроительных заводах». Дипломантка здесь? Выйдите сюда...

Алла встала и, прошипев сквозь зубы: «Подлец! Ловушку мне подстроил!»,— да так прошипев, что три первых ряда слушателей недоуменно обернулись назад, а из трех задних рядов, с которых не только слышали, но и видели ее лицо, понеслись иронические хохотки, пошла к кафедре. Александр смотрел на нее, проглотив этого незаслуженного «подлеца», и все больше дивился. Алла шла как победительница. Не на Голгофу, как представлялось Александру, а к триумфальной арке, за которой ее ждут почтительные сограждане, чтобы увенчать розами и лаврами... И Александр впервые понял, что существуют еще такие люди, для которых позор совсем не позор, а просто временная неудача. И подивился про себя верности старой русской пословицы, которая, казалось бы, давно должна была его предупредить об этом. Ведь слыхал же он о таких: «Плюй в глаза, а он: божья роса»!

— Я отказываюсь защищать диплом! — звонким и небрежным голосом сказала Алла, не всходя на крутые ступени кафедры.— Мотивированное заявление с просьбой об отсрочке я передам в деканат...

Это было так неожиданно, что наступила мгновенная тишина. Алла воспользовалась всеобщим замешательством и направилась к заветной двери. Она, вероятно, успела бы выскользнуть в спасительный коридор, а тут пусть говорят, что хотят, но служитель, как на грех, отбивал атаки запоздавших на этот спектакль и теперь рвавшихся в зал изо всех сил. Нелепое смятение в дверях и погубило ее.

— Не выпускайте ее! — прогремел на весь зал чей-то торжествующий голос.

Аллочке следовало бы знать, что нет более горячих голов, нежели студенческие. Особенно, если встает вопрос о защите справедливости. Подумай она об этом, может, у нее не хватило бы и духу на обман. Но теперь она расплачивалась сполна.

— Расскажи: как ты писала диплом? — резко спросил секретарь комсомольского комитета.

— Как к тебе попал проект заводской бригады? — Это уже староста курса.

А ведь было время, когда он чуть не ползал у ее ног, добиваясь взаимности! Аллочка нервно повела плечом.

Александр оглядел гневно гудящие ряды, Аллочку у дверей в позе обиженной невинности, мрачные лица ребят из своего цеха, поникшую Шурочку... Какой-то страстный крик забился в его горле, но никак не мог вырваться. С кем же будет он, Александр Стожаров? С Аллочкой, которая так и не желает ничего понять и, может, думает, как ей найти материал для нового диплома? Или с теми, чьи светлые мечты он так безжалостно предал? Только примут ли они его обратно? А если и нет? Разве имеет он право молчать?

Он тяжело встал с места, протянул руку к кафедре.

— Прошу слова! Я Стожаров! Это я передал Славиной заводской проект!

Его признание было услышано. Снова установилась тишина. Алла метнула из-под стрельчатых ресниц такой взгляд, что, умей глаза убивать, Александр немедля пал бы мертвым. Но он уже не видел ее. Он стоял, упёрев глаза в пол: поднять их на лица студентов и товарищей он не мог, боялся, что не успеет выговориться.

— Говорите, Стожаров! — произнес председатель.

И Александр, так и не поднимая глаз, начал говорить.

Он не щадил себя. Он рассказал, как убоялся директорского гнева, как предал интересы завода и своей бригады ради Аллочки Славиной, как получил премию, которая, по сути, была взяткой за его трусость.

Когда он, опустошенный, разбитый, уселся на свое место, сидевшие рядом студенты разом отодвинулись. Председательствующий спросил, какие имеются предложения.

Со всех сторон посыпалось:

— Исключить Славину из института!

— Сообщить в совнархоз о поведении ее отца!

— Передать дело Стожарова в заводскую парторганизацию!

— О Баклагине не забудьте!

Алла все стояла у двери, повернувшись спиной к залу. Но когда председательствующий объявил, что требования студентов будут учтены в решении, она вдруг обернулась, бледная, испуганная, закричала:

— А при чем здесь мой отец?

Но ее уже не слушали. Страж порядка распахнул дверь, студенты и рабочие хлынули одним потоком, вытолкнув за двери и Аллу. Только один язвительный голос услышал Александр у выхода:

— Ага, вот когда ее проняло! Испугалась, что отца лишат большой зарплаты...

Он остался один. И с ужасом подумал, что ему еще предстоит ехать к Славиным за чемоданом.

Он не знал, сколько времени просидел так. Его привели в себя чьи-то шаги.

Перед ним стояла Шурочка.

Она была бледна. «Краше в гроб кладут»,— вспомнил он. Высохшие слезы оставили полоски на щеках вдоль носа. Она долго молчала и смотрела на Александра, потом тихо сказала:

— Пошли. Там ребята ждут.

— Куда? — машинально спросил он.

— Ко мне! — Она пожала плечами.— Ребята сказали, позвать. У меня сегодня новоселье,— с тягостной грустью добавила она.— Как раз твою квартиру мне и отдали...— Она говорила это как бы про себя, удивляясь тому, как много всякого дурного и хорошего произошло за такое короткое время.— Вот живу...— И это прозвучало примерно так: «Вот умираю...»

Александр медленно вышел вслед за нею.

У ворот института стоял заводской автобус. Как это Александр не приметил его раньше? Можно было бы избежать всего этого позора! И тут же со злостью подумал: «И хорошо, что не приметил! А что случилось бы? Ну, убежал бы? А дальше! Нет, уж лучше, что все произошло именно так. Как говорится: «Сколько вор ни ворует...» Да разве он вор? И понял: да! Даже не прощеный, а так, помилованный... Освобожденный условно...

В автобусе сидела вся бригада. И — самое тяжкое — с ними сидел Власьев. Правда, он словно бы и не заметил робкого взгляда Александра.

— Ты что же в общежитие не явился? — грубо спросил Петя Корольков.— Мы тебя там ждали...

— Я прямо с поезда...— пробормотал Александр и запнулся.

— А вещи где? — не унимался Корольков.

— И вещи...— убитым голосом ответил Александр.

— Ну, это поправимо! — деловито сказал Корольков.— Я заеду за ними. А койка в общежитии пока за тобой. До общего цехового собрания! — многозначительно добавил он.

Но последнее уже не пугало Александра. Все-таки его как бы брали на поруки. Да, он совершил преступление, предумышленное преступление, за которое всегда судят очень строго, но он вместе со всеми, и члены его бригады, пусть они и очень сурово разговаривают с ним, все-таки надеются, что он еще может исправиться...

Вместе со всеми он поднялся на второй этаж, в ту однокомнатную квартиру, в которой был когда-то вместе с Шурочкой как хозяин. Сейчас он вошел в нее гостем, не особенно желанным, но все-таки званым. Ребята рассаживались у накрытого стола. Власьев включил радиоприемник. Передавали музыку.

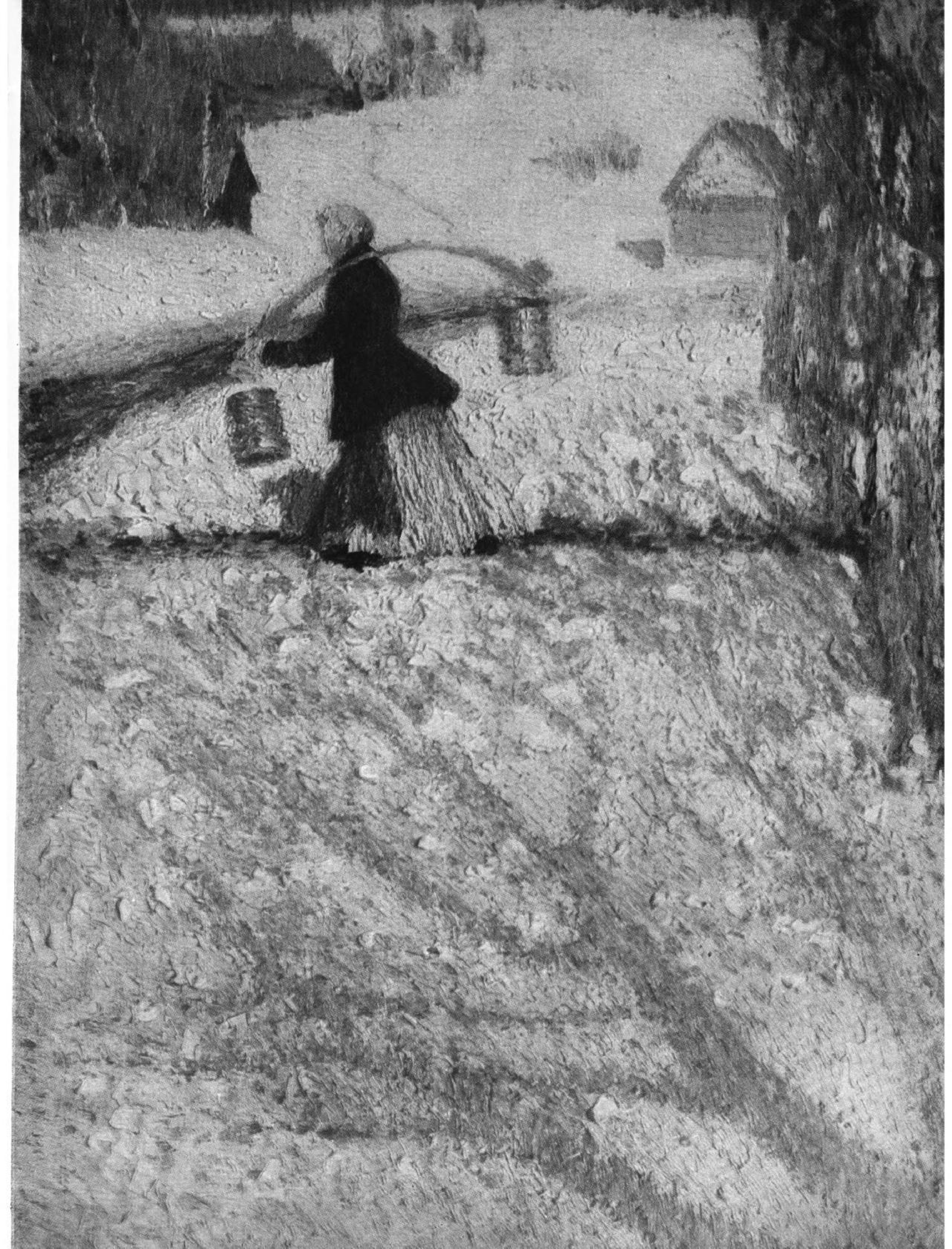
Шурочка стояла у окна, отчужденно следя за тем, как ребята и девушки из бригады хозяйничают за столом. Яша Бережной уже тянулся выпить, а Женя Ястребов поучающим тоном напоминал, к чему это привело Яшу однажды. Наверно, Яша ушел бы с новоселья от обиды за это нравоучение, но Власьев, усмехаясь, напомнил, что был недавно случай, когда и сам Женя выпил, и не что-нибудь, а несколько рюмок коньяку! И пояснил:

— Это было, когда мы заговор против Аллочки устраивали.

Все захохотали, стало как-то свободнее.

Александр подошел к окну. Шурочка сразу отодвинулась, но осталась рядом. Он взглянул вниз. Скверик под окнами зеленел ровной однощветной окраской. Намалеванный им когда-то на дощечке лозунг — вот удивительно! — был на том же месте, только теперь доска была прибита к столбику, а сама надпись подправлена ярким суриком: «Граждане, мы идем к коммунизму! Зачем же топтать цветы!!!» И три восклицательных знака, словно гвозди, вколачивали его в сознание прохожих. Торопливые люди останавливались возле столбика, читали, застенчиво улыбались и осторожно следовали дальше, стараясь не наступать на пышную траву...

И. Грабарь. МАРТОВСКИЙ СНЕГ.

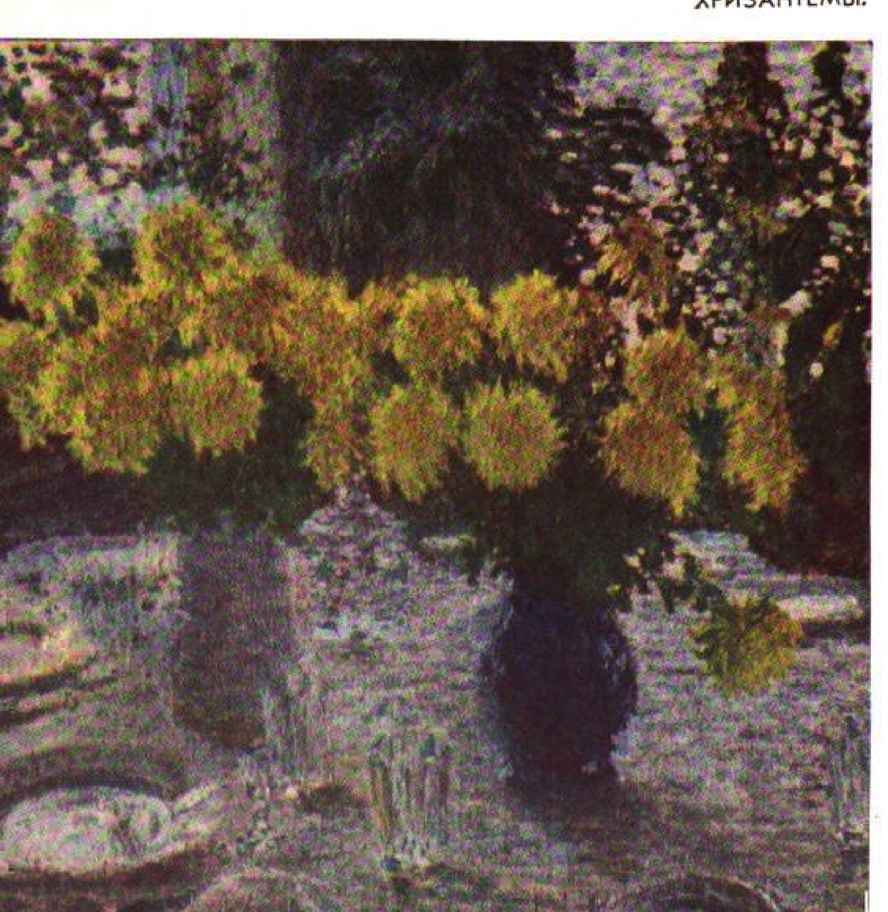

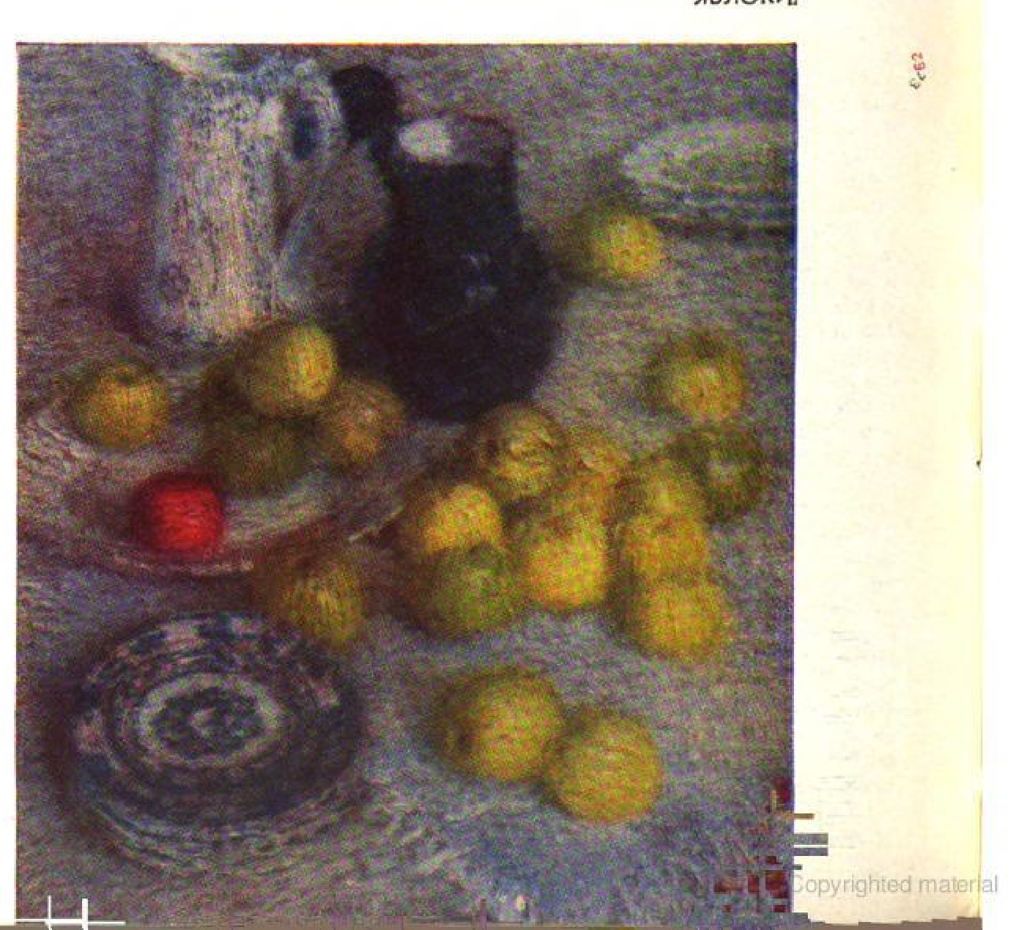
И. Грабарь. СЕНТЯБРЬСКИЙ СНЕГ.

ХРИЗАНТЕМЫ.

ЯБЛОКИ.

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Слатина

Едешь ты всего на десять дней. Послушай же. Побывай в каком-нибудь одном месте подольше и поживи там. Иначе ничего толком не увидишь, а превратишься в обыкновенного туриста, который тотчас же по возвращении на родину начнет услаждать души соотечественников подробным описанием развалин древних замков и церквей, музеев, перечислением разного рода достопримечательностей, увиденных им из автобусного окошка, приведением массы сведений, почерпнутых из туристического справочника-путеводителя...

Такими примерно словами напутствовали меня друзья-товарищи за несколько минут до отхода поезда, который должен увезти меня в Софию.

Я, разумеется, соглашался с товарищами: их советы были логичны. Можно проехать всю страну, благо Болгария невелика размером, и ничего не увидеть. А можно хорошенько приглядеться к какому-нибудь одному кусочку, познать его и в малом увидеть большое.

Рассуждая таким образом, я и не знал, что от благих моих намерений останутся рожки да ножки, едва я ступлю на землю Народной Республики Болгария. Поезд не успел еще пересечь Дунай, а план мой претерпел уже весьма существенные изменения. «Доведется ли мне еще раз побывать в Болгарии?» — спросил я себя, и этого было вполне достаточно, чтобы принять окончательное решение: поездить по стране и увидеть как можно больше. Потом оказалось, что мое решение пришлось по душе гостеприимным моим хозяевам: ими был уже разработан маршрут путешествия, который ежели и претерпел изменения, то очень незначительные. Вот он, этот маршрут: София — Плевен — Габрово — Шипка — Тырново — Коларовград — Варна — Бургас — Созопол — Сливен — Пловдив — София. Про то, что я увидел и услышал во время этого чудного и в высшей степени замечательного путешествия, а также про трех славных болгарских ребят, составивших вместе со мной экипаж автомашины, я расскажу в другой раз. Сейчас же речь пойдет о Слатине, о селении, которое помечено далеко не на всех картах Болгарии и которое было даже немного в стороне от нашего маршрута.

Но прежде всего мне бы хотелось сказать о состоянии, не покидавшем меня ни на одну минуту на протяжении всех этих десяти дней: у меня не было ощущения «заграницы», так знакомого каждому, оказавшемуся за пределами родной земли. Потому ли, что и в Софии и во множестве других болгарских городов и сел то и дело встречаешь русские названия улиц, видишь памятники русским воинам, слышишь славянскую речь; потому ли, что ты всюду встречаем приветливыми взорами, что навстречу тебе отовсюду светятся радостные глаза и малого и старого, что ты окружен трогательной заботой сопровождающих тебя спутников, которые ведут себя так, что начисто исчезает та неуловимая, но всегда ощущаемая грань, разделяющая хозяина и гостя,— как бы там ни было, а я чувствовал себя в самом деле, как дома.

Вот после такого, несколько подзатянувшегося предисловия я могу рассказать вам о Слатине, а точнее, об одном сельскохозяйственном кооперативе, история которого интересна сама по себе, а главное, уж очень поучительна.

* * *

Слатина открылась нам издали, потому что мы спускались с пригорка, а большое селение, похожее на благоустроенный городок, раскинулось внизу, в живописнейшей долине. Первое, что прочли на одном из строений,— это «Г. Димитров»: кооператив носит имя великого болгарского вождя, и, как потом увидим, достойно носит.

Мы могли задержаться в Слатине ненадолго: у нас ведь тоже был протокол, пусть не столь строгий и жесткий, как у государственных деятелей, но все же протокол. Стало быть, у меня не было времени на раздумывания, с чего, с каких, что ли, объектов, с какого конца начать знакомство с кооперативом. Я начал так, как (уверен в этом!) начинают все или почти все журналисты,— то есть с беседы с председателем кооператива и с его помощниками.

Бочо Илиев — я еще в Софии много слышал об этом удивительном человеке — сидит сейчас передо мною и, все более воодушевляясь, рассказывает историю кооператива, рассказывает так, как и может рассказать человек о своем детище,— ведь кооператив создан по его инициативе чуть более двадцати лет тому назад...

— Позвольте,— удивитесь вы,— как же это, двадцать лет? Ведь народной Болгарии немногим больше шестнадцати?

Верно, все верно. Верно и то, что Народной Республике Болгария чуть больше шестнадцати лет. Верно, однако, и то, что слатинскому сельскохозяйственному кооперативу чуть более двадцати. Организовался он в 1940 году, когда в Болгарии были мало сказать капиталистические, а прямо-таки фашистские порядки. И все же нашлись смелые люди, которые взяли крестьянина за руку и почти в полном мраке, медленно, но уверенно повели его к лучшей доле на земле, на той самой земле, которая вволю попила его слез и пота.

Бочо Илиев — один из тех смелых, бесстрашных людей, которыми, к счастью, так богата маленькая Болгария. Сейчас ему 58 лет, «пенсионный возраст», говорит он, а черные глаза сверкают озорно и молодо. Впрочем, сейчас он может говорить о пенсионном возрасте. Вот они сидят рядом, взращенные им орлята, крылья их достаточно крепки, а глаза достаточно зорки, чтобы отправиться в самостоятельный полет, повести за собою артель. Секретарь парткома Вылчо Кунчев и его заместитель, совсем юный с виду паренек Васил Кипиров, в свое время три года проживший в СССР и переживший вместе с нашей молодежью целинную эпопею, улыбаются — похоже, им странно слушать такие речи от своего Бочо: кто-кто, а они-то уж хорошо знают, как молод душою и как неутомим их председатель.

Илиев между тем рассказывает:

— В 1929—1934 годах, если помните, в Болгарии был жесточайший сельскохозяйственный кризис. Крестьяне были на краю гибели. Надо было что-то делать. Мы-то, я и мои товарищи по партии, знали, что нужно было бы делать: перед нами был пример ваших колхозов. Однако в условиях капиталистической Болгарии такое невозможно. Болгарская коммунистическая партия была на нелегальном положении. И все же мы рискнули...

И Бочо Илиев поведал о том, что же это был за риск.

В 1939 году он побывал в Москве, на Сельскохозяйственной выставке. Здесь, в Москве, встретился с одним из славных сынов Болгарии, Василем Коларовым — соратником и другом Георгия Димитрова. Посоветовались. Решили: создать кооператив...

Рассказ председателя был прерван появлением пожилой крестьянки. Энергично размахивая одной рукой, а в другой держа какой-то узелок, она явно жаловалась на каких-то обидчиков. Выяснилось, что в кооперативной хлебопекарне у нее отказались принять муку в обмен на выпеченный хлеб: размол ли не тот, влажность ли не та,— а выпекать хлеб у себя дома крестьянка давно отвыкла. Председатель пообещал уладить все, и женщина ушла.

Беседа наша продолжалась.

Из шестисот дворов в 1940 году в кооператив записались триста. Успех? Разумеется. Но успех этот явно пришелся не по вкусу фашиствующему правительству: Бочо Илиева, как главного организатора, засадили в концлагерь, других активистов тоже вскоре арестовали. Середняки испугались и поспешили выйти из кооператива. Ко времени возвращения Бочо Илиева в село в кооперативе остались 102 семьи с 280 га земли, которая к тому же была разбросана отдельными клочками и не составляла сплошного, удобного для обработки массива.

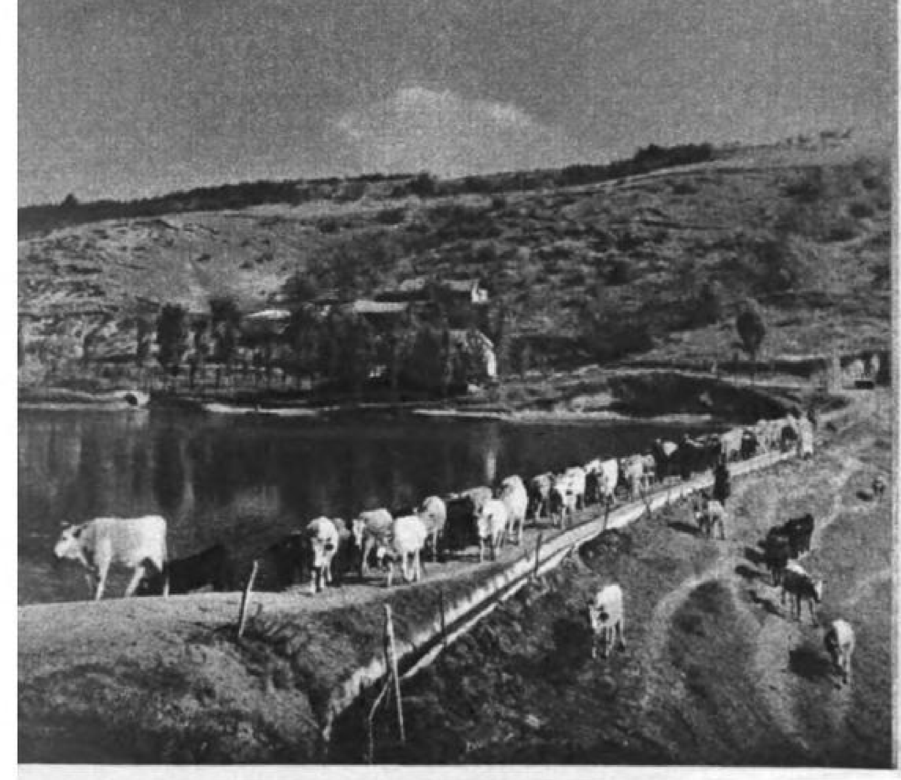
Не дремал сельский староста; на какие только пакости он не пускался, чтобы навредить членам кооператива! Главным, однако, методом его борьбы с ними были штрафы. Штрафовал по всяким поводам, а когда не было никаких поводов, тоже штрафовал. Такой, например, случай: не у всех крестьян Слатины имелись буйволицы — не все, стало быть, могли побаловаться брынзой. Это было в порядке вещей, никого это не удивляло, не волновало. Кооператив же выдавал брынзу всем своим членам: и тем, кто имел буйволиц, и тем, у кого их не было. «Непорядок!» — решил староста, составил акт и оштрафовал кооператив на пятьсот шестьдесят тысяч левов. Чтобы заплатить такую кругленькую сумму, кооперативу пришлось бы продать положительно все, что у него имелось, а это равносильно гибели. А ежели к тому прибавить бешеную агитацию самого старосты и кулаков, которую они вели против кооператива, то можно представить, как нелегко было Бочо Илиеву и его товарищам.

И ныне здравствует в Слатине и аккуратно получает от кооператива пенсию вполне бодрый старичок Хинко Цачев. Нам бы так же, как и ему, как и Бочо Илиеву, не хотелось ворошить прошлое (с кем греха не бывает!), но история есть история, и из нее нельзя выбрасывать ничего сколько-нибудь поучительного, а случай с Хинко Цачевым был очень даже поучительным.

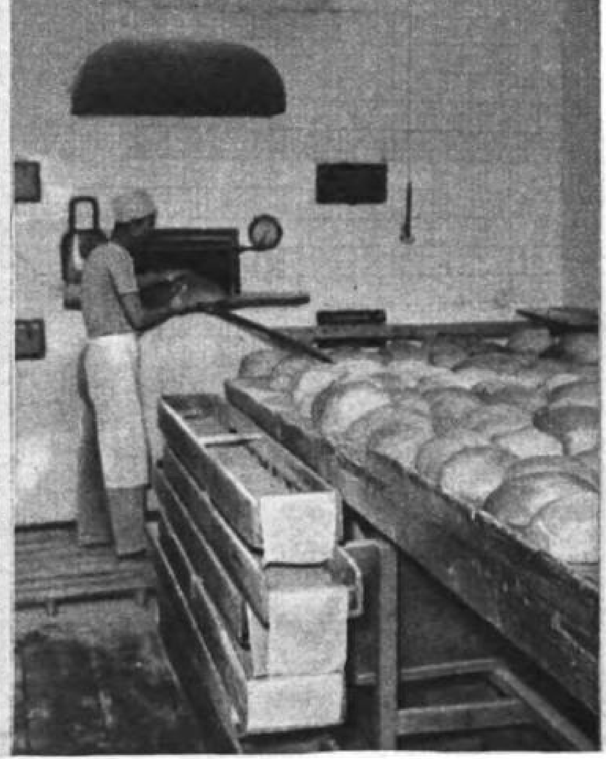
Члены кооператива в отличие от единоличников обильно удобряли свои земли, и потому не удивительно, что однажды на их участках выросла пшеница столь высокая, что буйвола в ней не увидишь, и столь густая, что уж не проползет.

— Это и повезешь ты, Хинко, такую пшеницу на кооперативный ток? — подзуживал староста.

Дрогнуло сердце Хинко Цачева. Тайно скосил пшеницу на своей делянке; староста помог перевезти

Хороши стада в Слатине!

Вовсю работает сельская хлебопекарня.

Председатель кооператива Боч

Васил Кипиров, боевой помощник Бочо Илиева.

Мы кузнецы... Колво Христов (слева) и Божин Христов.

ее во двор Цачева. Возмущенные члены кооператива подали в суд на Хинко и, не выиграв дела, вынуждены были заплатить судебные издержки.

Не хмурь бровей, Хинко, не прячь от людей старые свои глаза: тогда они были слепы, как и у многих твоих односельчан. К тому ж они очень скоро у тебя открылись, и ты увидел, что допустил оплошность, и народ простил тебя.

У кооператива были враги пострашнее.

Вот что писал фашистский министр: «Идите в Слатину. Они там строят колхоз. Куда глядит полиция?»

Прогрессивные журналисты первыми поняли, что слатинскому кооперативу угрожает разгром, и поспешили на помощь. Четверо из них, в том числе Славчо Васев (ныне главный редактор газеты «Литературен фронт»), выехали в Слатину и затем выступили со статьями, в которых взяли Бочо Илиева и его кооператив под решительную защиту. Однако тогдашние власти не удовлетворились этим и создали комиссию, которая должна была показать, что слатинский кооператив есть не что иное, как искусно прикрытая форма колхоза, и потому подлежит полной ликвидации.

Но это уже было осенью 1943 года. Советская Армия неудержимо двигалась на запад: это несколько охлаждало пыл выехавшей в Слатину комиссии, и она, комиссия, была не столь ревностна, как бы хотелось продажному правительству. Крестьяне, члены кооператива, в свою очередь, недвусмысленно заявили, обратившись к председателю комиссии:

— Не мешайте нам, не подписывайте себе смертного приговора.

Услышав такое, один из наиболее активных членов комиссии, доктор Кондов, немедленно притворился больным. Другие воспользовались этим обстоятельством и отказались подписать акт: надо, мол, чтоб комиссия присутствовала в полном составе. Так и откладывали под разными предлогами. После же 9 сентября 1944 года комиссия собралась, наконец, в полном составе и единодушно заключила: слатинский сельскохозяйственный кооператив существует на законном основании.

— Впрочем,— говорит с лукавой усмешкой Бочо Илиев,— к тому времени мы едва ли нуждались в столь «авторитетном» заключении столь «авторитетной» комиссии.

* * *

После 9 сентября 1944 года кооператив имени Георгия Димитрова стал развиваться настолько бурно и стремительно, что это удивило не только колебавшихся некогда середняков, но даже самих его руководителей, которые не сомневались в правильности избранного ими пути и в самые черные дни для их кооператива.

Сейчас мы предоставим слово цифрам, которые обладают счастливым даром рассказывать о важнейших делах и явлениях коротко, весомо, с неотразимой убедительностью.

Сразу же, как только в Болгарии установилась народная власть, почти все крестьяне Слатины записались в кооператив: из 600 семей лишь 54 остались единоличными. С этого момента кооператив стал развиваться как хозяйство многоотраслевое.

Основная отрасль — это зерновые, из них 34 процента земли отводится под посев пшеницы, 51 процент—под посев кормовых, 12 процентов — технических и овощей. В кооперативе много садов — яблонь, груш, слив, абрикосов, персиков, хотя под эти садовые культуры (о виноградниках речь будет идти особо) кооператив не отводит ни одного вершка числящихся за ним земельных угодий. «Как же так?» — спросите вы. А очень просто: яблони, груши, сливы и прочие фруктовые деревья слатиновцы сажают по обочинам дорог, проходящих по территории кооператива. И красиво и прибыльно!

Вторая по значимости отрасль — животноводство. В кооперативе 1 350 голов крупного рогатого скота, в том числе 400 дойных коров и 150 буйволиц, молоко которых очень хорошо для приготовления брынзы — этого любимого лакомства болгар; 4 250 овец, 2 450 свиней, 65 тысяч кур и уток, из кур 10 тысяч несушек, которые не зря клюют кооперативное зерно: 130 штук яиц «выдает нагора́» каждая несушка; в искусственном пруду размером в 3 миллиона кубических метров жируют карпы — от них тоже немалый доходец.

Далее, виноградарство. Виноградниками покрыты холмы, искусственными террасами сбегающие вниз (эти знаменитые болгарские террасы дали возможность резко увеличить площади под виноградники).

В кооперативе 30 подсобных предприятий: мельница, фуражный комбинат (слатиновцы так и говорят: комбинат), пекарня, под одною с нею крышей и одной печью отапливаемая баня (опять экономно!), парикмахерская, мебельная мастерская, кузница, плодоовощесушилка, ателье мужского и женского платья...

Такое многоотраслевое хозяйство обеспечивает большую занятость людей на работе в течение всего года, а значит, и устойчивый доход.

Два года тому назад кооператив укрупнился, слатиновцы взяли под свое крыло жителей села Умаровцы. Нельзя сказать, что сделали они это с большой охотой. Первое время ворчали на Бочо Илиева:

— Наш председатель смотрел на приданое, но не глядел на невесту.

Дело в том, что овощное хозяйство Слатины испытывало острую нужду в воде, которая была в избытке у умаровцев. Умаровцы же, усердствуя на своих приусадебных участках, не шибко радели об общественном добре: рынок поглощал большую толику их забот. И вот такую-то «невесту» Бочо Илиев решил ввести в свой хорошо сколоченный, населенный трудолюбивыми людьми дом. Нелегко было с этим примириться. Однако ж примирились.

А вот как росли доходы кооператива:

1955 год — 139 тысяч левов; 1957-й —309 тысяч; 1958-й—798 тысяч; 1959-й—36 миллионов левов; 1960-й — 43 миллиона 600 тысяч левов.

После всего этого уже нетрудно представить себе, как быстро рос достаток каждой крестьянской семьи.

А вот еще цифры.

иев (справа) вышел в поле.

Молодое поколение.

Щедрые плоды болгарской земли.

После 9 сентября (эти слова болгары произносят с той же интонацией и той же значимостью, что и мы произносим: «После Октября у нас случилось то-то и то-то») в Слатине построено 420 новых домов, село полностью электрифицировано и радиофицировано. До 9 сентября в селе было лишь 7 человек со средним образованием, сейчас — 240 со средним и высшим образованием.

Старый Хинко Цачев, что ты теперь скажешь?

* * *

Полдня мы провели по большей части на улице, ходили и любовались всем, что сделано умными и заботливыми руками людей, наконец после многих веков невыразимых страданий нашедших лучшую долю в совместном коллективном труде на земле своих отцов. Нас сопровождал вначале сам Бочо Илиев, а затем его боевые помощники — Вылчо Кунчев и Васил Кипиров; последний почему-то все время старался обратить наше внимание на лозунги, которые были развешаны и расклеены по всему селу. Самый большой и красочный гласит: «Дружба с СССР вечна и нерушима, как горы нашей дорогой Отчизны».

Заходим в летний парк — в январе выглядит он не столь уж пышно: деревья голые, фонтаны замолкли. А летом — летом тут очень красиво! Парк этот родился за одну ночь, да, да, за одну ночь. Совсем еще недавно тут был пустырь, мутный ручеек лениво катился с горы, по берегам его паслись козы. Но старикам почему-то жалко было распроститься с этим местом. Молодежь решила поставить их перед совершившимся фактом: в одну ночь вся местность была расчищена, привезены были саженцы, а к утру вот он, парк. Пускай деревца его еще слабы, пускай пройдет несколько лет, и они забушуют. Сейчас в нем летний кинотеатр на 800 мест, люди смотрят кино, отдыхают; с удовольствием приходят сюда и старики, даже, пожалуй, чаще, чем кто-либо другой: у пенсионеров больше свободного времени.

Направляемся к сельской больнице: в ней оказались 8 коек для больных, родильное отделение на 8 мест; женская и детская консультация, зубоврачебный кабинет. По пути заглянули в кузницу, в ней трудились ковали — истинные богатыри Колво Христов и Божин Христов (так и забыл спросить, не братья ли они). Как раз напротив кузницы лозунг: «Надо работать не только руками, но и умом и сердцем!».

Вняли ли ковали этому страстному призыву, но только трудились они в полном соответствии с лозунгом. Васил Кипиров довольно улыбается; я уже давно подозревал, что он-то и является автором многочисленных воззваний, расклеенных по селу, а чуть позже он признался в этом сам. Еще при въезде в селение я обратил внимание на строжайшее предупреждение, красовавшееся на телеграфном столбе: «Алкоголизм — враг человеческого здоровья».

И тоже: помогло ли это внушение или еще что, но только пьяных в селе мы не видели.

Впрочем, когда наступило время обеда и мы зашли в маленькую столовую, никто нас не потчевал напитками далеко не безалкогольными с такой настойчивостью, как Васил Кипиров. А когда мы, слабо сопротивляясь, пытались сослаться на его грозный лозунг, Васил резонно заметил:

— Гостей это не касается.

* * *

После обеда, перед тем, как попрощаться с нашими хозяевами, мы заглянули в клуб и тут увидели портреты тех, кто составляет гордость села, его славу, опору: Стоян Цаков — Герой Социалистического Труда, дояр; Неделя Почева — звеньевая; Васил Иванов — дояр; Здравко Василев — дояр; Роса Василева — доярка; Илия Вырбанов — дояр; Тотка Пенева — телятница; Васил Митев — дояр; Марийка Василева — свинарка, лауреат Димитровской премии; ее муж Васил Почев — заведующий свинофермой; Цона Атанасова — свинарка; Светослав Семенов — заведующий молочнотоварной фермой; Четко Бочек — телятник; Бонка Жилякова — свинарка, жена председателя сельсовета; Цвята Сыданова — свинарка; Георгий Цанков — конюх; Иванка Павлева — звеньевая; Петр Златонов — животновод; Христо Найденов — чабан...

Болгарские товарищи очень просили меня назвать эти имена. И я делаю это с большим удовольствием: пусть читатели «Огонька» узнают имена своих далеких и близких друзей; скромные, они делают одно общее наше дело: куют счастье для людей на земле.

* * *

Слатина...

Теплою волною охватывает сердце, когда я думаю о тебе. Очень хорошо видеть, как то большое и дорогое стало дорогим и для других, далеких и недавно еще незнакомых людей.

Фото из архива сельскохозяйственного кооператива и Н. Штерева.

Широко раскинулась Слатина...

Услуги стар

Безобидная на вид пенсионерка Ольга Эвалдсон — доверенное лицо и главный агент «старого Аберса».

Г. ГУРКОВ, В. БОРИСОВ

Фото Рижской киностудии.

1. НЕЙЛОНОВОЕ БОЛОТО

Эту седую, благообразную старушку хорошо знали в комиссионных магазинах Риги. Мелкими, крадущимися шажками она проходила к столу приемщика и раскрывала чемодан. Пока заполнялись квитанции, она выжидающе смотрела на работника магазина бесцветными глазами, спрятанными за стекла очков.

«Принято от Эвалдсон Ольги Яновны...» — записывал приемщик. Далее следовал длинный список отрезов тканей с клеймом зарубежных фирм, пестрых техасских рубашек, ультрамодных туфель, нейлоновых чулок и косынок.

Старушка, аккуратно уложив в сумочку квитанции, выходила на улицу, где ее поджидала собственная «Волга», и ехала до следующего комиссионного магазина.

Регулярные визиты Ольги Яновны не могли не привлечь внимания. И когда следственные органы заинтересовались ими, то без особого труда было установлено: за десять месяцев минувшего года пенсионерка Эвалдсон сдала в комиссионные магазины Риги товаров на сумму около четырехсот тысяч рублей (в старых деньгах). Выяснилось также, что Эвалдсон работала не одна. Вместе с ней коммерческими операциями занимались ее дочь Айна Струмпманис и еще несколько человек.

Но откуда Эвалдсон и ее компаньоны достали, например, почти полторы тысячи метров тканей иностранного производства или около пятисот нейлоновых косынок? Откуда?

Рижская таможня дала следующую справку. За последние месяцы в адрес Эвалдсон, Струмпманис и прочих участников этой группы пришли 163 объемистых посылки из Англии, США, Швеции и других стран. Любопытно, что на некоторых посылках стояли такие данные: получатель — Ольга Эвалдсон, Рига. Отправитель — Айна Струмпманис, США. Или наоборот: получатель Айна Струмпманис, Рига. Отправитель — Ольга Эвалдсон, США.

В качестве отправителей фигурировали и явно вымышленные фигуры, начиная от Екума Янсиса, персонажа латышского фольклора, напоминающего русского Петрушку, и кончая совсем уж мистическими личностями, носившими имена вроде «Пусзаглис» — «полувор» или «Некауня» — бесстыдник.

Все посылки, полученные Эвалдсон, относились к категории «подарочных», то есть таких, о которых статья 15 Правил таможенного досмотра и пропуска международных почтовых отправлений говорит, что они «предназначены для личных потребностей адресата». То, чем занималась Эвалдсон, называется в юридической практике коротко и просто: контрабанда [1].

Прокуратура Латвийской ССР возбудила против Эвалдсон О. Я., проживающей в городе Риге, улица Фридриха Энгельса, дом № 71, дело по обвинению ее в нарушении закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

2. КТО ПРИСЫЛАЛ ПОСЫЛКИ!

Ведение дела № 64 СЛ было поручено следователю по особо важным делам при прокуроре Латвийской ССР Леониду Михайловичу Вульфсону — одному из лучших криминалистов республики, юристу высокой квалификации, энтузиасту своей профессии.

По требованию следователя на переписку Эвалдсон был наложен арест.

А посылки продолжали сыпаться как из рога изобилия. За короткий срок на Рижской таможне было задержано 38 аккуратно упакованных картонных коробок, заполненных товарами прежнего ассортимента.

Скажем прямо, следователю пришлось немало потрудиться: на имя Эвалдсон приходили десятки писем. Почерк был везде одинаков, а подписи разные. По содержанию было ясно, что их присылал тот же, кто направлял посылки.

Но кто именно?

Одна из подписей насторожила следователя. «Ваш старый Церпа»,— стояло в конце письма.

Вульфсон, хорошо знающий Латвию, вспомнил, что именно так назывался один из хуторов бывшего Талсинского уезда. Этот хутор принадлежал некоему Альфреду Аберсу — кулаку, владевшему ста гектарами земли, имевшему пятнадцать лошадей и двадцать коров. У Аберса работали три семьи батраков, кроме того, кухарка и конюх.

Он был жесток и вспыльчив, этот Альфред Аберс. Нередко он бил своих батраков, угрожал им пистолетом, с которым был неразлучен. Во времена гитлеровской оккупации Аберс отправил обоих сыновей в легион СС, а сам вошел в состав так называемой «группы Ц», которая занималась тем, что выдавала нацистам честных латышских патриотов. В 1944 году Аберс, чтобы избежать справедливого возмездия, бежал в Германию. Затем следы его затерялись. Неужели это был он?

Леонид Михайлович Вульфсон перерыл груду писем. Наконец на одном из конвертов он нашел обратный адрес: Альфред Аберс, 716 Саус Шеридан Авеню, Такома 5, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки.

Возникал законный вопрос: с какой целью Альфред Аберс решил заняться отправкой вещевых посылок в Ригу?

3. ИЗЮМ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

В 1958 году в несколько адресов жителей бывшего Талсинского уезда, а ныне Талсинского района, поступили загадочные посылки. В них были небольшие пакетики с изюмом и сахаром. На коробках стоял обратный адрес — американская фирма, о которой получатели не имели ни малейшего представления.

Спустя некоторое время за посылками последовали письма.

Писал Альфред Аберс.

Весьма склонный к эпистолярным упражнениям, бывший кулак предавался в этих письмах лирическим воспоминаниям о том, как он гонялся за своими батрачками по полям хутора Церпас, как хорошо жилось в «старые добрые времена», пускал слезу по поводу разлуки с «нашей Латвией».

А после всех сентиментальных словоизлияний следовало деловое предложение. Он, Аберс, предлагал и впредь высылать посылки, но уже не с изюмом, а с нейлоном. От получателя требовалось немногое: он должен был переправить посылку в адрес Эвалдсон и получить за это определенную мзду.

Многие честные люди, поняв, что дело, вероятно, идет о какой-нибудь махинации, отказывались. Но нашлись и такие, кто польстился на легкий заработок: бывшая кулачка Лина Гросвалдс, которая в буржуазной Латвии была командиром женского батальона айзсаргов, пьяница и бездельник Фрицис Суниньш, вернувшийся из заключения Петерс Цауне и некоторые другие стали агентами Аберса.

И закрутилась карусель. Из-за границы шли посылки, их переправляли Эвалдсон, а та занималась реализацией, после чего рассылала по многим адресам денежные переводы на различные суммы.

Нет, это не было благотворительностью.

Как показало следствие, это была грязная спекуляция, спекуляция на чувствах людей, оторван-

Пестрые тряпки — содержимое заокеанских посылок.

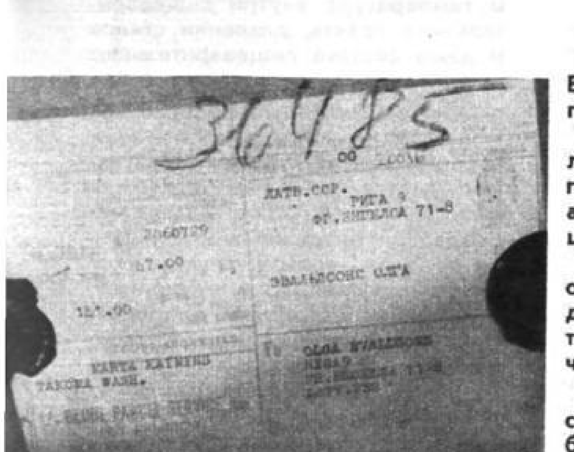

[1] В статье 164, пункт В, Таможенного кодекса Союза ССР контрабандой признается, в частности, «сбыт на сторону за плату без установленного на то разрешения грузов, ввезенных из-за границы без пошлины, а также ввезенных с уплатой пошлины, но без права сбыта».

ого Аберса

Рута Цауне, одна из участниц компании спекулянтов и контрабандистов, прячет лицо от объектива. Сегодня ей, видите ли, стыдно...

Одна из посылок Аберса. В качестве отправителя указано вымышленное лицо — Марта Кайминьш. В левом верхнем углу — предупреждение: «Не для коммерческих целей».

ных от родины, заброшенных судьбой за океан.

4. У МЕНЯ НЕТ НЕДОВОЛЬНЫХ КЛИЕНТОВ

Некоторое время назад в эмигрантских листках, выходящих на латышском языке в США и Канаде, появились объявления следующего содержания:

«Услуги старого Аберса.

Переправляю деньги на родину.

Никакой платы за пересылку, если пересылаемая сумма превышает пятьдесят долларов.

Гарантированные банковские чеки или почтовые переводы направляйте на мое имя.

У меня нет недовольных клиентов и не будет таких».

Появление подобного рода объявлений не было случайностью. Газеты «Лайкс» и «Латвия», опубликовавшие их, специализируются на злобной антисоветской клевете. Из номера в номер они твердят читателям, что Советская Прибалтика — это «край голода и нищеты», что все там, как манны небесной, ждут помощи от близких и знакомых, живущих в эмиграции.

Люди, обманутые фальшивой пропагандой, и стали жертвами Аберса.

Жулик действовал по четко разработанной схеме. Он получал доллары, клал добрую половину в карман, на остальное покупал вещи и отправлял их Ольге Эвалдсон и другим своим агентам в Ригу.

Те, в свою очередь, грели руки на посылках. Ну, а остатки — в форме денежных переводов — доставались родственникам и знакомым отправителей.

Клиентами Аберса нередко были люди, жестоко бедствующие. Но, наслушавшись ужасов о жизни своих близких, они урывали от более чем скромного бюджета какие-то суммы и отдавали их в руки старого мошенника.

В переписке Ольги Эвалдсон есть письмо, присланное из города Виллимантик, штат Коннектикут. Его отправил брат Эвалдсон — Вольдемар Бишентроп. Приводим полный текст:

«Дорогая сестра Оленька! Получил твое письмо и альбом «Рига». Большое спасибо. Показывал альбом всем знакомым американцам. Они были в восторге.

Послал тебе одну посылку с одеждой — подарок ко дню рождения. Но ты мне не ответила, хотя уже прошло полгода. Не случилось ли с вами чего?

Мне в последнее время живется неважно. Летом начал сильно болеть сустав плеча. В августе были такие боли, что однажды еле смог закончить ночную смену и продержаться до шести утра. Через день хожу к врачу, плачу ему большие деньги: шесть — восемь долларов за визит. Однако какого-либо облегчения пока нет. Помощь от страхового общества я получаю мизерную. Мог бы в этом году уйти на пенсию — ведь мне уже шестьдесят пять лет, — но придется еще работать, так как пенсии здесь маленькие, прожить на них трудно, да и надо, кроме того, помогать вам лекарствами или чем-нибудь иным.

Весь этот месяц чувствую себя подавленным. Одиночество не дает покоя, часто думаю, хоть бы скорее наступила смерть.

Но врач говорит, что сердце еще держится. Что ж, буду работать, пока не умру.

Твой брат Вольдемар».

В это время Ольга Эвалдсон получала от государства пенсию в размере 800 рублей (старыми деньгами) в месяц, а Айна Струмпманис разъезжала по кавказским курортам...

* * *

Лавочка «старого Аберса» разгромлена. Его подручные пойманы с поличным и предстанут перед судом.

Но каким судом судить заправил латышской буржуазной эмиграции, которые клеветой и ложью создали почву для мерзкого бизнеса талсинского кулака?

КОГДА ПОДВЕДЕНА ЧЕРТА...

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В цюрихской газете «Спорт» я увидел такую рекламу: на фоне стадионных секундомеров фирмы «Лонжин» два хоккеиста скрещивают клюшки, а под рекламой можно было прочесть следующие строки: «Этот умный часовой механизм дает точное время игры, автоматически регистрирует штрафные минуты и ведет счет забитым голам. «Лонжин» дает вам полнейшую уверенность в безотказной работе ваших часов. Покупайте изделия всемирно известной фирмы «Лонжин». Хоккей для «торговцев временем» — лишь отличный рекламный трюк. Над хоккейным полем рекламируют свои изделия «Лонжин» и другие часовые фирмы. «Ролекс» использовал с этой целью подаренный журналистам нарядный блокнот, на каждом листке которого на всевозможных языках, в том числе и на русском, напоминалось о том, что «большинство тех, кто вершит судьбами мира, носит часы «Ролекс».

А теперь представим себе следующую картину: в один невероятный день и часы «Ролекс», ведущие спор с часами «Омега» и «Лонжин», и часы множества других, менее известных фирм вдруг утратили свою точность, свою безошибочность и стали тикать как бог на душу положит, показывая самое разное время. Какую бы это вызвало растерянность во всей стране! Вот примерно такой была реакция многочисленных газет, когда поздно вечером 7 марта стрелки стадионного хронометра «Лонжин» сошлись на верхней точке циферблата и пронзительная сирена, напоминавшая сигнал воздушной тревоги, возвестила об окончании матча СССР — Чехословакия. Можно сказать с полнейшей уверенностью, что не было ни одного человека, который мог бы предвидеть исход этого поистине трагического матча. Сами чехи с присущим им чистосердечием перед началом чемпионата заявили, что будут довольны третьим местом. Все обозреватели и тренеры говорили о том, что решающим матчем чемпионата будет матч СССР — Канада. И вдруг хорошо налаженный механизм газетных прогнозов испортился.

Что же произошло в тот вечер на женевском льду? Мы надеялись на то, что наша команда готова к испытаниям на всех спортивных скоростях. Но оказалось иначе. На скорости, превышающей «100 километров в час», в ней стали сказываться дефекты, которые и привели к печальному исходу. А чехи, вопреки всем ожиданиям, проявили в этом решающем матче поистине коллективное вдохновение, играя так четко, самоотверженно, напряженно, что все попытки советских хоккеистов переменить ход борьбы, овладеть положением оказались несостоятельными.

Интересно то, что газеты, вышедшие на следующий день после нашего поражения, в один голос продолжали утверждать, что советская команда должна была выйти победителем из борьбы. Но механизм прогнозов продолжает врать. Несмотря на победу чешских хоккеистов над командой СССР, все журналисты были убеждены, что чехословаки проиграют канадцам. Но чехословацкие спортсмены, ставшие героями в Швейцарии и «переманившие» на свою сторону весь стадион, продолжали удивлять спортивный мир. В борьбе с канадцами они первыми открыли счет и всего лишь один раз дали возможность канадцам точно пробить по своим воротам. Когда матч был закончен со счетом 1 : 1, чехословацкие хоккеисты обнимались посреди поля, поздравляя друг друга. Еще бы! Для них эта ничья как бы равносильна победе.

* * *

Последний день чемпионата — воскресенье 12 марта — подвел черту под декадой темпераментных схваток на льду. Чемпионами мира стали канадцы. Подлинный триумф выпал на долю хоккеистов Чехословакии. Вопреки всем прогнозам они набрали столько же очков, сколько и команда Канады, — 13. Лишь из-за худшего соотношения забитых и пропущенных голов они остались на втором месте, одновременно завоевав звание чемпионов Европы. Игру сборной Чехословакии отличала гибкая тактика, четкость в атаках и самоотверженность в обороне. Это принесло нашим друзьям заслуженный успех.

Сборная команда СССР выступала неровно. Проиграв чехословацким и канадским хоккеистам, советские спортсмены набрали 10 очков и — опять-таки вопреки всем прогнозам! — вынуждены довольствоваться лишь бронзовыми медалями. Скажем прямо: не таких результатов ожидали от них наши любители хоккея! Будем надеяться, что урок, преподанный игроками Чехословакии в Швейцарии, пойдет на пользу тренерам и игрокам советской сборной...

Женева. По телефону.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕПОРТЕРЫ

Е. САПАРИНА

Много вопросов нужно выяснить, прежде чем первый человек отправится в невиданное путешествие. Даже солнечное тепло, благодаря которому и возможна на Земле сама жизнь, может обернуться в космосе врагом человека. Он должен остерегаться не только Солнца, но и таких ничтожных источников тепла, как приборы, в которых могут нагреваться лампы, и даже самого себя. Наш организм — это тоже печка: большую часть энергии, что мы получаем с пищей, мы безрассудно тратим на обогревание окружающего воздуха. Взрослый мужчина, даже не производя никакой работы, выделяет столько же тепла, сколько 50-ваттная электрическая лампочка.

Собака Чернушка, совершившая путешествие на четвертом корабле-спутнике.

Космических путешественников от большинства неприятностей убережет герметическая, специально оборудованная кабина. Но и когда космические условия создаются на Земле, тоже приходится прибегать к особым изолированным камерам.

Помещенное в барокамеру животное сразу оказывается наглухо отделенным от исследователя. За исследователя смотрят, меряют, контролируют точные электронные приборы. Они вертятся вместе с подопытными животными на центрифуге, погружаются в соленую воду, взлетают с креслом-катапультой, выдерживают резкие переходы от тепла к холоду, считают радиоактивные частицы, не обращая внимания на недостаток кислорода и низкое давление воздуха.

Когда космический полет совершается в лаборатории, такие приборы просто прикрепляют к подопытному животному и проводами соединяют с приемной аппаратурой. Но как передаются по ним сведения о температуре или давлении крови? Ведь по проводам течет электрический ток, а измеряются совсем неэлектрические процессы. Как узнать, на сколько делений поднялась в термометре ртуть или сколько ударов насчитал счетчик пульса?

Например, откуда мы узнали, как чувствовала себя в полете Чернушка? Ведь подопытное животное находилось за тысячи километров от исследователя, и их не связывало ничего, кроме незримых радиоволн. И все же от ученых не укрылись малейшие перемены в поведении собаки.

Переведем язык сердца

Небольшой пакетик из папиросной бумаги с двумя тончайшими медными усиками свободно умещается на ладони. Если посмотреть на свет, видно, что от усиков внутрь бумажного пакетика тянется тончайшая — толщиной в сотые доли миллиметра — проволочка, уложенная спиралькой. Вот и все устройство. Называется оно датчиком.

Свойство обыкновенной проволоки, по которой пропущен ток, менять электрическое сопротивление при растяжении или сжатии инженерам известно давно. «Электронные репортеры» — незаменимые их помощники во всех случаях, когда надо перевести на язык электричества таинственные процессы, происходящие в самом сердце машины. Наклеенные на детали станка или турбины датчики претерпевают все превратности судьбы, которые выпадают на их долю. Изгибается лопасть турбины — и тотчас послушно растягивается проволочная спиралька. И, значит, меняется величина тока в той цепи, куда включен приборчик.

«А нельзя ли работу живого мотора — сердца и живых рычагов — конечностей изучать с помощью таких же датчиков?» — задумались физиологи. Датчики были наклеены к разным местам тела. Так удалось превратить в электрические сигналы ритмические сокращения сердца, дыхательные движения грудной клетки, невидимые на глаз колебания мышечных волокон.

Этот миниатюрный приборчик можно прикрепить и непосредственно к сердцу. Удивительные опыты были проделаны на животных: собаки с датчиками, пришитыми к сердцу, нормально ели, спали, двигались. И если бы не тонкие провода, связывающие их с зеленоватым экраном, на котором непрерывным ручейком струились световые зигзаги, никто бы и не догадался, что все это время идет волнующий репортаж из святая святых организма.

Переводить на язык электричества разнообразные физиологические процессы может не только кусочек особой проволоки. Его роль с успехом выполняют, например, угольные зерна или порошок; при сдавливании электрическое сопротивление их также меняется.

Можно взять и просто тонкую резиновую трубку и заполнить ее ртутью. По краям же воткнуть проволочки и по ним подвести ток. Если теперь один конец резиновой трубочки прикрепить, например, к изъятому из тела животного сердцу, а другой закрепить неподвижно, то при каждом его движении трубка будет растягиваться, а заполняющий ее столбик жидкости — удлиняться. И, стало быть, изменится электроток, текущий по ртути.

Из эластичной резины делают браслет, надевают его на лапу животного и считают удары пульса.

Датчиком служат также кварц, сегнетова соль, фосфат аммония и другие кристаллы, где в ответ на механическое сжатие возникает свой электроток. Причем происходит все почти мгновенно. Но в этом и большой недостаток: быстрое сокращение мышцы или биение пульса они успевают заметить, медленные же процессы, которые длятся минуты или даже секунды, уловить не могут, так как за это время заряд с кристалла утечет.

Обычный электромагнит, и тот используется физиологами для исследования организма. Якорек укрепляют, например, на груди. Изменения грудной клетки при дыхании, переданные через него железному сердечнику, превращаются в колебания электротока.

Спиралька проволочного датчика, приклеенного к телу, растягиваясь, становится тоньше на доли микрона. Какой глаз уловит эту разницу? А электрический ток легко подмечает такое изменение.

Ни в какой микроскоп не увидеть, как растет трава. Прикрепив же к ее листу пластинку-электрод, а другую закрепив неподвижно, так что получился крохотный конденсатор, удалось по изменениям его электрической емкости измерить, насколько подросло растение за пятнадцать минут. А ведь прибавка в росте составляла всего стомиллионную долю миллиметра.

Радиопередача из организма

В тридцатых годах наш соотечественник А. А. Ющенко пытался построить передатчик, который можно было бы укрепить прямо на собаке и по радио регистрировать ее условные рефлексы. Нас отделяют от него какие-нибудь два-три десятка лет. Но передатчики в ту пору весили не один килограмм. Попробуй поносить на себе такое устройство!

А сейчас нас не удивляет, когда идет разговор о радиопередаче из желудка.

Проглоченная больным радиопилюля в течение нескольких часов движется по желудку и кишечнику и непрерывно радирует о температуре внутри пищеварительного тракта, давлении стенок и даже составе пищеварительных соков.

Один из зарубежных ученых, зимовавший на антарктическом материке, заинтересовался недавно, как удается пингвинам предохранить яйца от 60—70-градусных морозов. Он разрезал яйцо пингвина пополам, вложил внутрь крошечный термометр с передатчиком и вновь склеил обе половины. Не подозревающий подвоха пингвин-отец принялся прилежно греть на лапах яйцо, а ученый включил приемник и стал слушать удивительную радиопередачу. Так удалось узнать, что температура внутри высиживаемого яйца даже во время антарктических морозов достигает 39,6 градуса.

В Ленинграде уже несколько лет во время соревнований измеряют по радио биотоки мышц гребцов. В Свердловске радиопульсофон сообщает прямо с лыжной трассы о самочувствии спортсмена. А московский инженер Л. П. Шуватов создал специальный радиошлем, в который вмонтированы датчики, питающая их батарейка, усилитель электротока и даже передатчик с антенной.

Датчики укрепляют непосредственно на теле человека. На мочке уха подвешивается небольшая стеклянная пластинка, покрытая тонким слоем полупроводника, чувствительного к свету. С противоположной стороны уха прикреплена крохотная лампочка, которая как бы просвечивает мочку. При каждом биении пульса кровеносные сосуды уха заполняются кровью и на полупроводниковый слой попадает меньше света. В следующее мгновение краешек уха светлеет, и в фотополупроводнике возникает небольшой родничок электротока.

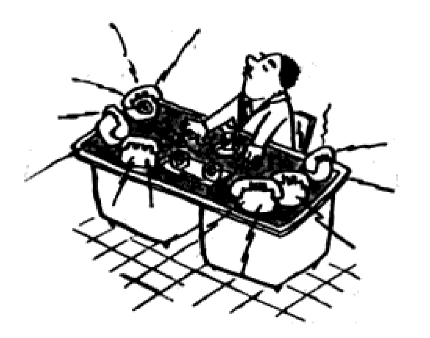
Если взять два таких датчика и на одном укрепить красный, а на другом синий светофильтр, то он сможет различить даже цвет пульсирующей крови и по нему насыщенность ее кислородом. Кровь красная, когда в ней много кислорода, и синеватая, когда она наполнена углекислым газом.

Ритм дыхания не всегда удобно мерить по движениям грудной клетки. Тогда датчик дыхания — в виде знакомого нам конденсатора или электромагнита — можно установить с помощью резинового пояска на пути вдыхаемого и выдыхаемого воздуха.

На руку надевают обычный растягивающийся кусочек проволоки, чтобы измерять мышечное усилие. К руке же и к голове крепятся электроды, отводящие биотоки, возникающие при работе сердца и мозга. Против сердца устанавливают микрофон, превращающий неуловимую мелодию сердца в радиоволны.

Все вместе такие датчики весят граммов тридцать — сорок.

...Именно такое необычное соединение крошечных габаритов и беспредельной дальности действия и позволило ученым слушать удивительные передачи из космоса, так сказать, с борта живого организма.

Пустяк-паша и его ученики

Г. РЫКЛИН

Рисунки В. Сигачева.

Историю о Пустяк-паше мне поведали старожилы. При этом они клянутся, что все в точности соответствует действительности.

В городе Зареченске жил-был не то градо-, не то еще какой-то начальник, носивший звучную фамилию Пустяк-Пустяковский.

Был он крикун и самодур. И вдобавок страдал манией величия.

Войдя в раж, он кричал благим матом:

— Знаешь ли ты, кикимора, перед кем стоишь! Я вельможа, паша!

В городе (конечно, за глаза) над ним потешались. И кличку ему присвоили — Пустяк-паша.

И вот случилось, что бог в несказанной милости своей ниспослал этому доморощенному паше болезнь, именуемую в просторечии гриппом. В вельможном носу поселился зловредный насморк, не признающий ни чинов, ни званий.

Один из врачей Зареченска дал господину Пустяк-Пустяковскому мудрый совет:

— Возьмите, ваше превосходительство, носовой платок и вытрите нос!

Его превосходительство испепелил лекаря своим могущественнейшим взором.

— Что?! Чтоб я сам унизил себя? У меня есть помощники и слуги! Их дело — держать в неге, в холе и в чистоте мой нос!..

Так сказал Пустяк-паша. Сказал, не подозревая, что у него найдутся ученики и последователи в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Вот почему мы и сочли нужным напомнить читателю об этой старой зареченской истории.

Ведь водятся еще у нас этакие Пустяки, которые полагают, что почесать свой собственный нос, а тем более ударить палец о палец — ниже их достоинства. Пустяк не говорит, а небрежно провозглашает. Не ходит, а шествует. И, чинно шествуя, сам себя уважает до умопомрачения. Он из кожи лезет вон, чтоб уберечь от солнца, ветра и пыли свой гладко вытюженный авторитет. Ему все кажется, что когда было распределение авторитетов, его обидели: обошли позлащенной чашей.

Как бы ему хотелось позвонить в универмаг и приказать:

— Пришлите мне на дом еще пять метров авторитета! Конечно, первого сорта!

Но в ассортименте торговой сети до сих пор еще нет такой дефицитной ткани. Верный ученик и последователь могучего зареченского Пустяк-паши не унывает. Он почти все свое рабочее время посвящает растяжке своего куцего авторитета. Надо все время быть начеку: как бы не сделать что-нибудь и тем уронить свое достоинство! Как бы самому не вытереть свой собственный нос!

Ему потребовалась папка № 17. Она, рыжая, тощая, скучает рядом с его креслом на монументальной этажерке. Стоит протянуть руку — и папка очутится на твоем столе.

Но протянуть руку — ниже его достоинства. Он кличет секретаршу («Как ее имя? Как фамилия?» Быть в курсе таких подробностей — ниже его достоинства) и велит подать папку № 17.

Ему нужно позвонить на второй этаж сотруднику. Самому позвонить — ниже его достоинства. Он говорит секретарше:

— Позвоните этому... как его... Энскому, чтоб он соединился со мной.

И вот приходит к нему... этот... как его... Энский. Он, пожилой человек, стоит перед ним как лист перед травой. А Пустяк-паша сидит, задумчиво попивая чай с лимоном. Чай — горячий, Пустяк — холодный.

Этот... как его... Энский обращается к нему по имени-отчеству. А он называет его по фамилии. Величать не совсем ответственного сотрудника по имени-отчеству — ниже его достоинства.

О нем напечатано сатирическое стихотворение в стенгазете. Что делать? Покаяться в прозе на критику в стихах? Нет, это—ниже его достоинства. И вообще почему он обязан реагировать на писания фельетониста?

У скороспелого паши водятся мелкие подражатели, так сказать, пашенята. Ребята-пашенята горазды чихать, но хотели бы, чтоб кто-то другой ходил за ними с носовым платком. Они тоже считают себя вельможами, а посему им ли ударять палец о палец?

С пашенятами можно столкнуться в самых неожиданных местах. Нельзя равнодушно проходить мимо них, потому что и они способны омрачить наше хорошее настроение по мере своих сил и должностей.

Недавно один человек рассказал мне:

— Ехал я во Львов. Вечером захожу в вагон-ресторан купить папирос. Полно народу, кто закусывает, а кто, грешным делом, и выпивает. Две раскрасневшиеся официантки бегают от стола к столу, еле поспевая разносить горячие напитки, холодную еду и подогретые улыбки. А заведующий (виноват, директор) этого могучего царства каменных гуляшей и твердолобых бутербродов сидит у стойки за столиком, ничего не делает, но руководит: об этом свидетельствует его осанка, взгляд, авторитетное постукивание пальцами по столику. Я дерзнул обратиться к нему насчет пачки папирос. И получил отпор:

— Нельзя! Все девушки, сами видите, заняты по горло.

— Но вы же ничего не делаете,— сказал я, мягко улыбаясь.— Вот лежат папиросы. Дайте мне пачку.

— Странно рассуждаете, гражданин! — изрек он строго и нравоучительно.— Я директор. У вас, я вижу, на сей счет полное недопонимание.

Видимо, страдает этаким недопониманием и еще один человек, поведавший мне о другом случае:

— В Москве, на улице Горького у двери книжного магазина — столик с журналами и книгами. У столика — молодая девушка. Стоит, ничего не делает, переглядывается с Юрием Долгоруким. Я к ней:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть последний номер «Крокодила»?

Молчит. На меня не глядит. Ее интересует Юрий Долгорукий, тем более что он не обременяет ее вопросами о «Крокодиле».

Я повторяю свой вопрос. Девушка повторяет свое молчание.

Из магазина выходит другая девушка.

— Вам что надо, гражданин?

— Первым делом,— говорю,— мне надо выяснить: вот эта продавщица глухонемая? Почему она не отвечает?

— Она не обязана отвечать. Она не продавщица, а заместитель заведующего отделом. Что вам нужно, журнал или книгу?

— Книгу.

— Какую?

— Книгу жалоб.

— Сейчас, гражданин. Она называется «Книга жалоб и предложений».

— Чудесно! У меня конкретное предложение: научить эту высочайшую особу торговать и разговаривать.

Я тоже расскажу о девушке. Я ее случайно встретил тоже в Москве, в магазине галстуков на Кузнецком. Будь я поэтом, я посвятил бы ей несколько пламенных строф. Мне нужен был один галстук, а я купил семь. Режьте меня, вяжите меня, но иначе я не мог поступить, потому что девушка — удивительное дело! — не считала ниже своего достоинства лазить на полки, ходить на склад, вынимать товар из священной витрины, разговаривать со мной, убеждать, примерять на мне очаровательные образцы великого галстучного искусства. Она, не стесняясь, говорила: «Одну минуту, я сейчас сбегаю за другими галстуками...»

А между тем кто я такой? Обычный покупатель...

Я вспомнил некоторые случаи, когда принцессы увлекались красивыми пастухами. И я (простите за нескромность) подумал: не взволнована ли девушка моей внешностью?

Но эта заманчивая мысль сразу увяла, когда я тут же заметил, что и с другими гражданами (и даже гражданками!) эта продавщица не ленится обращаться вежливо и предупредительно.

Вот кого никакой Пустяк-паша не может завлечь в свои верши.

Надо все же признать, что его улов не увеличивается, а сокращается. Сокращается, но не прекращается. Еще кое-где поныне здравствуют паши и пашенята. Они считают обидным для себя вытирать свой собственный нос, тот самый, который они совсем некстати задирают кверху.

ЧАСЫ БЕЗ СДАЧИ

— Девять рублей тридцать восемь копеек,— сказала официантка.— Уплатите по счету.

Посетитель согласно кивнул головой и положил на стол часы.

— Сдачи не надо,— сказал он небрежно, встал и, пошатываясь, пошел к выходу.

Официантка пожала плечами, часы скользнули в кармашек фартука.

Оригинальный пассажир поезда Хабаровск — Москва питался в вагон-ресторане регулярно и рассчитывался аккуратно все той же валютой — часами. И от всевидящего ока директора ресторана, конечно, не укрылся этот новый вид товарообмена. Директор А. В. Доронкин решительно вмешался. В результате он вез жене золотую «Зарю», приобретенную всего за 25 рублей.

Продавцы станционных ларьков и буфетов вертели в руках новенькие часы различных марок. Не обошел пассажир и проводника своего вагона: прощаясь, протянул ему новенькую «Победу» за выпитые по дороге чаи и попросил сдачу... десять рублей.

Москву показывала гостю официантка вагон-ресторана. Они вместе с утра до вечера шныряли по скупочным магазинам. Гость сбывал часы оптом и в розницу. Но это продолжалось недолго: сотрудники уголовного розыска прервали торговлю. При арестованном нашли пятнадцать часов и паспорт на чужое имя.

При ближайшем знакомстве задержанный оказался Былковым Иваном Федоровичем, бежавшим из исправительно-трудовой колонии. По дороге он грабил магазины.

На этот раз Былков потеснился на скамье подсудимых, уступая местечко официантке Е. С. Комаровой, помогавшей ему прятать и сбывать краденые вещи.

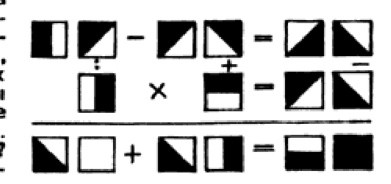
Работникам угрозыска удалось разыскать и собрать больше полсотни часов, множество браслетов, колец, брошек и других ювелирных изделий, отрезы мануфактуры, спрятанные или проданные Былковым.

А где остальные часы? Ведь их было больше сотни! Где вещи из ограбленных им магазинов? Былков их продал.

Не шевельнется ли совесть у владельца незаконно приобретенной вещи? Не отнесет ли он ее в ближайшее отделение милиции?

В. ВИНОГРАДОВ

Задача

Вместо квадратов расставьте цифры от 0 до 9, чтобы решить 6 задач на 4 арифметических действия. Одинаковые квадраты означают одинаковые цифры.

Ирина и Дик Читошвили. Ольга Петрова. Афанасий Белов.

Роза Джелакаева.

Надежда Михайлова.

Анастасия Кочкарева.

Владимир Хворостов и Эммануил Мегиров.

ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
На ОГОНЕК

На очередном заседании творческого клуба редакция журнала «Огонек» принимала группу московских артистов. В зале засверкали яркие костюмы, зазвенели мониста: это пришли гости из цыганского театра «Ромэн». Зазвучали народные цыганские песни в исполнении артистки Надежды Михайловой. Огненную венгерку танцевали заслуженная артистка республики Ольга Петрова и артистка Роза Джелакаева. Роза Джелакаева не только танцует, она еще спела румынскую песню «Смуглый парень».

Из сатирических образов, созданных артистом Афанасием Беловым, один из наиболее интересных и острых — образ поэта Евгения Ального. Именно в этой роли и выступил известный артист. Он прочитал несколько стихотворных пародий.

Комическую танцевальную сюиту показали лауреаты Всероссийского конкурса артистов эстрады Владимир Хворостов и Эммануил Мегиров — солисты балета эстрадного оркестра под управлением А. Лундстрема.

И еще один лауреат того же конкурса порадовал собравшихся своим искусством: певица Анастасия Кочкарева спела кубинскую песню «Любовь мулата» и песенку маленького азербайджанского пастушка, слова и музыка которой написаны самой исполнительницей.

Высокое профессиональное мастерство продемонстрировали иллюзионисты Ирина и Дик Читошвили.

Серые охотники

Каждое зимнее утро на колхозное поле из леса приходили мышковать лисы.

И вот однажды одна из них, как всегда, явилась на охоту. Добычи было много. Лиса быстро перебегала от одной норки к другой. Издали она казалась черной точкой на белом фоне.

Вокруг было тихо. Вдруг сидевшие на макушках осин сороки затрещали: на лисьей тропе появились волки. Впереди шел огромный матерый вожак, позади — два волка поменьше.

Выйдя на опушку, волки заметили лису. Некоторое время хищники с жадностью

смотрели на прыгающего зверя. Но вот вожак повернул назад и на лисьей тропе, возле большого серого пня, начал быстро разгребать снег. Вскоре было выкопано продолговатое углубление, в которое и улегся вожак головой к полю. Маскировка удалась на славу: морда спрятана, а серая шерсть волка сливалась с цветом пня. Два других волка постояли, посмотрели на своего вожака и рысцой затрусили вдоль опушки.

Забежав в тыл мышковавшей кумушке, загонщики поскакали к лисице. Заметив врагов, лиса стрелой метнулась к опушке, где залег волк. Когда лиса поравнялась с пнем, из снега выскочил серый хищник. Все было кончено. Вожак схватил добычу и понес ее в глубь леса.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

КОНЦЕРТ С НОТАРИУСОМ

После смерти Никколо Паганини его скрипку по завещанию передали на вечное хранение в Геную.

В 1908 году в результате сильнейшего землетрясения в Италии были разрушены города Мессина, Реджо-ди-Калабрия... Погибло 150 тысяч человек. Сотни тысяч людей остались без крова. В это время в Генуе концертировал известный скрипач Губерман. Он предложил дать концерт в пользу пострадавших. Желая привлечь как можно больше публики, устроители обратились в муниципальный совет с просьбой разрешить Губерману играть на скрипке Паганини.

В присутствии городского нотариуса и двенадцати свидетелей футляр со скрипкой Паганини был вынут из-под стеклянного колпака, обвязан лентами национальных цветов и опечатан, о чем составили нотариальный акт. Затем в сопровождении того же нотариуса, свидетелей и почетного караула футляр перевезли в театр и поместили в ложу.

Когда Губерман вышел на сцену, скрипку вынули из футляра и передали концертанту. После каждого номера скрипка торжественно возвращалась на место, что отмечалось нотариусом. С точно такой же церемонией скрипку доставили после концерта обратно.

Я. ПЕШКОВСКИЙ

На первой странице обложки: В лесах Горной Шории.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: На лыжную прогулку в выходной день. Совхоз «Ленинский», Северо-Казахстанской области.

Фото Я. Рюмкина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

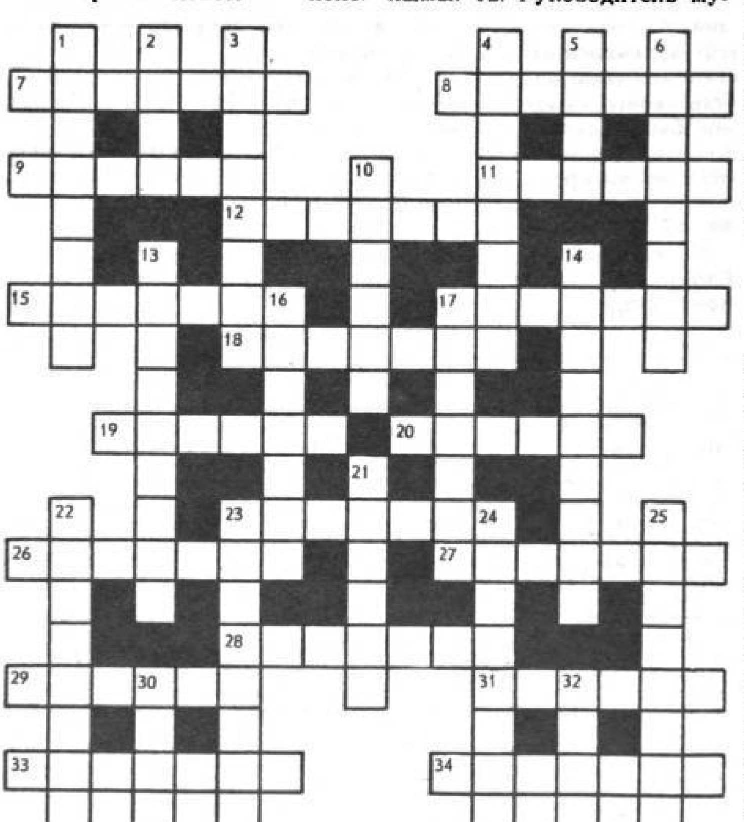
По горизонтали:

5. Мирабель. 6. Вершинин. 9. Виварий. 10. Ягдташ. 11. Лесбос. 12. Асафьев. 17. Рейкьявик. 18. Филателия. 19. Мазут. 20. Вьюга. 25. Зимородок. 26. Варисфера. 29. Початок. 31. Моцион. 32. «Корсар». 33. Материк. 34. Дерматин 35. Режиссер.

По вертикали:

1. Дастан. 2. Ильинский. 3. Перигелий. 4. Лихтер. 5. Марганец. 7. Наборщик. 8. Каффа. 13. Экватор. 14. Ляпунов. 15. Кальцит. 16. Лесгафт. 21. «Миргород». 22. Полосатик. 23. Калорифер. 24. «Трубадур». 27. Калев. 28. Колыма. 30. Лосось.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Создатель учения об электромагнитном поле. 8. Разновидность, видоизменение. 9. Плод фруктового дерева. 11. Приток Колымы. 12. Руководитель музыкального коллектива. 15. Советский физик, академик. 17. Рыба отряда окунеобразных. 18. Тип социветия. 19. Застывший кусок металла. 20. Американский писатель. 23. Машина для разработки грунта. 26. Остров Японии. 27. Недостаток времени для обдумывания шахматных ходов. 28. Уверенность в добросовестности, искренности. 29. Отчизна. 31. Ценный пушной зверек. 33. Римский поэт. 34. Наборная машина.

По вертикали:

1. Забайкальский сурок. 2. Французский композитор XVII—XVIII веков. 3. Сооружение для велосипедных гонок. 4. Вид подвижной декорации. 5. Древняя столица инков. 6. Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 10. Работник, обслуживающий подъемную машину. 13. Герой книжки итальянского писателя Джанни Родари. 14. Точные часы. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Певчая птица. 21. Астроном, открывший законы планетных движений. 22. Странствующий актер в Древней Руси. 23. Картина В. Е. Маковского. 24. Оценка, отзыв. 25. Созвездие северного неба. 30. Государство на Ближнем Востоке. 32. Слово или выражение в переносном смысле.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02068. Подписано к печати 15/III 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 563. Заказ 653.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1

2

3

4

Показывает Рига

Художники Рижского Дома моделей считают наиболее целесообразным, красивым и удобным спортивно-деловой характер одежды. Даже в нарядных вещах мы придерживаемся этого направления, с той разницей, что ткань выбирается более нарядная по фактуре или цвету.

Часто в решении современного костюма мы используем элементы национального народного творчества, которые придают одежде большое своеобразие.

1. Нарядный костюм из льняного полотна. Отделка — хлопчатобумажная прошва и вышивка по национальным мотивам.

2. Платье из яркой набивной ткани. Край юбки отделан цветным кантом.

3. Такой костюм хорошо надеть летним вечером на взморье.

Куртка отделана аппликациями по народным мотивам.

4. Весеннее пальто.

Художественный руководитель Рижского Дома моделей **А. ГРАМОЛИНА.**

Фото И. Тункеля.

— Как жизнь?
— Потихонечку!

Рисунок В. Соловьева.

Докладчик-очковтиратель.

Рисунок М. Абрамова.

На побитие рекорда.

Рисунок В. Воеводина.

Перестраховщик.

Рисунок Р. Овивяна.

